

10-25 Září 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

10-25-го сентяб. 1931 г.

88-89

10-25-го верес. 1931 р.

П Р А Г А

Р Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий

А. П. П. П.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: *** Стих. (Verše).
 2. Владимир Куртин: К отцу! (K tatíčkovì).
 3. Оксана Печениг: Голосіння. (Verše).
 4. Виктор Карпушкин: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
 5. А. Литвиненко: Гимн Казакии. (Hymna Kazákii).
-
6. Les Cosaques et la question cosaque.
 7. А. Ленивов: Исторические судьбы Казачества. (Historické osudy kozáctva).
 8. С. Савельев: По поводу доклада Д. Е. Скобцова. (O přednášce p. Skobcova).
 9. П. Ярмоленко: „Матрьошнікі.“ (Matrjošniki).
 10. Генерал А. А. Гейман. (General A. A. Gejman).
 11. Думы и мысли. (Dumy a myslì).
 12. В. Карпушкин: Под ст. Тимошевской. (U stanice Timošovské).
 13. Шамба Балинов: Несколько замечаний по поводу Мельниковской лжи. (Několik slov o lži p. Mělnikova).
 14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 15. В Казакии. (V Kozákii).
 16. На Дальнем Востоке. (Na Dalekém Vychodě).
-

Почтовый ящик.

Франция. — Д. Л. — Исполнено. Привет.
Болгария. — Я. Л. — Хорошо. Привет.
Клевеланд. — П. К. — Получено. Спасибо. Привет.
Югославия. — Я. Г. — Получено. Привет.
Югославия. — Я. К. — Получено. Привет.
Франция. — П. К. — Получено. Хорошо. Привет.
Болгария. — И. К. — Посылается. Привет.
Греция. — Ф. К. — Исполнено. Привет.
Франция. — И. С. — Получено. Спасибо. Привет.
Югославия. — К. Ш. — Получено. Привет.
Югославия. — К. Т. — Посылается. Привет.
Франция. — О. Ш. — Одержали. Дякуємо.
Греция. Пирей. — В. — Получен. Спасибо. Привет.

Франция. — А. И. — Получены. Привет.
Италия. — Н. П. — Получено. Привет.

Чикаго. — С. — Послано.

Франция. — Г. К. — Лучше всего Вам обратиться непосредственно к г. Лысенко и заранее хорошо списаться. Адрес его помещен в августовском номере „В. К.“ Привет.

Бухарест. — А. Ш. — Справа с колонизацією стоїть слабо. Як би що було цікавого, так Вам сповістемо. Вітаємо.

Клевеланд. — А. А. — Получено. Большое спасибо. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин, Конная, 76. (P. Kovgan, Harbin, Kona 76).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo, ul. Boguszweska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neupert, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семеев, 28.

Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.

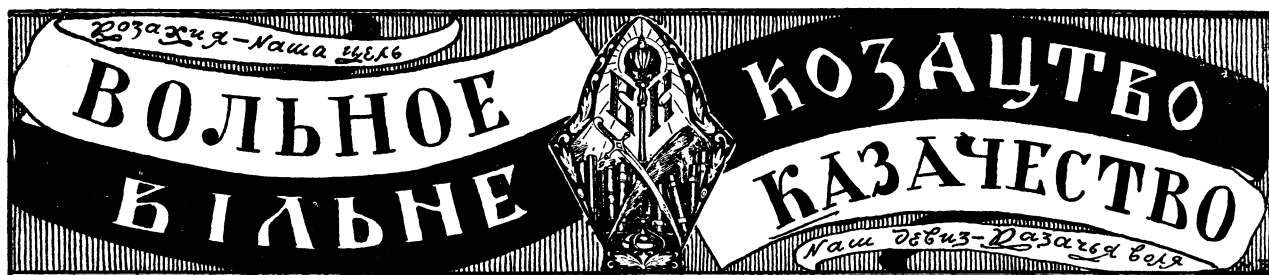
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreess, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.
(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 88—89

10—25 сентября, 1931 — 10—25 вересня, 1931.

№ 88—89

И. М. Назаров. (Югославия).

* *

Посвящается противнику...

Вы говорили вздор и в брызгах вашей речи
Была хула. Не лучше ли, без слов,
Нам глаз на глаз сойтись при встрече —
На двадцать пять шагов.
Во-первых, о царе: его я позабыл
И перешел в шатры другого стана.
Царя ведь уж и нет: мужик его убил —
Ваш брат иль сват — рукой тирана.
Солдаты ваши же, безумцы-изуверы,
Стреляли в маленьких царят, —
И не спасли их — нет, ни ваши офицеры,
Ни генералов русских штат.
И поздно нам над бездною потерь
Считаться с тем, кто виноват в ужасном:
Мы ль, — „изменившие“ ему теперь,
Иль вы, — его убившие напрасно.
Народ ваш — я ему не думал изменять:
Он не был мой народ и нет ему измены.
Народ ваш м о й народ не шел ли истреблять —
Как вал морской на каменные стены?
Чего не делал он? — все грабил, сколько мог, —
Жег хутора и разорял станицы;
Везде за ним пажарные зарницы
Обозначали след его дорог.
Насилие и гнет, расстрел и рабства цепь
Нёс ваш народ в разрушенные страны...

И кровь лилась, и заливала степь,
И плакали Мамаевы курганы.
И пал один наш славный Атаман,
И пал другой, как богатырь, могучий,
А вы все шли, как черный ураган,
Как саранча — кровавой тучей.
Народ ваш и теперь, как Каин и палач,
Глумится над моим народом,
И муки адские и похоронный плач
Там все сильнее с каждым годом.
За что же должен я не быть ему врагом?
Нет, кровь за кровь, за муку — мука!
Не так долга, я думаю, разлука
И встретимся мы с ним на поле боевом:
Там наши всадники сомкнутся в грозный строй
И бросятся, как вихрь, сметая в волны Дона
Все ваши пешие ползущие колонны,
С одеждой серою и серою душой.
Там месть за кровь польется вашей кровью;
Там будет пир отмщения за гнет...
Я не иду из принципа к злословью,
Пишу здесь лишь о том, как мыслит мой народ.
Поймите ж нас, не как „изменников“ поймите,
Но как противников с открытою душой:
Мы боремся за то, что вы хулите
И нашу Родину и наш порыв святой;
Мы боремся за честь, поруганную вами,
За ужас и позор всем памятной весны...
Вот почему в огне кипящими сердцами
Мы ненавидеть вас и будем, и должны...

Владимир Куртин. (Югославия).

К о т ц у !

Андрюше Чаплыгину не было и 5 лет, когда его однажды ночью бросили вместе с узлами, сумами и мешком муки на „ход“ и, под гул и треск разрывающихся над станицей снарядов, испуганные кони вынесли его из родного двора на улицу.

Андрюша нащупал ногами знакомый зад деда.

— Ага, дедушка правит, подумал он и хотел было уж выкарабкаться изпод полсти, чтобы взять у деда возжи, как кто-то потянул его за шубенку назад под полсть:

— Лежи, не рыпайся...

Андрюша узнал мать. Втиснулся между узлами. Лежит. Вдруг что-то оглушительно треснуло над ними. Ход рванулся, понесся еще быстрее. Мать вскрикнула и легла на Андрюшу. Обгоняя ход, протоптало что-то. Слышны какие-то крики. Цокотанье других ходов...

Андрюша еще некоторое время прислушивался к тому, что творилось за полстью. Заснул...

Смутно помнит речку, над которой с одной и другой стороны надвинулись до неба высокие елки, ра-

стущие, как казалось Андриюше, одна на другой. С тех елок стреляли по повозкам. Андрей помнит как дедушка вдруг выпустил возжи и, чудно дернувшись, свалился под передок хода. Оглянувшись за ним Андриюша, а вместо деда, почти над самой своей головой увидел дышло и две страшные конские морды...

Отца Андрей помнит хорошо. Шел дождь. Под полстью было мокро, а не было к кому прижаться, чтобы согреться, т. к. мать правила. Андрей жевал мокрую пышку и плакал.

Право держи! Право держи!..

Высунул Андрей голову испод полсти и видит казаков в бурках и башлыках. Много их. И все по два, по два проезжают мимо повозок.

Вдруг мать радостно закричала:

— Вася!.. А потом заплакала.

Андрей высунулся совсем и увидел отца.

— Папаня мой! Папаня!..

А две сильные руки уже подхватили его на седло, по щекам защекотали усы... Андрею так удобно и так уютно под отцовской буркой...

— Батя, я с тобой на коню поеду!..

А отец только крепче прижимает его к себе... Еще раз... еще...

И опять Андрей на повозке, под полстью, а отец усакал за другими казаками...

Как он с матерью опять оказался дома, не помнит. Жили они сперва в маленькой кухне, что около конюшни, а в доме стояли „большевики“.

Большевики каждый день ловили по две-три курицы, совали их под нос матери, которую называли: „Стерва“, а не Даша, как отец, —

— вари, стерва!

И мать целый день варит, моет, чистит. Ничего им не отвечает. А ночью плачет и говорит, что у нее — „сердце разрывается“.

Андрей не знает, как и почему они переселились на гумно в маленькую дедову хатку, в которой он, как говорила мать, жил летом, когда караулил арбузы. Тут протекло все Андриюшино детство. Тут они сажали картошку, лук, капусту, помидоры. Овощей имели столько, что и самим хватало и на базаре могли кое-что продать.

А когда бывало идучи на базар, проходили мимо своего дома, мама не позволяла и посмотреть на него, не только что внутрь войти. Сама же угнет бывало голову, платок спустит до самого носа, а Андрей, если заглянет под платок, видит, что она плачет...

Почему они не живут в своем доме, когда большевических солдат там уже нет, Андрей не знал, но детским своим сердцем чувствовал, что ушли не своей волей.

Каждую субботу к ним приходил рыжий Афонька, мальчишка лет девяти, что жил в их доме. Афонька никогда не входил в их двор, а став за плетнем, просунув в дыру голову, кричал:

— Эй, стерва, полы мыть!

Андриюша, позеленев от злости, пускал в него камнем, но испуганная на смерть мать поскорей затворяла его в хату, а сама бежала за Афонькой.

А вечером, вернувшись измороженная, разбитая, с синяками на коленях, она долго, долго лежала с Андриюшей на лежанке, рассказывая об отце... Как он дрался с большевиками, как ушел за море, как было прежде, когда отец жил дома, а как будет, когда он опять вернется.

Мать умышленно держала сына в мире, ничего общего не имеющего с окружающей их действительностью и потому, когда он, бывало, заснув под ее рассказы, видел чудесные сны, они у него ничем не отличались от не менее чудесной „яви“, о которой рассказывала мать. Только что все во сне и та „явь“, что была, и та, что будет сливались в одно — в есть.

Больше всего Даша Чаплыгина боялась, как-бы ее сын не „окомсомолиться“ и потому никогда не пускала его самого в станицу. А когда уходила из дому, затворяла его в хате.

Оставшись один, Андрей обычно доставал из „потайного“ места конверт с фотографическими картинками и, примостившись у окна так, чтобы видеть каждого

прохожего на улице, принимался рассматривать карточки.

Прежде всего он смотрел отца из „действительной“. В белой черкеске, белой пушистой папахе, с вынутой из ножен шашкой в руках, с кинжалом на поясе с серебряным набором — отец смотрел на Андрея добро, а вместе с тем и как-то строго. И — ровно в глаза. Куда бы Андрей не отклонился: на лево ли, на право ли от карточки — отец поводил за ним глазами. Будто следил за каждым его движением: не наделал-бы чего. Не случилось бы с ним что. Точь в точь, как и мама.

На второй карточке отец вместе со станичниками — сослуживцами. В середине на стульях сидят два офицера; перед ними на корточках казаки и за ними стоят казаки. Кинжалы воткнуты в землю, а на рукоятках папахи. У всех казаков, что сидят на корточках, бритые головы. Между ними сидит и Андриюшин отец. Весело смотрит он на Андриюшу и будто подмигивает.

А вот отец на коне, с шашкой на голо! Шашка в крови. Около передних ног коня в траве лежит турок, немного подальше другой и третий... Андриюша внимательно рассматривает трупы турок, воображением дополняя все то, что на фотографии не видно.

А вот папаня уже офицер. С белыми „Егориями“ и белыми погонами на черной черкеске. Мать говорит, что была и большая карточка, где отец снят со всей своей сотней, да ту большевики сожгли.

Так Андриюша рассматривает карточки, разговаривает с отцом и другими казаками, пока не придет мать, или ктонибудь не остановится на улице, около плетня. В этом последнем случае Андрей мигом прятал карточки в конверт и закидывал его в дыру в стене — „потаенное место“.

Знал он очень хорошо, что мать ничем так не дорожила, как этими карточками, а когда большевики обыскивают — больше всего боялась, как бы они их не нашли.

Вечером мать то починает Андриюшину рубашку или штаны, то передидовывает свою кофточку или юбку, то плетет из шпагата чувяки и потихонько, чтобы кто случайно не услышал с улицы, поет казачьи песни.

Любил Андриюша слушать мамины песни. Только она никогда еще не „доиграла“ ни одну песню до конца. Начнет потихонько петь, иголкой „колбает“ по латкам, а уж на глазах слезы... А потом так заплачет, что и иголку бросит и рубашку скомкает... Ухватится руками за голову и только стонет сквозь плач:

— И когда-ж ты вернешься!.. И когда-ж этому конец будет!..

А за матерью и Андрей начинает плакать...

Прежде всего начнет мать плакать, когда запоет: „Уж ты сад, ты мой сад“...

Как только дойдет до:

— Почему-ж ты, мой сад,

Так не ясно цветешь...

голос у нее начинает дрожать, в глазах появляются слезы, губы подергиваются... А когда начнет выводить:

— О... ой... убираешься?..

и совсем расплачется...

Андриюша знал все песни и часто думал о том, как он будет хвалиться перед отцом, когда тот вернется.

А что он вернется он не сомневался. Он его ждал. Ждал всегда. Ждал страстно, нетерпеливо... Когда, бывало, мать долго не возвращалась из станицы, Андрей думал:

— Наверное пришел папаня.

Когда и сам бывал то ли на Кубани или в садах, собирая в вязанку старые чубуки — он бегом спешил домой:

— Обязательно папаня дома!

Ожидала мужа и Даша, хотя и не с такой уверенностью, как Андриюша. С большей надеждой она ожидала от него письма.

В первое время, когда еще были праздники, а на почте еще служил старый почтальон Гринько, она вместе с другими бабами часами выстаивала около почтового крыльца, ожидая, что Гринько прочтает и ее

имя и бросит с крыльца через головы баб письмо. Но вот уже почти 3 года прошло с тех пор, как она вернулась с Побережья, а письма не было.

Тяжело было Даше стоять между веселыми, горластыми мужичками. Будто голая стояла она между ними и от стыда, оскорблений, беспомощности, чувства беззащитности ежеминутно готова была разрыдаться, колотить руками и ногами по мерзким ухмыляющимся мордам, выпалить им все, что накопилось на сердце... если-бы не Андрей...

Стиснет Даша зубы, угнет голову еще ниже. Слушает чье имя выкрикивает почтальон... Имена все чужие, которых раньше в станице никогда не было...

Раскатиasto смеются веселые бабы, получив письма от своих „мужей“ и кавалеров.

Не переставая поют „яблочко“... А то вдруг примуться подтрунивать над Дашей.

— А ты, гражданка, от кого письма ожидаешь? В каком полку твой „супник“ служит?

И разразится злым хохотом. Молчит Даша. Ничего не отвечает. Только думает:

Господи, дай сил сдержаться. Не проговориться-бы. Не вышло-бы чего... Не сделали-бы что Андриюше...

Однажды, когда Даша с Андреем возились на своем крохотном огородачке к плетню подошел старый Гринько. Он хотя уже и не служил на почте, но по старой привычке заходил туда ежедневно.

И раньше, когда Даша случайно встречала Гриньку, сердце у нее начинало учащенно биться, а с уст готов был сорваться вопрос, на который она 3 долгих года так мучительно хотела-бы получить утвердительный ответ:

Есть ли письмо?

Сейчас-же, когда Гринько, отворив ворота, направился прямо к ней, Даша почувствовала, что у нее как-то вдруг не оказалось в легких воздуха, под ногами зашаталась земля, а вопрос, за который она столько перетерпела, застыл на обескровившихся губах...

— Дарья Петровна — письмо от мужа!

Даша, как стояла, так и опустилась на грядку, а прорвавшиеся слезы беззвучно полились по ее высохшим, преждевременно избороздившимся щекам...

Гринько стоял, переминаясь с ноги на ногу, крихтел, чмыкал носом...

Даша плакала... Но это были слезы, которые очищают сердце, с которыми выплакивается вся боль, все обиды, вся горечь, накопившаяся в сердце за долгие годы страшной неизвестности.

Письмо, конечно, было отворено, и Бог знает сколько раз прочитано чекистами, но разве это для Даши могло иметь какое значение?.. Для нее был важен факт: Вася жив и сообщает ей об этом через всех этих чекистов, которые будь Вася здесь, живьем бы его съели. Это не был „голос с того света“, но сигнал, возвевающий перемену. Выход из мертвого круга безнадёжности, затравленности, а главное — одиночества.

Андрей, серьезно и как-бы глубоко о чем то размышляя, смотрел на письмо, ничем не обнаруживая, какие чувства вызвало у него это первое письмо отца, первый его голос. Только когда Гринько прочитал письмо до конца, он взял конверт, долго рассматривал его со всех сторон, провёл несколько раз пальцем по строкам адреса, отклеил марку...

— Мама, это папашино письмо?

— Да, родной, папашино.

— Значит, он держал его в своих руках?..

— Конечно, когда сам, своей рукой написал. Знаю я хорошо руку Василия Сергеевича, ответил за Дашу Гринько.

И письмо пришло от него к нам?..

— Да вот видишь: пришло.

Андрей задумался.

— Значит и сам папаня может прийти к нам?..

Старый Гринько будто поперхнулся чем-то, боязливо осмотрелся кругом...

— Ну, это ты много спрашиваешь...

— А где он? Только теперь спохватилась спросить Даша.

— Ненашинскими буквами написано. Ну да помаленьку разберем:

— Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca... Ba-nat. Ba-va-niš-te... ломая язык, с трудом прочитал Гринько.

— А где это?

О существовании такого Краљевства Гринько до сих пор и не слышал, а где оно находится — понятия не имел.

— А кто это? Показывая марку спросил Андриюша.

— Должно-быть ихний царь...

Письмо и марку положили вместе с фотографическими карточками и в тот же вечер отписали большое письмо.

А не прошло и 2 месяцев — получили ответ. Теперь они уже знали, что отец живет в Сербии. А где эта Сербия, Гринько знал определенно.

Каждое письмо отца для них было большим радостным событием. Светлым праздником в беспраздничной советской жизни. Теперь они знали все об отце, а отец знал об них. Только... только отец не знал, что они не живут в своем доме, а на гумне, что у них отобрали все — до последней тряпки, что Андрея не приняли в школу, как офицерского сына, что мать раньше каждую субботу, а теперь по воскресеньям моет полы в его доме, в котором живут приехавшие из России две комсомы... Еще тогда, когда они получили первое письмо, старый Гринько им посоветовал не писать всего, т. к. такое письмо до отца все равно не дошло бы, а и самим тогда беды не обернуться...

А жизнь с каждым днем становилась все тяжелее: огород, который их все-таки кое-как кормил, отобрали. Просто пришли однажды какие-то бабы, изругали Дашу, как хотели, взяли из огорода все, что можно было взять, и ушли. Казаков в станице осталось мало, попросить куска хлеба не у кого, и голод притиснул Дашу и ее сына еще страшнее, чем в 22 году...

Босый, в невероятных лохмотьях бродил Андриюша по садам и плавням около Кубани, собирая пикули, лесные яблоки, груши... а мать из всего этого умудрялась варить похлебку...

Сама Даша обносила так, что и показаться на улице стыдно было. Не раз ее высмеивали совроссийские бабы.

— Видишь, охвицерша прелести свои показывает.

А одна из них, хорошо известная в станице „почти комиссарша“, душевно посоветывала:

Написала бы ты свое у. Деньжищ у него, пади, хоть отгребай, — послал бы на юбку... И многозначительно подмигнула своим товаркам.

Больно резнул Дашу совет коммунистки. Знала она хорошо, куда идут доллары, которые казаки посылают из заграницы. Не послушала Даша совета гулящей предженагиткомы, не написала мужу, а дня через три, четыре к ней пришел не кто иной, как сам почтвскрывать, товарищ Фунтиков — гроза и трепет всех „ущемленцев“, саботажников и частников. Сев за стол, товарищ написал письмо Дашину мужу с нижайшими до земли поклонами, слезными мольбами вернуться домой, с припиской в конце письма:

... А пока пришли нам хоть 10 долларов. Нужно дом покрыть т. к. протек... Не сомневайся: деньги у нас на почте никогда не пропадают... И перечислил имена всех тех, которые „получили“...

Поставила Даша на письме крест, а Андрей всю пятерню, чтоб у отца не было никакого сомнения. Марку товарищ сам приклеил.

— Вернешь, когда доллары получишь, подло ухмыльнулся товарищ Фунтиков и ушел...

А Даша с тех пор не только что долларов, но и писем от мужа уже не получала...

Жизнь стала не выносима. Нестерпимая головная боль в конце измучила Дашу. Целые дни и ночи лежала она на голой лежанке, крепко стиснув бескровные губы, а мутными, точно мертвыми глазами, установившись в грязное пятно на потолке, которое после каждого дождя становится все больше и больше. Но Даша не видит ни потолка, ни обваливающейся с него глины... вообще глазами Даша ничего и никого не видит, а

только сердцем. И только своего Андриюшу. Она видит, как он, точно звереныш, крадется по колхозским гумнам, собирая колосья, то около сарая с картошкой, то около старой мельницы Шилиных, где ему Кондрат мельник, дает иногда пригоршню муки, то бродит по опустевшим садам, собирая старые сухие чубуки...

— Долго-ли так будет?.. Что из него выйдет?..

О себе она очень хорошо знала, что долго не протянет...

Андриюша все чаще и чаще находил ее в обморочном состоянии... Плакал около нее, бил себя кулачками в грудь, обнимал ее голову, целовал ее в сухие, крепко стиснутые губы...

— Мама, родная моя!.. Мама!.. Папая скоро придет!.. В станице все говорят... Приедет!..

Если мать скоро приходила в станицу, Андрей весело вертелся около печи, где он на жестянке пек пышки, а в золе картошку и без умолку рассказывал матери, как они славно заживут, когда вернется отец; если же обморок длился долго, Андриюша, наморщив брови, задумавшись, тихонько садился на маленький «стульчик», прижав лбом к ее изголовью... Тогда в хатенке Даши Чаплыгиной бывало тише, чем в могиле, а в маленькое оконце даже и месяц не заглядывал, чтобы не видеть, как живут побежденные...

А однажды, вернувшись из станицы, Андрей нашел мать мертвою. Лежала она в обычном своем положении — на спине. Только руки были не под головой, а на груди. Крепко сплелись сухие холодные пальцы, а на почерневшем лице жутко торчит заострившийся нос. Глаза по-прежнему смотрят в грязное пятно, разросшееся уже по всему потолку...

Андрей долго смотрел в мутное стекло широко открытых глаз матери, присел около ее изголовья, прильнул лицом к ее неестественно вытянувшейся шее... За стеной хлопает первый осенний дождь, через дыру, что в центре грязного пятна на потолке, падают тяжелые капли и четко такуют разбиваясь о воду в подставленном еще утром под дыру ведре... Так, убаюканный однообразным таканьем дождя, Андриюша проспал до утра... А утром пришел старый Гринько с писарем из сельсовета и двумя «пожарными». Пожарные положили мать на носилки и понесли на кладбище. Андриюша босой, в материнной кофте, накинутой на голову, молча шел за носилками... Старый Гринько с писарем остался дома — переписать вещи — как он объяснил Андриюше. Но, вероятнее, потому, что боялся идти по станице за телом умершей, чтобы не заподозрили в сочувствии казакам.

С кладбища Андриюша шел сам. А когда пришел домой, Гринька и писаря уже не было. С минуту Андрей нерешительно стоял посреди хаты, потом быстрым привычным скачком взобрался на лавку и достал из дыры в стене конверт с фотографическими карточками. Одну карточку положил за пазуху, а остальные опять спрятал на старое место. Постоял еще немного; равнодушным взглядом обвел пустую хату. Вышел. Холодный дождь сразу полился за воротник его кофты, добравшись до спрятанной карточки, но т. к. на Андрее еще с раннего утра все было мокро, — он не обращал на то никакого внимания. Торопливо шлепал по лужам, перелезал канавы, пересекал пустые гумна. Станица была точно мертвая. Лишь кое-где подвывали собаки.

Андриюша хорошо знал станицу; еще — лучше задворки; так, не выйдя нигде на улицу, обойдя все дворы, он подошел к дому, в котором жил старый почтальон Гринько.

— Ты что, малыш? нежно спросил Гринько Андриюшу, когда тот, тихонько отворив дверь, нерешительно остановился на пороге. — Да войди, войди... Обсушись немного... Да, теперь ты сам остался... Дела... как бы за себя говорил дед, снимая с Андрея мокрую кофту...

— Обсушись, обсушись немного... Сядь вот тут, около печки... Говорил я писарю: в детколонию тебя отправят...

— Не хочу я туда, дедушка... Не пойду я туда, — уныло, но и решительно отозвался, наконец, Андриюша...

— А куда-ж ты?.. Как жить будешь?..

— К отцу пойду, дедушка...

— К отцу?! Даже присел от удивления Гринько.

— Как же ты найдешь его?..

— Затем и пришел, чтобы вы мне растолковали где эта Сербия...

— Э, далеко это... нужно железной дорогой до Новороссийска, потом переплыть на пароходе море... Будет тебе Болгария. Пройти всю Болгарию, потом начнется Сербия...

— А можно ли на лодке через море?

— На лодке?.. Не доедешь. Большое то оно, Черное море... Да ты взаправду?..

— Взаправду, дедушка... Напиши только адрес папани...

У доброго старика заслезилась глаза.

— Пропадешь, малый... Ну да и тут пропадешь, уже про себя подумал он и на маленьком клочке бумаги написал:

„Андриюша Чаплыгин, казак, идет к отцу в Сербию, Банат, село Баваниште“...

— Не показывай всякому, а то выпорят и в трудколонию отправят... Да никому не говори, что это я тебе написал! Не скажешь?..

— Не скажу, дедушка, хоть убьют, не скажу... Ведь я ж — казак!..

Дед заплакал, сунул Андриюши в руку бумажный рубль...

— Айда... Айда теперь...

Андрей ушел. И уже в Кропоткине смешался с сотнями голой, голодной „беспризорной“ детворы, которой кишат все узловые станции Страны Советов...

Нордост стих. Но огромные валы мертвой зыби еще яростно били о капитанский мостик „Faraby'a“, который то скользил в глубокий водяной ров, то неуклюже выбирался на пенный гребень, то падал на левый, то на правый борт, то зарывался носом в бок поперечной волны. Завернутые гряды волн с глухим шумом раскатывались по палубе, могучими всплесками ударяясь о стекло рулевой будки, где старый Джим, впившись глазами в мутные контуры черноморских гор, вертя огромным штурвалом, вел паромод к Новороссийску. „Faraby“ был без груза и без балласта... Да ведь шел за дешевой пшеницей!..

Джим до боли в глазах всматривался в неясные очертания гор, стараясь ухватить под ними высокую трубу элеватора. На компасную стрелку и не смотрел: не первый раз Джим в Новороссийске. Даже говорить по русски немного умеет... Последний раз он был здесь в 1920 году. Всего насмотрелся. И хоть и не особенно разбирался в русской революции, о большевиках мнение сложил определенное:

Beasts — звери.

Помнит Джим, как они последний раз отчаливали от Новороссийска. Будто сейчас видит толпы обезумевших от отчаянья казаков, их жен и детей. Слышит плач, проклятья... А хорошо знал, что их страх и отчаянье оправданы. Ибо с гор уж спускались — звери...

Резкий треск телеграфа превал мысли Джима. Автоматически припал ухом к рупору...

With right is a Boat!

Налег Джим на штурвал. Свернул на лево нос „Faraby'a“. Сейчас и сам видит: баркас — под правым бортом, перевернутый... Выждал Джим, когда подошел вал, свернул под откос, в ров, и баркас оказался на гребне выше палубы.

Матросы ухватили его крючьями, тянут... Но — что это за баркасом волочить?.. Джим даже штурвал из рук выпустил...

God be with us!.. A boy!

Из воды показалось полуголое тело мальчика, привязанное канатом к раму баркаса.

Столпились около него матросы. Даже капитан подошел... А когда, по приказанию капитана, стакивали с мертвого мокрое тряпье, нашли в нем зашитую в холст фотографическую карточку и клочек бумаги.

— Ей, Джим!..

Джим посмотрел на карточку, на бумажку, на синее-зеленое лицо мальчика.

— Казак... офицер...

Взял бумажку в руки. Прочитал. Но из всего написанного понял только последнее слово:

— К отцу.

To father — перевел он столпившимся матросам и капитану. И неловко сдернув с головы фуражку,

опустился на колени перед трупиком Андрюши Чаплыгина. Опустились на колени и матросы...

Father our that thou art on heaven... Начал срывающим голосом старый Джим молитву.

Eternat rest. — Amen. Закончили матросы...

Потом обмотали тело Андрюшино куском полотна, привязали к ногам два колосника... Столкнули с борта...

Скользнув по откосу волны, Андрюша тихо поплыл к отцу...

Оксана Печеніг (Болгарія).

ГОЛОСІННЯ.

Горенько! зрубано
Ліс мій улюблений!
Ліс мій знівчено,
Квіти посічено!..

Той одурманений,
Того поранено,
Той, лиш народжений,
В землю положений!..

Ліс мій порубаний!
Квіти посічені!
Того загублено...
Того зкалічено...

Нащо ви марили,
Квіти одурені? —
Лиш по-за хмарами
Щастя майбутнє...

Лиш по-за хмарами
(Пощо і марити?)
Правда бажана,
Доля людяная...

Виктор Карпушкин. (Брно).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Взвейся наш флаг над родною землею,
Символом воли и братства нам будь.
Мы горды своею седой стариною,
За землю родную подставим мы грудь.
Девиз наш пусть будет: от рабства к свободе!
И тени погибших — призывом немим.
Народ наш порвал все оковы неволи
— Свободу и волю из рук не дадим.
От Дона к Уралу гранитной стеною
Казакію нашу мы верно храним;
Волю вернувши ценой дорогою,
Нашим потомкам ее сохраним.

А. Литвиненко. (Франція).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Боже сильный, Боже правый —
Казакію нам спаси,
От врагов ее коварных
Сохрани и защити.
Будь защитником ей вечно,
Помогай в борьбе орлам
За свободу, честь и право
Верно-преданным сынам.
Мы, от стара и до млада,
Будем храбро защищать
Казакію молодую
Дорогую нашу мать.

Les Cosaques et la question cosaque.

I.

La grande guerre avait ébranlé plusieurs empires, profondément changé la vie de tous les peuples du monde, modifié la carte politique de l'Europe, ainsi que d'autres continents; et c'est au nom du principe de libre arbitre des nations, si cher à notre époque, que la lutte épuisante était menée. En formulant les buts de la guerre dans ses célèbres quatorze points le président Wilson mit en lumière la question nationale. Aussi les „points“ de Wilson devinrent arguments de haute importance pendant les discussions d'après guerre, quand il était question des nouveaux états.

Ces idées de liberté, d'affranchissement qui semblaient planer au-dessus de l'Europe centrale et occidentale, pouvaient-elles perdre toute leur force suggestive en s'approchant vers les confins de l'Est? Décidément non. Car la Russie n'a jamais été une unité parfaite. Ce pays énorme, composé de régions essentiellement disparates par leur caractère et leur population, avait été bien avant la guerre sous la menace de désunion.

C'est avec la révolution russe de 1917 que le moment d'agir est venu pour les peuples subjugués de la Russie. Les liens d'une monarchie centraliste qui tenaient jusque là le

complexe entier des peuples si différents étaient rompus. La volonté de vivre et d'agir réveillée dans ces peuples par le grand élan révolutionnaire leur dictait de suivre leur propre destinée nationale. On pourrait même dire que l'aspiration vers l'affranchissement national était l'âme même de la révolution de 1917. Les questions nationales dans leur aspect pratique furent posées à l'ordre du jour. C'est donc comme problème essentiel qu'il convient de considérer les luttes des nations de cette époque. Les perdre de vue signifierait de se faire une idée totalement fautive de la révolution russe. Et ce qui importe, c'est d'étudier et de comprendre comment les peuples eux-mêmes avaient posé la question de leur indépendance.

Or, presque tous les peuples de l'ancienne Russie ayant atteint une certaine hauteur de conscience nationale avaient déjà sous le régime tsariste combattu pour leurs droits, en tant que c'était possible dans les conditions politiques de la Russie absolutiste. La révolution ranima leurs espoirs, raffermi leur volonté de se créer leur existence propre. C'est ainsi que naquirent les états Baltiques qui surent garder leur indépendance, — en partie grâce à des circonstances favorables du milieu historique. Quant aux pays du Sud et de l'Est, comme l'Ukraine, le Caucase et quelques régions en Asie, leur liberté fut violée par l'invasion bolcheviste et leurs pays réoccupés par le pouvoir de Moscou soviétique.

Parmi les nations qui avaient dans leur passé lutté contre la politique du pouvoir centraliste et dès la révolution renouvelèrent la lutte visant au but de séparatisme politique se trouvent aussi les Cosaques.

La question de formation d'un état indépendant fut dès la révolution posée par les Cosaques. Mais le tourbillon des événements révolutionnaires n'avait laissé le temps de s'organiser qu'à deux républiques cosaques les plus grandes de toutes — celles du Don et de la Koubagne. Don proclama son indépendance nationale par la Constitution de 1918. Le même se produisit en Koubagne où la Constitution fut adoptée le 5/18 Décembre 1918. Mais le flot de la révolutions russe ayant porté au pouvoir les bolcheviques une guerre cosako-bolchevique s'ensuivit et ce fut dans les péripéties de cette lutte inégale que le Don et la Koubagne ont perdu leur indépendance, tandis que les Cosaques de Terek, d'Astrachan, de Jaïk et d'Orenbourg qui étaient près de l'acquiescer, durent quitter tout espoir.

Les peuples de l'ancienne Russie découvrirent déjà en 1917/18 que les mots d'ordre de la révolution n'étaient point aussi tentants qu'ils ne semblaient d'abord. C'est que la révolution commençait à rassembler ses forces contre les nations nouvellement délivrées et — oh, ironie du sort! — elle ne tarda pas à devenir désastre tragique pour leurs causes. Nous pouvons constater que tous les gouvernements

de l'époque révolutionnaire se ressemblaient dans leur énergie indomptable dont ils faisaient preuve en combattant les peuples qui voulaient se séparer de la Russie pour rétablir leur indépendance politique. Le Moscou des Rouges, comme celui de leur adversaires, s'efforce de même d'imprisonner toutes les nations derrière les murs impénétrables de la Russie „Une et indivisée“.

C'est peut-être les Cosaques qui ont reçu les plus violents coups de l'invasion bolcheviste. La situation devenait de plus en plus menaçante — d'autant plus que les territoires cosaques étaient envahis par les troupes „des Blancs“ qui se préparaient ici pour la future campagne — cela ne pouvait que compliquer les chances.

C'est justement grâce à cette lutte sur deux fronts que la position des Cosaques devint si désespérée. Les forces étant inégales, les Cosaques ont dû capituler — c'était la défaite. Une partie de leurs armées passa aux mains des vainqueurs. Bien d'autres étaient forcés de prendre la fuite et gagnant la frontière devenir réfugiés politiques. Les pays cosaques sont occupés par l'armée rouge de Moscou. L'occupation soviétique établit dans toute la région cosaque le régime communiste. Une destruction barbare sévit dans le pays; le peuple est forcé de subir des injures inouïes, des persécutions inhumaines, anéantissement complet. Quant aux émigrés cosaques qu'on peut trouver de par le monde entier, ils supportent courageusement leur sort douloureux et ne cessent de se préparer à la lutte d'exemption.

On est presque porté à croire que si les Cosaques ont perdu la guerre avec les Bolcheviks, le tort en appartient dans une certaine mesure aux deux grandes puissances européennes — l'Angleterre et la France. Car l'Entente, tout en secourant le mouvement „blanc“ de Denikine et plus tard de Vrangel, avait usé toute son autorité politique et morale, ainsi que son immense appui matériel, pour les tourner contre les Cosaques. L'exclusivité avec laquelle l'Europe fournissait munition, approvisionnement et toute autre aide aux troupes blanches aboutit à ce que les troupes cosaques luttant contre les bolcheviks de Moscou étaient obligées de se soumettre au commandement des généraux blancs — bien que leurs idées ne fussent pas les mêmes et que les Cosaques déjà dans ce temps n'eussent aucunes illusions sur l'avenir de „la contre-révolution blanche“.

Le fait que les grandes puissances avaient si largement aidé le „mouvement blanc“ en refusant tout secours aux Cosaques ne s'explique que par la triste vérité que l'Angleterre et la France ignoraient absolument le phénomène le plus caractéristique de la révolution russe — les mouvements nationaux. Nos alliés d'alors ne connaissaient point nous autres, Cosaques, et ne s'intéressaient pas à nous connaître quoique nous fussions la plus con-

sidérable force anti-bolcheviste. D'ailleurs l'Europe et l'Amérique d'aujourd'hui sont également peu informées sur les Cosaques, comme nation parfaitement originale dans son type individuel, et sur leurs aspirations politiques et sociales.

Et pourtant la lutte continue dans les pays subjugués par le pouvoir de Moscou. Les peuples qui ont proclamé leur liberté nationale ne pourront jamais céder aux tendances de Moscou (rouge ou blanche, peu importe) de les garder dans la captivité. L'esprit de liberté n'est pas mort parmi les peuples de l'ancien empire de Russie. Et ce n'est pas seulement la fin de la tyrannie bolcheviste qu'ils attendent avec une si grande impatience. Une fois la dictature des communistes renversée, les pays limitrophes seront gagnés par le feu d'insurrections et c'est ainsi que les événements vont mener à une lutte sans merci qui aura de beaucoup dépassé les limites des pays relatifs.

Donc, pour éviter les erreurs fatales d'une politique qui avait précipité les diverses nations de l'ancienne Russie sous le joug moscovite, il faudrait que l'opinion publique du monde civilisé s'intéresse à la tourmente à l'Est de l'Europe, que l'on tâche nous comprendre, en apprenant la vérité de nos propres bouches.

Le but proposé dans cet article est donc d'informer le lecteur étranger sur la question cosaque, l'orienter très généralement. Comme beaucoup de renseignements faux et provocatifs sont répandus par les milieux hostiles aux Cosaques, il importe que le lecteur étranger apprenne la vérité, qu'il entende la voix des Cosaques aux-mêmes disant leurs espoirs politiques et leur interprétation des droits nationaux.

II.

La population des pays Cosaques est de 11,705.900. C'est dire que la Cosaquie quant au total des habitants égale presque des états comme la Yougoslavie et la Tchécoslovaquie et surpasse bien des états européens (Bulgarie, Danemark, Lithuanie, Hollande, Belgique, Suède, Suisse, Norvège etc.). Ainsi, comme nous voyons, le pays cosaque possède un assez gros chiffre d'habitants pour qu'on puisse parler d'un état indépendant.

Quant au degré de culture dans les masses cosaques on peut estimer que la moyenne en est à la hauteur de bien des nations d'Europe, et sans doute supérieure aux quelques nations balcaniques. Quant au „standard“ de vie, les Cosaques sont de beaucoup supérieurs aux Russes dans la Grand-Russie, comme aussi à bien des peuples asiatiques de l'ancien empire.

Les Cosaques des six régions européennes habitent en masse ininterrompue leur territoire historique tout entier. Cette position géographique des Cosaques, ainsi que le fait qu'ils re-

présentent l'élément le plus discipliné et le mieux organisé dans le pays leur valent une prépondérance qui prête un caractère absolument autochtone au pays entier. Bien naturellement une conclusion s'en dégage que le rôle conducteur dans l'oeuvre de création du nouveau état doit appartenir aux Cosaques, la force la plus soudée du pays.

Le territoire de la Cosaquie occupe 870.150 kilomètres carrés, ce qui fait près d'une cent treizième partie de toute la superficie du monde.

Donc, en ce qui concerne l'étendue des terrains occupés le pays Cosaque surpasse de beaucoup les plus grands états de l'Europe (excepté la Russie Soviétique).

Les frontières de la Cosaquie sont: à l'Est la mer Caspienne sur presque toute sa partie du Nord; au midi — le Caucase et la Mer Noire; à l'Ouest — la Mer D'Azov et l'Ukraine, au Nord — la Russie.

Le pays Cosaque est arrosé par plusieurs fluves considérables: Don, Kouban, Terek, Volga, Oural (Jaik) avec leurs affluents.

Le sol est fertile.

Comme type topographique le pays présente des steppes, bordées par la mer et les montagnes. À l'Est c'est la chaîne de l'Oural, au Midi les montagnes du Caucase et à l'Ouest les pics du Donetz qui forment le cadre du tableau.

Grâce à une situation géographique aussi favorable le pays possède en abondance toutes les richesses naturelles qu'on puisse imaginer: blé, bois, bétail, poissons, sel, charbon, pétrole, argent, fer etc.

Relativement au voisinage politique les pays cosaques sont situés comme suit: ils bordent à l'Ouest l'Ukraine, au Nord — la Russie, à l'Est les régions Kirghises et Turkmènes; au Sud la Georgie et les peuplades des Montagnards du Caucase.

L'importance économique du territoire Cosaques pour le marché mondial est très considérable. La possession des ports de deux mers donne une accession libre des débouchés mondiaux; en plus, la situation du pays sur la croisée des chemins de l'Europe en Asie fait prévoir pour la Cosaquie un avenir très remarquable dans le commerce international.

En somme, le pays cosaques grâce à leur position géographique avantageuse et grâce à l'abondance de leurs richesses naturelles présente du point de vue économique une unité ayant toutes les perspectives d'une existence matérielle bien indépendante.

III.

Le lecteur étranger devrait avant tout s'approprier la notion du type ethnographique des Cosaques, type tout particulier, appartenant à la famille des anciennes tribus Slaves, qui habitaient autrefois l'extrême Sud-Est de l'Eu-

rope. La branche cosaque de cette famille forme un complexe parfaitement original sous l'égard de mœurs et de culture morale, qui garde toute son individualité à côté d'autres peuples de l'Orient slave — Ukrainiens, Grands-Russes et Blancs-Russes. Pour donner une idée de ce qui est le monde cosaque, comme nation, nous allons tracer ici un aperçu bref de l'histoire des Cosaques.

Dans le passé le vaste territoire de la Cosaquie avait plus d'une fois souffert des invasions des hordes nomades qui venaient de l'Asie. Après qui les Slaves en quittant les régions boisées, du Dnieper, de la Vistule, la côte de la mer Baltique et les Carpathes commencèrent peu à peu leur pérégrination vers le Midi, en groupe assez considérable se détacha des peuplades du Sud et prit en possession le Don et la péninsule de Taman (le triangle entre les mers Noire et Azov et les montagnes du Caucase). Pourtant des nouvelles hordes s'approchaient toujours du Levant. Toute la côte de la Mer Noire était pendant des siècles envahie par les peuples nomades militants dans leurs migrations vers l'Occident. Quelques unes de ces peuplades ne faisaient que passer les steppes, étant débusqués par des voisins, plus forts; d'autres, qui étaient eux-mêmes les plus forts, y restaient pour un temps plus long, comme c'était le cas avec les Avars, Khazars, Petcheniegues, Polovtsi, Torky, Berendei.

Les tribus nouvellement émigrées devaient radicalement changer dans le nouveau milieu des steppes, sous l'influence si proche de l'Orient. L'espace sans bornes des steppes, la proximité des hordes sauvages et rapaces, leurs attaques fréquentes, le danger perpétuel, — tout cela obligeait les pacifiques habitants des bois de s'adapter aux nouvelles conditions de leurs nouveaux domiciles. La nécessité de défense moulait en eux des guerriers.

D'autre part, il y avait aussi l'influence contraire: les Slaves, qui étaient plus cultivés, agissaient sur les nomades et les assimilaient. Aussi ce procès alla-t-il si loin que quelques uns de ces peuples orientaux, comme les Khazars, les Torks, les Berendei et une partie des Petcheniegues et des Polovtsi furent entièrement dissolus dans la masse des Slaves.

La fusion des cultures — slave et orientale — et la pénétration réciproque des deux types ethniques — slave et turc — avait créé un nouveau type. Il différait des Slaves de l'Occident ainsi que de ceux du Nord — Est non seulement par ses traits physiques qui accusaient quelque addition de sang oriental, mais aussi par les qualités psychiques — fruits de l'influence subie.

Ainsi à l'époque quand les Slaves se différenciaient en peuples, une nouvelle branche avait poussé à l'extrême Sud — Est de la zone Slave. C'était une fusion du sang turc et de la culture orientale dans la masse slave. Son centre était la Russie d'Azov. Isolée des aut-

res Slaves par les nomades, cette région avait gardé plus fidèlement ses coutumes anciennes.

Même plus tard, quand les Slaves passèrent de la primitivité patriarcale aux formes sociales plus supérieures, quand le développement du commerce exigea la création des grandes villes en Russie d'Azov, la population ne s'est point détournée des anciennes traditions populaires. Au contraire, elle montra beaucoup de force et de persistance à cultiver l'ancienne pratique des conseils populaires qui se nommaient „Vetché" et qui n'étaient pas sans influence sur l'idéologie démocratique de leurs descendants — Cosaques. Sans aucun doute, les principes d'égalité, de fraternité, de valeur individuelle si pleinement manifestés dans toutes les étapes de vie des Cosaques prennent leur source dans ces anciens rites nés pour faire face aux dangers de la vie des steppes. C'est grâce à ces dangers que l'usage des conseils populaires et l'élection du chef s'est profondément enraciné chez les aïeux des Cosaques contemporains — ces Russes d'Azov. L'usage est resté intacte même alors quand les princes de Kiev de la dynastie de Saint Vladimir étendirent leur puissance jusqu'en Azov (Tmoutarakan). Les deux formes du pouvoir — celle du Prince et celle du „Vetché" — s'unirent dans un compromis original qui semblait sanctionner l'autorité du Prince par la volonté du peuple.

L'invasion des Tartares (Mongoles) anéantit, comme on le sait, la puissance des Princes au Sud-Est de l'Europe. En même temps elle l'a fortifiée dans les régions boisées de la Russie du Nord — Est, où les Princes étaient vassaux et tributaires des souverains Tartares. Cela aida sans doute beaucoup aux Slaves des plaines d'Azov de se murer dans leur gouvernement populaire. C'est justement vers cette époque que les nouvelles conditions historiques avaient donné un milieu propice à la formation des Cosaques.

La steppe des nomades sauvages vint pour la seconde fois jouer un rôle remarquable dans l'histoire des Slaves du Sud-Est (Cosaques et Ukrainiens). La population privée de son monarque et des institutions sociales créées avec tant de peine, faible devant la terrible menace d'anéantissement, se vit obligée de réorganiser ses forces en les adaptant aux nouvelles conditions de défense. Cette réorganisation des forces slaves pour la défense contre les Tartares trouva justement son incarnation dans les Cosaques. L'évolution historique et le développement des Cosaques eurent son point culminant dans la fondation de deux puissantes républiques cosaques: celle des Zaporogues et celle du Don. La vie de steppe, les conflits dangereux avec les voisins militants ont couvé ces qualités admirables de guerrier qui jusqu'à nos jours font les traits typiques des Cosaques.

L'histoire des Cosaques Zaporogues jus-

qu'en 1775 était entièrement liée avec l'histoire des Cosaques Ukrainiens. Mais après cette date les Zaporogues ont fixé leur nouveau domicile sur le Koubagne; ceci fut le commencement des Cosaques du Koubagne qui entrèrent dans le complexe territorial de Cosaquie. Quant aux Cosaques du Don, ils suivaient leur propre voie historique. C'étaient des colonisateurs. En suivant les grandes voies fluviales leurs avant-gardes ont colonisé au Levant des territoires énormes, pénétrant jusqu'en Sibirie.

Après de diverses péripéties historiques les Cosaques européens se sont constitués en six régions qui sont: Don, Koubagne, Terek, Astrakhan, Jaïk (Oural) et Orenbourg.

Avec le temps Moscou subjuga à son pouvoir tous les Cosaques affaiblis par la lutte inégale. Le Tsar Pierre I rompit la vigueur des Cosaques du Don (1708) et Catherine II mit fin aux Zaporogues (1775).

Dans la suite la politique du gouvernement russe viz à vis des Cosaques restait toujours fidèle à ces principes d'asservissement. Indomptablement elle menait les Cosaques vers la nonexistence, comme à cette heure-ci elle les mène à l'anéantissement.

Durant les derniers temps avant la révolution le gouvernement tsariste s'efforçait de faire les Cosaques jouer le rôle d'une caste militaire, spécifique, tandis que les gouvernements après la Révolution, surtout les Bolcheviks visent le but de „decosaquiser“ les Cosaques, en les exterminant en partie physiquement et en les déportant au Nord de la Russie et en Sibirie. En même temps le pays cosaque est énergiquement colonisé par des paysans venant de la Russie centrale. Cette violence cruelle qui menace d'exterminer pour de vrai toute la nation cosaque continue toujours à être faite.

Mais les Cosaques ne veulent point disparaître. Ils désirent vivre et luttent pour leur affranchissement.

IV.

Nous avons déjà effleuré en passant la question des Cosaques sous le joug communiste. Les pays cosaques souffrent à l'heure qu'il est un régime d'occupation le plus pénible. Les droits populaires des Cosaques sont violés. Toutes les régions cosaques sont incluses dans l'Union des Républiques Soviétiques. Les terrains qui ont appartenu aux ancêtres Cosaques sont confisqués et donnés aux paysans russes venus du Centre. Les richesses naturelles sont exportées vers le centre et la population du pays est ruinée et exploitée sans égards. Toute personne manifestant quelque mécontentement du pouvoir bolchevik avec son système de terreur et de violence est sévèrement persécutée. Ce sont des exécutions barbares, des déportations des milliers en prisons d'Arkhangelsk et de Solovki ou dans les camps de travail qui par leurs conditions sur-

passent tout ce que l'imagination peut concevoir comme privations et supplices...

Les souffrances endurées sont terribles. Pourtant les Cosaques n'ont pas perdu ni leur foi ni le désir de liberté. Tous les moyens qui leur sont accessibles sont bons pour lutter contre les tyrans. Des insurrections ouvertes éclatent de temps en temps; et la muette opposition de la population cosaque contre les représentants du pouvoir haï les entoure d'une atmosphère étouffante. Les Cosaques couvent dans leurs coeurs l'espérance de briser le joug avilissant. Ils ont foi en eux — mêmes, en leur forces et la solidarité des peuples de la Russie des Soviets. Ils croient que le temps viendra quand leurs voix seront entendues, et leur volonté — active.

Les émigrés cosaques partagent les aspirations, les idées et les espoirs de leurs compatriotes malheureux. Les émigrés ont le devoir de préparer pour la nation, en tant que c'est possible, la lutte future pour la libération. Donc, les réfugiés à l'étranger ont mis toute leur activité au service de la cause sacrée de liberté de leur pays.

Il existe quelques différents groupements politiques des Cosaques. Mais il y a un qui possède un programme le plus clairement conçu, radical, plein de vie et si absolument cosaque! C'est l'organisation „Les Cosaques libres“ qui s'est proposé le but de propagande des idées d'affranchissement politique et de création d'un état cosaque. Le programme des „Cosaques libres“ relatif à l'indépendance politique de l'état cosaque est basé idéologiquement sur les Constituantes des deux républiques cosaques et reste lié étroitement avec l'idéal de la guerre héroïque de 1917-20. Cette idéologie trouve son réel dans la formule:

Création d'un état cosaque — la Cosaquie.

Selon ce programme six régions des Cosaques: Don, Koubagne, Terek, Astrakhan, Oural (Jaïk) et Orenbourg avec la région Calmouk en plus s'unissent en union d'état et forment un état fédéré la Cosaquie dans les frontières que nous indiquons en schéma très général: l'Ukraine, les Mers d'Azov et Noire, la Georgie, les montagnes du Caucase, la mer Caspienne, le Tourkestan, les montagnes d'Oural et la Grande Russie.

„Les Cosaques libres“ dans leur activité à l'étranger se proposent le but de formuler nettement et énergiquement les désirs et les pensées des Cosaques, en quittant le point de vue russe qui jusqu'à nos jours avait falsifié les vraies aspirations politiques des Cosaques.

„Les Cosaques Libres“ ont groupé autour de leur organisation presque toute l'émigration (excepté une part d'anciens officiers qui étaient complètement russifiés). Ce succès est dû au fait que seul ce mouvement donne aux Cosaques une solution nette de la question cosaque.

Le mouvement que nous venons de caractériser serait digne d'attention de la part des hommes formant l'élite de l'opinion européenne. Car „Les Cosaques libres“ ont su développer une activité vive et variée, malgré les conditions très peu avantageuses de la vie des émigrés. Voilà la quatrième année que l'organisation travaille intensément à la propagande et à la consolidation et organisation des forces cosaques.

Quiconque voudrait s'approprier la question cosaque dans tout son volume aurait à suivre le mouvement idéologique le plus éminent. Car ses rangs comprennent à côté des hommes d'une haute distinction des Cosaques illetrés; l'organisation présente le centre spirituel pour le pays Cosaque, comme dans la patrie même, de même parmi les émigrés de tous les pays.

А. Ленивов.

Исторические судьбы Казачества.

(Доклад, прочитанный в Париже 16 августа).

I.

„Грамота от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и георгиевскому кавалеру Алексею Максимо-вичу Каледину:

По праву древней обыкновности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709-ое и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом. Подтверждая сею грамотой нашу волю, вручаем тебе знаки Атаманской власти и поручаем управление Великим Войском Донским в полном единении с членами Войскового Правитель-ства, избранного также вольными голосами Войскового Круга. Руководством к законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, наш Атаман, постановления, утвержденные Войсковым Кругом в соответствии с общегосударственными законами“.

Обнародование и проведение в жизнь указаний этой грамоты является актом величайшей исторической важности для Казачества, в частности для Донского Войска. Считая с 1709 года по 1917-ый, т. е. ровно через 208 лет Войско Донское имело возможность „вольными голосами“ выбрать себе Войскового Атамана и при том „природного казака“ и такого, какого (оно Войско) пожелало...

„... Горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка — Басурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался“, поется в старинной казачьей песне на Дону.

Февральская революция 1917 года дала Казачеству возможность устраивать жизнь в казачьих Краях так, как оно пожелает; необходимо отметить, что в своих чаяниях и стремлениях в смысле налаживания жизни на местах, казакам вначале приходилось считаться с революционным Петроградом, который в отношении Казачества продолжал политику, мало разнившуюся от политики правительств царской России.

В наши дни пребывания на чужбине, историк С. Г. Сватиков будет майдан:*)

„За двести лет пребывания своего в составе Империи Донской Край утратил и свою государственность, и свою автономию, и свое самоуправление. Орган Донского народовластия — Войсковой Круг стал лишь символом. Вольные граждане Дона превратились в закрепощенных государству служилых казаков. Привилегии их были утрачены полностью“.

Открывая в мае 1917 г. 1-ый Большой Войсковой Круг, председатель его М. П. Богаевский скажет: „Объявляю после 193-летнего перерыва 1-ый Большой Войсковой Круг Войска Донского открытым“ и... на глазах казаков покажутся слезы.

193-летний перерыв...

„Войсковой майдан“ в ст. Старочеркасской — историческое место, где в день 19 апреля 1709 года в присутствии Петра I были воткнуты на колья головы двух

Войсковых Атаманов Войска Донского — Кондратия Булавина и Ильи Зерщикова. Русский историк проф. Платонов напишет по этому поводу:**) „С этих пор всякая самостоятельность Донского Казачества пала и Правительство стало полным хозяином на Дону. Петр таким образом добился своего“.

Прах поверженного Донского народоправства пребывал под спудом свыше двухсот лет, именно до 1917 года, когда образовавшийся в г. Новочеркасске в марте 1917 г. Союз Донских казаков не выступил с обращением к Войску Донскому, где он писал:

„... Пора пробудиться... Пора вместе с весной природы и весной новой гражданской жизни нашему батюшке-кормильцу Тихому Дону — вздрогнуть в своих берегах от подневольного долгого сна, пора поднять свои чистые синие воды, разлиться с низу до верху в незримые ширь и даль своих степей и пора, пора спокойно, но величаво и громко крикнуть клич своим детям, ныне вольным донским казакам: „

„Собирайтесь, Донцы, во единый Круг! Час долгожданной казачьей свободы настал! Вековые оковы казачьих вольностей спали! Донские казаки сами, по своей воле и своим обычаям, должны устроить теперь свою казачью жизнь“.

„Желаем, чтобы отныне Войско Донское само вело и само решало свои казачьи дела. Желаем жить на родной Донской земле по своим казачьим обычаям. Заявляем, что не учиним обиды иногородним, которым до сего времени было мирно жить и трудиться среди нас, казаков, ибо казак, сам вольный сын степей, ценит и уважает чужую свободу.“

Желаем, чтобы Войско Донское отныне управлялось так, как порешит Войсковой Казачий Круг, собранный из донских казаков, и твердо верим, что каждый казак будет отныне свято хранить возрожденные заветы седой казачьей старины.

Собирайтесь-же вместе, донские казаки, чтобы дружной семьей возродить былые казачьи вольности, самим устроить свою жизнь на новых свободных на-налах и в благоустройстве, довольстве и счастье передать наследие наших отцов и дедов нашим детям и внукам“...

Tempora mutantur (времена меняются)... Пробуждение народного самосознания являет собой грядущее возрождение народа, которое тесно связано с изучением его прошлого — истории, и притом обязательно самим народом, в настоящем случае казаками.

Уяснение настоящего, предусматривание будущего, знание прошлого, — основные этапы пути, коими идет каждый народ. И это тем более касается народа, который, осознав самого себя, начинает движение в сторону национального самоопределения и освобождения.

Salus publica — suprema lex esto! (Общественное благо — да будет высший закон!).

Двигающим фактором, динамическим импульсом в деле освобождения народа, его раскрепощения, являет-

*) С. Г. Сватиков: „Донской Войсковой Круг“ („Донская Летопись“, т. 1-ый, стр. 265.).

**) Платонов: „Учебник русской истории“ стр. 220.

ся развитие самосознания возрождающегося народа. Определенное значение имеет также выявление последовательной зависимости между жизнью народа, как в прошлом, так и в настоящем. Изучение своего прошлого, дает народу ясное и логичное представление об исторических этапах своего развития. Особое значение имеет изучение жизни народа в социально-политическом отношении.

Древний Рим дал в наследие всем поколениям всех народов на вечные времена, между рядом совершенных постулатов, один особо отличный — „История учительница жизни“ — учили римляне. Жизнь народа, не осознавшего своего исторического прошлого, являет собой отсутствие связи в отношении политических и социальных процессов его жизни, сообразно чему и является полнейшее обнищание народа, как в идеологическом, так и психологическом основаниях его государственно-го бытия.

Нивелирующей особенностью времени, когда на полях Юго-Востока Европы в период 1917—1920 г. г. решался вопрос бытия или небытия Казачества, явилась разность понимания политических целей, задач и устремлений в рядах широких народных казачьих масс. Отсутствие тогда взаимной связи между прошлым и настоящим Казачества, определило собой и отсутствие единой казачьей гочки зрения, именно, что соблюдение интересов Казачества — прежде всего и превыше всего.

Век „переоценки ценностей“... И неопровержимым фактом наших дней является то, что Казачество производит пересмотр своей идеологии, среди казаков пробуждается жажда народного самосознания, определяется воля к независимому политическому бытию.

Пора казакам вспомнить, что существует не только славная военная история Казачества, но еще имеется и его знаменательная социально-политическая история.

„Истинный патриотизм требует, чтобы мы верили в свой народ, а истинная вера соединена с бесстрашием, нельзя верить во что-нибудь и бояться за предмет своей веры... Истинный патриотизм требует, чтобы мы любили свой народ, а истинная любовь сочувствует действительным потребностям, страдает действительными бедствиями тех, кого мы любим... Патриотизм требует, чтобы мы хотели действительно практически помочь своему народу в его бедах, не дожидаясь, чтобы помощь пришла сама собой“... — повторим слова Вл. Соловьева. В чем-же должна проявиться наша любовь к своему народу? Каковы практические способы и виды помощи своему народу в годину его бедствий?...

Исповедание идеологии Казачества, осознание своего казачьего Я, использование в нужный момент международной политической обстановки, — суть практические способы и виды помощи своему казачьему народу со стороны его соотеченцев, тем самым прокладывая истинный путь к освобождению Казачества.

Освобождение Казачьих Земель из под власти РСФСР и СССР и создание самостоятельного и ни от кого независимого казачьего государства — К а з а к и (Союз Вольных Казачьих Войск) — вопрос насущного дня, который быть-может суждено разрешить Казачеству в недалеком будущем. И для того, чтобы Казачество стало на правильный путь, вышло на свою дорогу, осознано, сохранило себя, необходим анализ событий прошлого, прогноз событий будущего и синтез событий настоящего!..

Ставим конкретно ряд вопросов:

1. Что дало Казачество России?
2. Что взяла Россия у Казачества?
3. Возможно ли сохранение и развитие Казачества в составе будущей России?

Ответим прежде всего на первый вопрос и ответим намеренно словами — в первую голову — русских исторических документов — официальных или неофициальных, иногда — свидетельствами иностранцев.

„Как и я-то воровской Донской Атаманушка,
Как и я-то гулял, ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал, ведь, бусы корабли,
Как и те-то корабли все не орленые.

А таперича, надежда, православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское!“

Повествует нам древняя былина „О Ермаке“, говорит нам о том, как Донской Атаман Ермак Тимофеевич покорил Сибирь и положил корону Сибирского Царства под ноги московского царя Ивана IV.

Говорить о том, что такое Сибирь для России, кажется излишне, экономические перспективы Сибири неограничены. Припомним только, что в свое время еще Ломоносов сказал — „Российское могущество приростать будет Сибирью“ — коротко и ясно о том, что дал России „воровской Донской Атаманушка Ермак Тимофеевич“.

1 января 1654 года в Переяславле состоялась генеральная рада всего Войска Запорожского, на коей Гетман Богдан Хмельницкий говорил:

Господа полковники, осаулы, сотники, все Войско Запорожское! Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного православия, хотевших искоренить нас. Но нам нельзя более жить без государя. Мы собрали сегодня явную раду всему народу, чтобы вы избрали из четырех государей себе государя. Первый — царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский; четвертый — православный Великий Руси царь восточный. Турецкий царь басурман, и сами знаете, какое утеснение терпят братья наши христиане от неверных. Крымский хан тоже басурман. Мы по нужде свели было с ним дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленения и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жиду и собаку лучше нашего брата-христианина. А православный христианский царь восточный — одного с нами греческого благочестия: мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царскою милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благоднейшего пристанища; а буде, кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет; вольная дорога!“

Раздались восклицания:

„Волим под царя восточного!“

Тогда переяславский полковник начал обходить казаков и спрашивал:

„Все-ли тако соизволите?“

— Все! — отвечали казаки!

Так повествует о присоединении Украины к России (Переяславский договор 1654 г.) историк проф. Н. И. Костомаров.*)

Итак, согласно Переяславскому договору, вся Украина присоединилась к Московскому государству. Чем являлась хлебобобная Украина для России до самого последнего времени, т. е. до 1917 года, известно каждому!...

Сибирь и Украину казаки дали России. Мало-ли это, особенно, если принять во внимание их современное экономическое значение?

Идем дальше:

„В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу Атаманы и казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терека, и Атаман Сусар Федоров и многие Атаманы и казаки ему, государю, под Казанью служили — не за крестным целованием.*) После того при царе Иване Атаман Михайла Черкашенин и многие Атаманы и казаки служили — не за крестным целованием. Ермак Тимофеевич Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки, и царь Иван и тех Атаманов и казаков, которые в Москву присланы были, не велел к кресту приводить, а Ермаку и вперед указал быти на своей государевой службе

*) Н. И. Костомаров „Малороссийский гетман Зиновию-Богдан Хмельницкий“. Берлин 1921 г. стр. 68-69.

**) Т. е. не как подданные.

Атаманам и казакам — не за крестным целованием. При царе Иване ходили Атаманы — Григорий Картавой, Иван Лукьянов и многие Атаманы и казаки государеву службу служили, в осаде в Орешке (Шлиссельбург) — не за крестным целованием. Блаженные памяти при царе Федоре ходил царь под Руюдев (Нарва) и под Ивангород, выходили и Атаманы и казаки с Дону, с Волги, и с Яика, и с Терека, со многих запольных рек: Атаман Посник Лунев и многие Атаманы и казаки царю Федору Ивановичу служили — не за крестным целованием. А после того государь Борис Федорович стоял на береговой (службе) в Серпухове и Атаманы и казаки в ту пору ему береговую служили — не за крестным целованием^(*) — коротко и ясно в скромной форме изложения, описывают казаки, свою помощь Московскому государству в период с 1552 г. по 1598 г.

Период Великой Смуты на Руси (период 1600 — 1613 г. г.). Какова роль Казачества в ней?... Русский историк проф. Ключевский^(**) скажет по этому поводу: „Каждому из этих моментов Смуты сопутствовало вмешательство казачьих и польских шаек, донских, днепровских и висянских отбросов московского и польского государственного общества жаждавших наживы. Разрозненное общество наконец начало объединяться во имя национальной, религиозной и гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи“.

История-же беспристрастно отметит, что в день 20-го августа 1612 года, казаки под главенством Атамана Межакова разгромят войско гетмана Ходкевича, в октябре того-же года возьмут приступом Китай-город, а 13-го января 1613 года в освобожденной Москве откроется Великий Земский Собор. Будет русская летопись писать: „кийждо бо хоташе по своей мысли десяти“ — будут продолжаться на Соборе разногласия, пока не поднимется со своего места Атаман Межаков и не подаст записки князю Пожарскому. И будучи вопрошенным о том „какое писание“ он подал, Межаков ответит: „Я подал писание об избрании на царство законного государя Михаила Федоровича Романова“.

Напомним, что удельный вес писания Атамана Межакова был весьма значителен, ибо совместно с писанием на чашку весов было положено и 6.000 шашек донских казаков. Царем был избран Михаил Романов, а летопись отметит этот факт так: „бысть согласен и единомыслен совет“.

Этот же Земский Собор, совместно с Освященным (Духовным) Собором даст грамоту, в которой укажет: „А за свою нынешнюю и прежнюю многую службу вы Донские казаки от всемогущего Бога милости, а от царя Михаила великое жалованье, от всяких людей Московского государства и от окрестных государств честь и славу и похвалу будете иметь“... Следуют непрерывные войны России с граничащими государствами и народами — Казачество всюду принимает участие.

Полтавская битва. Петр I дает рескрипт терским казакам: „людей турецких и крымских побили, с Чигиринских гор, окопы их, городки, обозы, наметы, пушки и знамена сбили, многие языки поймали — отчего виришь турского султана и крымский хан, видя над собой такие промыслы и поиски, от обозов отступили и пошли в свою землю“.

Анна Иоанновна в грамотах от 4 марта и 13 июля 1737 года пишет: „казаки милостию и награждением оставлены не будут, в чем вы, Войско Донское, можете без всякого сомнения быть благонадежны и всегда Мы к вам пребудем благосклонны“.

Екатерина II в грамоте от 1775 г. 28 июня, отмечая участие казаков в турецких войнах, скажет: „не только приемлем Мы достойными нашего Монаршего отменного благоволения и милости, но и сохраним оные всегда в правосудном нашем признании и памяти“. Она-же в 1793 г. будет писать о донских казаках: „Войско Донское бесстрашно ходило на приступы и опровергало превосходные силы неприятеля в польских сражениях“.

^(*) Отписка Донского Войска Московскому царю от 1632 г.

^(**) Проф. Ключевский — „Курс Русской Истории“ ч. III. стр. 60.

Наполеоновские войны. Оценка деятельности казаков Наполеоном, величайшим из полководцев мира: „если-бы у меня были казаки, я завоевал-бы с ними весь мир“...

Шестидесятилетние Кавказские войны. — „Доблестные Донцы в течение шестидесятилетней Кавказской войны постоянно делили с русскими войсками труды и славу военных подвигов, многие из этих подвигов займут почетное место в истории“, — гласит приказ Великого князя Михаила Николаевича, командующего Кавказской Армии.

Последний русский царь, Николай II, в день 24 января 1906 года дает следующую грамоту:

„Нашему верноподданному и доблестному Войску Донскому:

С первых-же времен своего существования, свыше 300 лет тому назад, славное Войско Донское начало верное свое служение Царям и Отечеству. Неустанно преследуя светлую цель развития зарождавшегося тогда грозного могущества Государства Российского, оно, с тех пор неизменно беззаветной самоотверженностью своей и беспредельной преданностью всех своих сынов Престолу и России, став оплотом на рубежах Государства, богатырской грудью охраняло и содействовало расширению его пределов.

В години тяжелых испытаний, неисповедимыми судьбами Промысла Всевышнего Царству Русскому ниспосланных, все Донские казаки всегда с одинаковой любовью и храбростью, становясь в ряды защитников чести и достоинства Российской Державы, стяжали себе постоянно присущим им духом воинской доблести и многочисленными подвигами бессмертную славу и благодарность Отечества. И в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, Донские казаки, свято исполняя завет своих предков — верою и правдою служить Царю и России, — явили пример всем верным сынам Отечества.

За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу объявляем близкому сердцу Нашему, доблестному Войску Донскому особое Монаршее Наше благоволение и подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему в Бозе почитающими высокими предками нашими, утверждая Императорским словом Нашим, как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего Войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами и кровью предков и утвержденных за Войском Высочайшими грамотами“.

И, наконец, последним по времени издания документом является грамота Российского Правительства (Адм. Колчак) казачьим Войскам, каковую мы считаем необходимым привести полностью:

„Российское Казачество, всегда служившее твердой опорой государственности, своей грудью, на протяжении многовековой истории нашего отечества, самоотверженно прокладывало дорогу к расширению границ Государства и крепко защищало эти границы от внешних врагов, ограждая тем возможность народу Русскому устраивать и развивать свою государственную жизнь.

Выдвигая кордоны и заставы, присоединяя целые области, казаки совершили победоносное шествие Российской государственности, обогривая кровью своею вновь завоеванные пределы. Устремляясь по степям Европейской России на юг, к теплым морям, Черному и Каспийскому, пробиваясь по непроходимым дебрям Урала, Сибири, Кавказа и знойным степям Туркестана, казаки содействовали расширению пределов отечества до его естественных границ — Балтийского, Черного морей и берегов Тихого и Ледовитого океанов...“

На путях исторического развития нашего государства, казаки всегда бесстрашно принимали удары многочисленных врагов, творя великое дело собирания и оберегания земли Русской.

Ныне в тяжелую годину небывалой в летописях истории Государства Российского смуты, казаки, оставшиеся верными заветам своих предков, со всею силой патриотического порыва, с полным сознанием своего национального долга перед тяжело страдающей Родиной, в первых рядах ведут борьбу с разрушителями

Русского государственного дела — большевиками за воссоздание единой великой России.

В постоянной борьбе с внешними врагами Казачество выработало и закалило в себе дух подлинной демократии и сумело сочетать во внутреннем устройстве своего быта и войсковой жизни начала самоуправления с идеей действительного служения государственности и общему благу народному.

Ныне Российское Правительство подтверждает, что оно считает незыблемыми все правовые особенности земельного быта казаков, образа их служения, уклада жизни и управления военного и гражданского, сложившихся веками, видя в них прочный залог дальнейшего развития и процветания боевой мощи Казачества на пользу всей страны.

Российское Правительство, в полном соответствии с современным правосознанием Казачества, торжественно заявляет, что ближайшей его задачей будет издание закона гарантирующего:

1. Сохранение установившихся на землях казачьих Войск основ войскового самоуправления, заключающихся в праве выбора Войсковых Кругов, Войсковых Атаманов, Войсковых Правлений и самостоятельного в пределах закона решения всех вопросов внутренней жизни и управления.

2. Неприкосновенность занимаемых казачьими войсками земель и прав их на владение и распоряжение этими землями.

Российское Правительство верит, что всегда преданное Родине и началам государственности Казачество, сомкнув свои ряды, общими дружными усилиями всего народа Русского, свергнет иго большевицкого самовластия и освободит сердце России — Москву для продолжения строительства Великой свободной и неделимой России.

Дана в городе Омске, Мая 1 дня 1919 года.

Верховный Правитель Адмирал Колчак*.

(Далее следуют подписи всех министров его правительства).

Военная история Казачества красочна своими подвигами, богата яркими примерами и имеет не мало ни с чем несравнимых боевых эпизодов.

„А бьем тебе... всем городом Азовом со всем градским строением и пушками, а пушков в нем 296“. (Из отписки Донских казаков Царю Михаилу Федоровичу по взятии Азова).

Взятие казаками Азова у турок поразило весь мир, но еще более было поражено общественное мнение, когда в 1641 году 6.000 донских казаков под главенством бессмертного Атамана Осипа Петрова в течение четырех месяцев обороняли Азов от нападений 150.000 турецкой армии при 200 кораблях, и, наконец, заставили турок прекратить осаду и уйти восвояси.

Казаки однако были не только отличными воинами, но и превосходными колонизаторами.

Атаман Ермак Тимофеевич завоевал Сибирь, но ее необходимо было колонизировать, чтобы закрепить ее за собой. Эта задача и была выполнена, как соратниками Ермака, так и их потомками, именно: в 1579 г. казаки заложили т. н. Ермаково Городище, в 1584 г. — г. Тюмень, 1587 — Тобольск, 1592 г. — остроги Березов и Сургут, 1604 — Томск, 1616 г. — г. Кузнецк, 1618 г. — Енисейск, 1621 г. — г. Красноярск, 1631 г. — Братский острог на р. Ангаре, 1632 г. — г. Якутск, 1635 г. — г. Олекминск на р. Лене, 1638 г. — Усть-Янск на р. Яне, 1641 — Верхоленинский острог, 1644 г. — Нижне-Колымск, 1647 г. — г. Баргузинск.

В 1648 г. казак Семен Дежнев прошел на р. Анадырь. „Путешествие казака Дежнева с реки Коломы вокруг северо-восточной Азии к р. Анадырю, обнаружил, что Старый Свет отделен от Нового“, говорит знаменитый немецкий ученый, проф. Пешель в своем труде „Die Geschichte der Erdkunde“.

В 1649 г. — казаками построен г. Хабаровск, г. Верхне-Удинск, 1656 г. — г. Нерчинск, 1666 г. — г. Селенгинск.

Спустя сто лет сибирские казаки проникли в Аляску каковая и была закреплена за Россией.

Колонизация Сев. Кавказа проведена посредством Донского, Черноморского, Кавказского, Гребенского, Терского и Ставропольского казачьих войск.

Колонизация Туркестана проведена посредством Оренбургских и Яицких казаков.

„В степи широкой под Иканом,
Нас окружил коканец злой,
И трое суток с басурманом,
У нас кипел кровавый бой —

поют уральские казаки, вспоминая подвиг сотни есаула Седова.

Военно-политическое значение Казачества для России было огромно, услуги Казачества России непомерны.

В 1861 г. император Александр II писал: „казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы Империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам“.

Так говорится русским царем о Казачестве в смысле колонизационном. Нечто иное можно слышать о казаках в смысле защитников государства. Генерал Моран, участник Наполеоновского похода в Россию, пишет следующее: „Какое великолепное зрелище представляла европейская конница, поблескивая золотом и сталью в лучах июньского солнца, растянувшись по берегам Немана, полная заора и смелости! И какое горькое воспоминание о напрасных передвижениях ее изнуренных в погоне за казаками, до того времени презираемыми и сделавшими для спасения России больше, чем вся ее армия“... „... Самая прекрасная и храбрая конница извелась и растаяла от действия воинов, которых она считала недостойными себе, но усилия коих (казаков) были достаточны, чтобы спасти Империю, настоящим оплотом и единственным спасителем, которой они являются“.

Мало, однако, красивых слов, чтобы отметить выдающуюся боевую славу казаков, мало широковетельных рескриптов, манифестов и грамот, необходимо знать и помнить — какой ценой, утратой скольких жизней, смертью скольких своих сынов, Казачество было „обязано“ потрудиться над расширением „границ Российского Государства“. Как примеры берем войны XIX и XX ст. ст., в коих принимали участие казаки.

1801 год — император Павел I отправляет в Индийский поход не более, ни менее, как 22½ тысячи Донских казаков (41 конный полк при 2 конно-артиллерийских батареях), иными словами — 25% мужского населения Донского Войска в ту пору.

В 1806—1809 гг. в войнах с Наполеоном и турками, принимает участие свыше 120.000 казаков, т. е. 25% мужского населения Казачьих Краев.

1812—13 года, — казаки дают до 150.000 бойцов, иначе 30% мужского населения.

1853—1856 г. набор казаков достигает максимальной цифры, именно 160.000 казаков, т. е. 35% мужского населения.

Кавказские войны на протяжении 60 лет: достаточно указать, что на Линиях одних только донских казаков пребывало свыше 200.000 человек.

1877—1878 гг. Казачество дает 125.000, т. е. 25% мужского населения.

1904—1906 гг. Казачество в войну России с Японией, а равно и „для внутренней службы“ в России выставляет до 150.000 казаков, т. е. 20% мужского населения.

1914—1917 гг. Казачество, составляя всего 2,8% населения Российской империи, выставляет на поле брани до 450.000 бойцов, т. е. 22% мужского населения Казачьих Краев.*)

Настоящие данные лучше всего показывают, как Казачество выполняло свой „долг“ в отношении России, а сверх того еще и указывают, как не равномерно был распределен военный набор в России и в Казачьих Облестах. Крупный современный военный ученый проф. ген. Н. Головин, исследуя в своем труде „О военных усилиях России в Великую войну“ — вопрос о стойкости русских военных континентов, пишет:

*) Жаль, что докладчик не указал, какой процент выставила сама Россия. Ред.

„Как общее правило, южная половина России дерется лучше северной“. Разбирая труд проф. ген. Головина, г. А. Ерес в статье „Убитые и раненые в Великую войну“*) — пишет: „работа ген. Головина дает ряд настолько показательных и доказательных цифр, что спорам остается мало места. Вот часть этих цифр, подчерпнутая из многочисленных таблиц, составленных ген. Головиным:

На 100 убитых, раненых и пленных приходится:

	кров. потерь:	пленных:
В казачьих частях	— 94	— 6
В гвардии	— 91	— 9
В стрелковых частях	— 82	— 18
В кавалерии	— 79	— 21
В гренадерских частях	— 78	— 22
В пехоте	— 65	— 35

Что можно еще добавить к этому?..

Генерал Ниссель, один из самых выдающихся французских полководцев в Великую войну, незадолго перед оной, именно в 1902 году, в своем капитальном труде „Les cosaques. Etude historique, geographique, economique et militaire“ (Paris. Charles Lavauzelle), писал: „Полки первой очереди не заставляют желать ничего лучшего, ни в смысле духа, ни в военном обучении. Полки второй очереди лучше запасных любой из европейских армий, призванных во-время мобилизации, так как по крайней мере $\frac{2}{3}$ казаков прослужили $3\frac{1}{2}$ года, не считая подготовки. В смысле дисциплины и умения владеть оружием, они не уступят ни в чем европейской коннице“. Это мнение французского военного авторитета не оказалось ошибочным, казаки в Мировую войну показали себя с самой достойной стороны, таблица ген. Головина достаточно за это говорит. Широким кругам общественности неизвестно лишь то, что такое из себя представляла служба казаков в составе Российского государства, неизвестно им и каких только одних материальных затрат стоило снаряжение казака на службу, не говоря уже о моральном ущербе.

В 1906 г. Областное Войска Донского Правление за подписью Наказного Атамана князя Одоевского-Маслова доносило в бюрократический Петербург: „При исполнении бюджетных предположений Донское Войско в недалеком будущем будет поставлено в совершенную невозможность выполнить лежащие на нем обязанности по войсковой повинности“...

И действительно сборы казака (служивого) на действительную службу являлись тяжелым бременем для всей его семьи, ибо казак должен был выходить на службу со своим конем, с своим обмундированием... Если семья была малоимущая, помогала станица и в общем конечном итоге все Войско.

Повторяем, мало слов, мало красивых фраз, нужны факты, данные, показательные сведения: старый казак Войска Донского, вахмистр Афонин, пишет:**)

„Те расходы казаков, которые производились ими на покупку коней и предметов военного обмундирования и снаряжения наличными деньгами, могу определить точно, ибо в течение 11 (одиннадцати) лет проходили через мои руки. Они были таковы: конь для казаков армейских полков и батареи — от 100 до 170 р., для гвардейских — от 150 до 250 руб., седло с прибором, полагаемым по арматурному списку, — 53 р. 50 к.; обмундирование: два мундира с шароварами и набрюшниками — 25 руб. 25 к., две шинели — 20 р. 30 к., полушубок дубленых овчин или крытый — 10 руб., теплая поддевка — 6 руб., теплая фуфайка с шлемом — 1 р. 50 к., две папахи — 2 р., две фуражки — 2 руб., 2 гимнастических рубахи — 3 руб., две пары сапог — 10 руб., два башлыка — 3 руб., белье и другая разная

мелочь по арматурному списку на сумму 10 руб.; оружие: шашка — 8 р. 30 к., портупей — 1 р. 30 к., патронташ — 80 к., пика с погонным ремнем, наконечником и наконечником — 50 к. Суммируя все эти цифры расхода, производимого на справку казака к военной службе в расчете за коня 150 руб. дают сумму — 307 руб. 45 к. Эти расходы произведены согласно арматуры, а сколько их было сверх нее — трудно учесть. И это в то время, когда лучшая пара волов стоила не дороже 150 руб.

Это личные расходы казака, а вот и общественные: по закону исправный выход на царскую службу лежал не на одних казаках — отцах, а и на всем старинном обществе, которое и заботилось об этом, отчисляло ежегодно необходимую сумму денег на исправление казаков, не имеющих возможности собственными средствами справиться своих сынов на службу, снаряжало таковых на общественные средства, а затем взыскивало затраченные деньги через продажу имущества казака, а если таким путем было взыскать нельзя, то через продажу его паевого кругового довольствия и тем разоряло окончательно хозяйство казака“.

Итак, казак должен охранять „границы государства Российского“, казак должен подавлять внутреннюю смуту, казак должен сам себя снаряжать на военную службу, казак должен служить всю свою жизнь.

Касаясь последнего, оговорим: согласно законоположению, изданному в 1875 году, все казаки с 18 лет должны выходить на службу со своим снаряжением и лошадью, причем служба состоит — из трех лет подготовительных, 12 лет действительных (4 года 1-ая очередь, 4 года 2-ая очередь, 4 года 3-я очередь), 5 лет запаса и затем войсковое ополчение.

В 4-ой Государственной Думе В. А. Харламов, депутат от Донского Войска, говорил: „Или казацки войска и казацки области нужны государству, и тогда государство и государственные учреждения должны принять все меры к тому, чтобы эти казацки войска экономически не обнищали, не одичали и не вырождались, потому что этого грозного явления замалчивать нельзя... или, если вам казацки войска не нужны, вы так и скажите прямо, а не заставляйте казацки войска биться в судорогах последнего издыхания“.

„Сейчас, из вольной казачьей общины, отстаивавшей и расширившей границы государства, что сделало военное ведомство? Аракчеевские военные поселения“).

Конкретно: что Казачество дало России, — мы отметили, через русскую же точку зрения, именно: завоевания Сибири, присоединение Украины, колонизация Сев. Кавказа, Туркестана, Поволжья, Амура, Уссури, постоянная боевая стража по охране „границ Российского государства“, безграничная доблесть в войнах с внешним врагом и роль „спасителей России“ и, как результат — громадная убыль людей (бои, болезни), моральный ущерб, „Аракчеевские военные поселения“, экономическое оскудение, полное обнищание...

При обсуждении сметы Главного Управления казачьих Войск в 1910 году, в Государственной Думе, депутат Забайкальского Казачьего Войска — Войлошников, сказал: „Голос Забайкальского казачьего Войска, будет вами услышан через ваши головы в другое время“.

Момент настал, жребий брошен, Рубикон переходим, пора казакам самим говорить о себе, пора казакам самим заняться устройством своих казачьих дел, голос Казачества должен быть услышен через головы всех в настоящее время.

Мы, казаки-самостийники, говорим:

Великое Вольное Казачество — какой угодно ценой!

(Продолжение следует).

*) Газ. „Возрождение“ 10-X-1929 г. № 1622.

**) Афонин. „Еще ответ шанхайцам — далеким и близким“: журн. „Вольное Казачество“ № 84-85 1931 г.

*) С. Г. Сватиков „Россия и Дон“, стр. 551.

**Казаки! подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество — Вільне Козацтво.“**

С. Савельев.

По поводу доклада Д. Е. Скобцова.

(Окончание).

Лично на меня чрезвычайно тяжелое впечатление произвела та часть доклада Скобцова, где говорилось о работе Кубанской парламентской заграничной делегации, следствием чего явилось повешение Кулабухова, предание суду других членов Рады, высылка их за границу; особенно чтение „записки“ офицера-корниловца (уезжая в СССР, оставившего Скобцову свою „записку“ в единственном экземпляре), начальника караула над арестованными членами Рады, о том — как вели себя арестованные и как вели себя чины караула — кубанские же казаки, которые по словам автора „записки“, беззаботно играли на гармошке, танцевали и пели „яблочко“...

Тенденция докладчика — смягчить преступление „командования“, по крайней мере попытка докладчика рельефно обрисовать „вину“ жертв, „вину“, вытекавшую, по мнению докладчика, не из их, жертв, злого умысла или реального дела, а исключительно из созданной их „словесной самостоятельности“ политической атмосферы того времени, тоже не была убедительной.

Эту часть доклада слушать, думаю, было не легко многим. Тут было нагромождено все, что так глубоко может оскорблять казачье сознание. Тут было все: арестованные, посаженные в тюрьму и обреченные на смерть кубанские народные избранники, — Кулабухов, пишущий предсмертную записку жене, детям (оказывается Кулабухов, как человек духовного сана, по законам христианской церкви, не мог быть повешен без санкции духовного главы. Но Деникин поспешил его повесить с нарушением церковного закона!); другие члены Рады, острящие над собственным своим положением, прибрегающие веревку, которая завтра может им пригодиться; казаки беззаботно распевające „яблочко“, бдительно стерегущие своих избранников, что бы они не увильнули от веревки Деникина; военно-полевой суд, составленный исключительно из казаков, немедленно присуждающий своего брата к смерти за то, что он, по их же избранию, защищал, как мог, их интересы; растерявшееся правительство, полуразбегавшаяся Рада; тут и ген. Покровский с кровавым нетерпением ждущий утра, с дрожью ожидающий у аппарата телеграмму Деникина, боясь, как бы последний не отменил смертный приговор „суда“; затем повешенный Кулабухов, приклеенная к его груди надпись „за измену России и Казачеству“ (?); „любопытная“ толпа вокруг виселицы; Рада, стоя выслушивающая речь того, кто утром повесил ее члена, по приказу Врангеля покорно отменяющая свою государственную Конституцию и т. д. и т. п. Что ни слово — жестокий удар по казачьему сознанию...

Кого судили? — Казака. За что судили? — За защиту казачьих интересов и прав. Кто судил? — Казаки. Кто караулil „арестантов“ и глумился над ними? — Казаки. Кто вешал? — Казаки. Кто прикрепил к груди повешенного „позорную“ надпись? — Казаки. Кто отказался в тот же день от дел повешенного? Все те, которые вчера еще рукоплескали ему, которые накануне только выносили постановление: ... „приказ о предании названных лиц военно-полевому суду является нарушением прав Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляет правосознание Кубанского народа и не может не отразиться на настроении народа и фронта“...

Но почему же на Казачьей Земле, в сердце казачьего народа это случилось? Потому что Кубань для „командования“ являлась единственным „черным пятном“, которое нужно было во что бы то ни стало уничтожить. Все искусство „командования“ было направлено в эту сторону, ибо Дон с приходом к власти Богатевского, стал для командования „ручным“. Оставалось сделать и Кубань ручной. Для этого „командование“ избрало дьявольский способ: казачими же руками убить казачье дело, ибо Деникин только из далекого Таганрога приказывал, Врангель из Пятигорска подгонял, а непосредственными исполнителями кровавой расправы с Кубанью были кубанские же казаки, а в их среде — единственный не-казак, офицер-корниловец...

Рассказав об этой трагедии в очень мрачных красках, Скобцов, по моему, не нашел смягчающих вину обстоятельств для „жертв“. Даже как будто наоборот, эти смягчающие вину обстоятельства он склонен был находить для Деникина и его окружения. Почему у меня создалось такое впечатление? Потому что докладчик, в этой части своего доклада с особым старанием подчеркивал три обстоятельства:

1. что Кубанская заграничная делегация превысила свои полномочия, прямо нарушив данный ей Радой и правительством наказ, согласно которому она не имела права с кем либо сговариваться, тем более заключать соглашение.

В действительности же в этом наказе Рада, в обоснование своих домогательств ссылается на декларацию Вильсона, на идею самоопределения народов, следовательно, Кубанское Каз-во рассматривалось как народ, имеющий право подпасть под защиту декларации Вильсона. И делегация такого народа имела право вести переговоры с представителями других народов, заключать с ними те или иные предварительные соглашения, подлежащие утверждению Кубанского парламента. Делегация тем более имела право делать это, так как Рада в своем постановлении ясно указала на необходимость установления единого представительства всех государственных образований на мирной конференции и делегация, во исполнение этого постановления Рады, обязана была сговариваться с представителями других народов... И во всех тех меморандумах, какие подавала делегация в Европе, нет ни одного пункта, нарушающего жизненные интересы Кубани.

2. С таким же старанием и подробно докладчик рассказывал и о том, что и само соглашение — „договор дружбы“ — не представляло из себя никакой цены. Это соглашение, по мнению докладчика, явилось следствием политической несерьезности, свойственной Черноморцам (Делегации), ибо их контрагент — „Меджилис Горских народов“ — являлся мифом...

3. И третье, на что упирал докладчик, это то, что делегация и по возвращении на Кубань, не спешила дать отчет, не дала ей возможности выяснить истинное положение. По словам докладчика, он, видя поднявшийся вокруг этого вопроса шум, поняв нависшую опасность, настойчиво советовал Кулабухову на страницах печати сделать раз'яснение, но он „сделал не совсем ясное заявление в газете“, что как будто опять ставится в вину Кулабухову. Но вот в книге Покровского*) я прочитал это „не совсем ясное заявление“ Кулабухова, сделанное им в газете „Кубанская Воля“ и оно мне кажется очень даже ясным. Приведу его целиком:

... „в целях освещения истинного положения дела настоящим заявляю, что никаких договоров, как таковых, в бытность мою в Париже, Кубанская парламентская делегация ни с кем не заключала. Поводом для циркулирования слухов послужило, вероятно, подписание Кубанской и Горской делегациями проекта „договора дружбы“, что сделано делегацией по праву, даннымому ей Чрезвычайной Радой. Всем не знающим постановлений Чрезвычайной Рады октябрьской сессии прошлого года, или просто пренебрегающим этими постановлениями, я напоминаю, что Чрезв. Рада в заседании своем 11 ноября 1918 года постановила: „образование на территории б. государства российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным; необходима организация единого представительства от Южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции“...

Несмотря на такое ясное и определенное раз'яснение, не оставляющего никакого сомнения, Деникин все таки повесил Кулабухова и, повесив, издал свой лживо-

*) Не смешивать с генералом Покровским!

казуистический приказ, в котором говорит: ... „не посягая на существование выборных казачьих установлений и на казачьи вольности, прежней и исторической ролью Казачества заслуженные, я применил власть главнокомандующего к преступникам“.

„Уважая казачье право“ — силою штыка разогнал высшее казачье народное установление, арестовал его членов и, наконец, одного из них повесил! „Не посягая на казачьи вольности“ — убил казачье слово! Все это, конечно, отлично известно и Скобцову, но он все-таки не хочет признать того, что тут дело не „в неясном заявлении Кулабухова“, а в неперенном желании „командования“ пустить казачью кровь, нагнать на казаков страх и наложить на них свое генеральское ярмо!

Что и говорить, тяжелый был момент! К сожалению в этот тяжелый исторический момент не многие вели себя с достоинством, как подобает сыну Вольной Кубани. Именно поэтому с особенным удовлетворением приходится читать такие заявления, какое сделал тогда вновь избранный Кубанский Атаман ген. Успенский, к сожалению, скоро умерший: „Я считаю долгом заявить, что я, как гражданин и Кубанский казак, глубоко оскорблен и потрясен событиями последних дней. Надеюсь на вашу мощную поддержку, опираясь на вас, я сделаю так, что события, имевшие место в прошлом, не будут иметь места в будущем. Я сделаю так, чтобы никакие посторонние силы не мешали строить нашу жизнь так, как нам угодно.“

Подобное заявление сделать и согласно этому действовать должен был каждый сознательный казак! Но, к сожалению, не все считали нужным опираться „на мощную поддержку“ своего народа, а предпочитали опираться на штыки „командования“...

Так закончился этот печальный эпизод с кубанской парламентской делегацией. Но интересно отметить, как к ней относилось с самого начала „командование“ и к каким приемам оно прибегало для ее морального уничтожения. Для этого был выработан определенный „план“ и выполнен: „этой делегации надо помочь во чтобы то ни стало уехать, но не доехать. Когда эта группа вожаков уедет, мы заговорим на местах об одном миллионе на поездку. Расход таких средств при сравнении с необходимостью постройки железно-дорожной ветки, на что не нашлось двух миллионов рублей, не может не воздействовать на умы казаков. Все это будет преподнесено казакам с другим материалом о деятельности их вожаков“...

И преподнесли и „другой материал“ (какой это был „материал“ — догадаться не трудно!) и „миллион рублей“, да так „преподнесли“, что и до сего времени о них пишут большевики в своей клевете на кубанских деятелей: „казачьи руководители из Рады думали только о своих портфелях, или хотели захватить теплые места и управлять Кубанью и поэтому они выдумали самостоятельность и послали своих делегатов в Париж для того, чтобы буржуазия признала Кубань, и для этой цели было ассигновано Куб. правительством из казачьих трудовых денег 1.000.000 рублей“ (М. Лоло — О Кубанском Казачестве. 1926 г. Краснодар).

Так „белые“ и „красные“ трогательно объединились в клевете на казачьих народных избранников: „белые“ „преподнесли“, а „красные“ подхватили — и получилась легенда о расточителях „казачьих трудовых денег“!

„Командование“ не забыло надавить все „кнопки“ по „союзной линии“, чтобы делегация „не доехала“, в силу чего, она, прежде чем доехать до Парижа, около трех месяцев блуждала по морю (Покровский). Не примкнуло оно внести раскол и в самую делегацию: Члена делегации Долгополова, своего сторонника, быстро доставило в Париж, снабдив его медикаментами, чтобы затем сказать казакам: деловой русский, достал в Европе все, а вот бездельники-Черноморцы, кроме вреда Кубани ничего не делали в Европе и возвращаются домой с пустыми руками... Такие недостойные приемы, направленные на раскол казаков, применялись только для того, чтобы в результате комбинаций по-

добных „приемов“ с одной стороны и солдатских штыков — с другой положить под свои высокие нозы Вольную Кубань... В конце концов Вольную Кубань они положили под нозы, но и себе шею свернули...

Все это хорошо известно и Скобцову, но тем не менее он склонен гораздо меньше винить „командование“, чем своих братьев — Черноморцев. Поистине странная судьба у Казачества! В деле умаления его прав и достоинств всегда первое место занимают свои же!

Даже для чужого человека, г. Покровского, положение тогдашнее представлялось очень простым: „командование расценивало объединение, как подчинение краевых образований военной диктатуре, без какой либо самостоятельности в смысле государственного целого, спаянного с метрополией узами федерации. Краевые образования, наоборот, не мирятся с властью командования. Ясно было, что в вопрос из области дипломатических переговоров должен быть перенесен в область реальной силы, в область оружия“... Зная хорошо это положение, „командование“ упорно срывало вопрос о создании Кубанской Армии, а сами кубанцы недостаточно решительно настаивали на этом. Такова была простая истина того времени. Но многие казачьи деятели упорно отказываются признать эту бесспорную истину и, находясь во власти навязчивой идеи о возможности сговора с „командованием“, продолжают и до сего времени искать виновников не там, где они есть, и зовут казаков к повторению того, что уже раз с такими кровавыми последствиями было проделано...

Эта склонность положения продиктовала линию поведения „командованию“ и в вопросе о создании Кубанской армии. Именно в силу такого понимания этого вопроса оно, с попранием всех Божеских и человеческих законов в отношении Кубани, поступало и действовало так, чтобы у нее, Кубани, не было своей армии. С риском свернуть себе шею, своими действиями отталкивая от себя все кубанское население, оно, „командование“ срывало вопрос о Кубанской Армии и в конце-концов, свернув себе шею, под своими обломками разрушило и казачье государственное здание.

Но и в вопросе создания Куб. Армии Д. Е. Скобцов как будто старательно отгораживал „командование“, склоняясь видеть основную причину неудачи с созданием армии в отсутствии единомыслия среди самих кубанцев.

Рискуя заслужить упрек, что я переписал книгу Покровского, хочу привести здесь длинные выдержки из нее, относящиеся к этому вопросу и, как мне кажется, достаточно правильно этот вопрос освещающие. Немногие, вероятно, читали эту книгу, поэтому будет не безинтересно казакам узнать мнение постороннего человека по этому вопросу, а также, может быть, ктонибудь из кубанцев пожелает печатно поделиться своим мнением на этот счет.

Еще во время Куб. похода между „командованием“ и Куб. правительством был заключен договор. „3-м пунктом этого договора кубанцам было предоставлено право формирования самостоятельной Куб. Армии. Моментом осуществления этого права определялось взятие Екатеринодара. Однако, по приходе в Екатеринодар, главное командование..., опираясь на Куб. Войскового Атамана ген. Филимонова и верхушки Кубанского офицерства (опять свои же! С. С.), весьма преданных командованию Добрармии, сумело помешать осуществлению этого договора, под предлогом опасности ломки армии в момент ее напряженной борьбы. Уже в первый месяц по занятии Екатеринодара кубанцы почувствовали свою ошибку в вопросе об армии. Но не умевшая политика руководителей Каз-ва с одной стороны, идейная близость к командованию Добрармии части этих руководителей с другой, — не дали возможности кубанцам разрешить вопрос об армии так, как бы они хотели по заключенному договору“...

Не берусь утверждать, что это именно так, но, как мне кажется, именно в этом и заключается корень всех последовавших зол, несчастий Кубани — упущен был момент создания своей армии, момент, когда „командо-

вание“ еще не могло оказать решительного сопротивления этому желанию кубанцев. Но тут „командованию“ помогли свои же кубанцы, „идейно близкие“ к нему, став против желания Кубани... Будь у Кубани своя армия, свой преданный Кубани командующий, можно с уверенностью сказать, не могли бы повесить Кулабухова, побоялись бы убить Рябовола, не осмелились бы разгромить Кубанскую Раду, не было бы тех бесчисленных издевательств над Кубанью и — кто знает? — самый исход борьбы Казачества с большевизмом мог быть иным...

Но упущенный момент сделал свое злое дело! Напрасно теперь Скобцов пытается объяснить неудачи с Кубанской Армией отсутствием людей. Люди, конечно, были. Были же среди кубанцев прекрасные начальники крупных войсковых соединений, были же кубанцы, командовавшие армией, но не Кубанской... Вся беда в том, что упущен был момент, когда можно было сформировать свою Армию и, опираясь на нее, решительно, бескомпромиссно защищать свое казачье право. Упущенный момент сделал то что многие из кубанцев стали „идейно близкими“ не ... Кубани, а Деникину!

О формировании Кубанской Армии Краевая Рада вынесла постановление еще в декабре 1918 года, „однако Пох. Атаман ген. Науменко совместно с Атаманом Филимоновым и не думали выполнять это постановление“ (Покровский). Через год, в сентябре 1919 г. Законодательная Рада снова вынесла постановление о формировании своей армии. „Но и это постановление игнорировалось ген. Науменко. Вместо его выполнения он обратился с циркулярным письмом ко всем строевым высшим краевым начальникам, в коем запросил их мнение относительно возможности и необходимости формирования Кубанской Армии. Само собой разумеется, что все эти начальники, находясь в полном подчинении главного командования Доброй армии, поступавшие на службу и увольнявшиеся с нее приказом этого же командования, могли дать ответ только отрицательный, на что, конечно, и рассчитывал ген. Науменко. А осмелившийся дать положительный ответ ген. Гейман приказом командующего Кавказской армией ген. Врангеля был устранен от должности под благовидным предлогом процветания грабежей и дезертирства в его бригаде... Входя вторично в Законодательную Раду со штатами, Науменко окончательно отказался от подчинения постановлению Законодательной Рады“ (Покровский).

Когда же „Президиум Южно-русской конференции...“ явился к Деникину, поднимая вопрос об автономности армий краевых образований, в ответ на это ген. Деникин в резкой форме, повышенным тоном, стуча кулаком по столу, заявил, что Россия (?) не потерпит автономных армий, что армия должна быть единой русской армией, что разговоры об автономных армиях — это предательство, а кто поднимает их — предатели“ (Покровский).

А так как о казачьих армиях вопрос поднимала вся Рада, весь президиум Южно-русской конференции, то все они для „командования“ являлись предателями...

Вот где причина всех причин, а не в отсутствии генерала, которому можно было поручить формирование армии!

Заканчивая эту затянущуюся „выписку“ из книги, я хочу привести еще одну выписку, из которой явствует — к какой лжи и клевете прибегали враги Кубани, желая расправиться с нею. Это — речь ген. Врангеля, произнесенная им перед кубанцами на фронте, которой он „подготовлял“ казаков к разгрому Рады.

„Голоса отдельных людей, — говорит Врангель, — засевших в тылу и говорящих от имени Кубани, не могут быть приняты за голос всего Кубанского казачества. Те, кто кровью своей обеспечивают счастье и благоденствие Кубани и те, кто в поте лица обрабатывают родную землю, те не говорят ни о какой самостоятельности. Я был в Екатеринодаре, куда приезжал, чтобы убедиться, отчего та армия, которая взяла десятки тысяч пленных, прошла многие сотни верст, отчего эта армия в ту минуту, когда, истекая кровью, проси-

ла у Кубани поддержки, не получила ее? Отходя в тяжелой борьбе к Царицыну, я взывал о помощи, как путник на разбитом бурей корабле. Но помощи не было. Ни один казак на пополнение, ни одна лошадь, ни фунта хлеба не было выслано. Кубань оставила Кавказскую армию. Она не явилась для своей армии той матерью, которая посылает сыну последний фунт хлеба и чистую рубашку. Я поехал туда и увидел, что там лишь внутренние раздоры, среди которых тонул мой голос... Теперь я хочу сказать хозяину земли Кубанской, ее Краевой Раде, всю правду. Я хочу, чтобы голос армии был услышан.“

И автор книги, Покровский, уже от себя говорит по поводу этой речи: „Однако, такая агитация Врангеля, помимо ее разлагающего влияния на войска, являлась сплошной клеветой. По отчету начальника управления хлебозаготовки Кубанью в адрес интенданта вооруженных сил на Юге России, краевого интенданта и интенданта войска Донского с октября 1918 г. по 15 ноября 1919 года было отправлено одних продовольственных продуктов — пшеницы, ячменя, муки и др. зерновых продуктов 8728 вагонов на сумму 351.360.700 руб... С 1 января по 1-е октября 1919 г. мясных продуктов отправлено было фронту 134.128 пудов на сумму 18.287.125 руб...“ (Покровский).

Выступая в Краевой Раде с докладом, управляющий ведомством продовольствия и снабжения заявил, что фронт снабжался Кубанью вполне: ... „за май месяц отпущено провiantа сверх нормы на 29 вагонов, а за июнь — 63 вагонов... Ведомство, отпуская продукты, в то же время лишено возможности проверять составляемые Особым Совещанием (отчеты) под предлогом охранения военной тайны, и контролировать самое отправление отпускаемых продуктов в армию“.

Таким образом, по официальному докладу Кубанского министра, Кубань, напрягая все свои силы, отпускала огромное количество продуктов через интенданта Доброй армии фронту, а командующий армией ген. Врангель в своей митинговой речи перед фронтовыми бойцами утверждал, что Кубанью „ни фунта хлеба не было выслано“.

Интересное дело: если правду говорил ген. Врангель, то куда девал интендант Доброй армии те тысячи вагонов кубанской пшеницы, сотни тысяч пудов кубанских мясных продуктов? И почему бы ген. Врангелю, прежде чем произнести столь глубоко оскорбительные слова в адрес всей Кубани перед лицом ее, на фронте сражающихся, сыновей, не запросить своего интенданта — сколько дала Кубань пшеницы?

Мне кажется, в данном случае Врангелю мало было дела до правды, все это было сознательной клеветой на Кубань, вытекавшей все из того же правила: разделяй и властвуй. И это деление шло по всем направлениям, и по горизонтали и по вертикали: Дон и Кубань; Линия и Черноморья; высший генералитет и низшее офицерство; генералы преданные и генералы не преданные (Гейман); „вечно энергичные Долгополовы“ и „Кулабуховы с перегруженными от предательских меморандумов и договором дружбы портфелями“; доблестные рядовые кубанские бойцы и бездельные болтуны — Радяне; храбрые воины-фронтовики и преступный тыл — вся Кубань — отцы и матери тех же самых „храбрых фронтовиков“; „в поте лица обрабатывающие родную землю“ хлеборобы и „беспочвенная интеллигенция“ (чуть ли не „трудовой народ“ и „акулы капитализма“) и т. д. и т. п.

Таков был „процесс жизни“ в результате „неестественного брака“ Казачества с „главным командованием“. Таков был урок недавнего прошлого. Обычно, на уроках учатся. Но для некоторых казачьих деятелей жестокий урок Казачества прошел бесследно и они повторения прошлого желают и до сего дня.

Пока есть у всех „досужее время“ на размышление, казакам следует над всеми этими „проклятыми вопросами“ сильно призадуматься и разобраться: где правда, где ложь, где солнце, где тень.

П. Ярмоленко.

„Матрьошнікі“.

Командір баталіона, розміщаючи новоприбулих старшин по сотнях, мені особисто підкреслив, що призначає мене в найліпшу бойову сотню, й жартуючи додав, що командір тієї сотні є непримиримий ворог „матрьошніків“... Це останнє, незрозуміле для мене слово було вжито кілька разів паном полковником ще коли він повчаючи вітав цілий новоприбулий ешелон. З дисциплінарних міркувань я не наважився випитувати у пана полковника значіння цього слова, хоч воно мені впало в око в загально негеті то приязній зустрічі.

В сотні я застав трьох молодих хорунжих на чолі з нестарим ще командіром сотні — осаулом. Зустріли мене, як „сірого“, призначивши для мене відповідне місце у взаємовідносинах службових і приватних, мовляв, „впредь до набитія стажу“ памятай старого „зася...“

Прибув у сотню вже за присмерку й попав прямо на вечерю в землянці. Зав'язалася балачка, в якій я поспішився вяснити незрозумілий для мене термін „матрьошнікі“ й відповідно скерував розмову. На мою цікавість відповіли спочатку всі самозадоволеним сміхом, а потім пан осаул весело заявив:

— Как же это, — ви усеялі двохтисячeverстную дорогу „матрьошніками“ і не знаєте, что это за зверь?!...

І знову сміх. Мені в середині щось заболіло... Я обережно запитав, що він хоче цим сказати, й тямлючи вже, в чому річ, став захищати пластунів, що не змогли дійти з ешелоном до фронту. Мої реляції про роз'ятрені рани, хвороби, недостачу харчів, відсутність битой дороги тощо — звільня змалювали вимушені, як тепер здавалось, усмішки з облич панів хорунжих, але пан осаул самозадоволено, кепкуючи всміхався далі.

— Рассказывайте!... Етім ви только обнаруживаете что вы действительно „серий“... К „матрьошкам“ снова потянуло, — тяжело оторваться от юбки... Знаем их, — все одинаковы... пожьёте — увідіте...

Мене це обурило.

— Як же це так, — всі пластуни „матрьошнікі“?... А Саракаміш, Ардаган, Байбурт, Трапезунд, ціла Галичина? Хто там слався трупом, спасаючи цілі фронти в найскрутішій ситуації та збиваючи противника там, де інші не могли вдовбнути!... А вся та бойова слава, що лунає цілим світом!... А тисячі вже поляглих — теж „матрьошнікі“?...

Це нібито трохи осікло й самого пана осаула, — кепкуюча усмішка й самовпевнені глузливі хехенки зникли. Ніякова мовчанка панів хорунжих виявляла, що вони не цілком погоджуються з паном осаулом. Та пан осаул уперто:

— Всё это прекрасно... А всё же вы не знаете казаков... Все они лодирі, круте!... Каждый только и думает о своей „матрьошке“... А причина — врожденная хахлацкая лень, неповоротливость, неуклюжесть, а оттого и культурная отсталость, — додав пан осаул уже повчаючи.

Один з панів хорунжих уже моргав мені, щоб я, мовляв, замовчав. Але я висловив здивовання, що пан осаул з таким нікчемним бойовим елементом має вже кілька бойових нагород, й разом з тим рішучо заявив, що пан осаул очевидно Кубани не бачив, коли так безпідставно козиряє „лодирством“ кубанців.

Це пана осаула оджирило, й він з погордою заявив, що Кубані дійсно не бачив і бачити не потребує, вистарчить з нього того, що він має на шиї тут...

Зайвими були мої дальніші реляції про господарські й культурні чуда кубанські на тлі загально-російської разячої некультурності, про кубанський американизм, про чудесний культурно-освітній поступ самотужки, про громадську культуру козацтва, — були зайвими, бо ж виявилось, що пан осаул не кубанець, а чисто-кровний москаль...

Ну, а пани хорунжі з псевдо-дисциплінарних міркувань не сміли заперечувати „начальству“ навіть тоді, коли воно топтало їхню власну гідність...

Хоч „начальство“ вже помітно хвилювалося, але ж я наважився далі запитати, чому ж пан осаул, чи то пак капітан, все ж служить у козацій частині? У відповідь дістав:

— На это я вам не обязан отвечать... И вообще вы много на себя берёте... Я вижу, что вы очень храбрый, так извольте показать свою храбрость на деле... Мы как раз потребуем „языка“, так пойдёте сегодня в разведку и приведёте...

— Слушаюсь! Рад стараться!... Но полное незнание расположения наших и турецких частей вряд-ли будет способствовать успеху разведки, поэтому с вашего разрешения позволю себе иметь это обстоятельство в резерве на случай неудачи...

Вже на цій розвідці я довідався, яку ненависть за-таюють в душах козаки до пана осаула за його нічим невинувдане кепкування над козацтвом. Не користувався пан осаул жадними симпатіями й у панів хорунжих.

Кепкуюче назвисько „матрьошнікі“ було кинуте самим командіром баталіона. — паном полковником, підхоплено лікарями (один латиш, а другий „із наших...“) і характеризувало відношення цих останніх до пластунів при консультаціях, але найпевніше загніздилося в сотні, на чолі якої стояв москаль.

К честі решти старшинства треба сказати, що кепкуюче, призрачне відношення до пластунів помічалось мало. Навіть навпаки — більшість старшинства таким відношенням обурювалася, в тому числі й старшини-грузини, які взагалі виявляли чудесну тактовність в приватних і службових стосунках. Козацька старшина в масі зберегла традиційне козацьке відношення до підлеглих, без специфічно-армійського безглузлого „цукання“ й кепкуючого презирства.

Сам командір баталіона — полковник з української старшини, чим він між иншим пишався, — хитрував, дотримуючись подвійної політики: підхвалявав у старшинства перейняте від армійців цукання й призириство до „нізшего чіна“, а перед козаками удавав із себе традиційного козацького батька. Та це хитрування пластуни добре бачили, а в час революції події вивели батька на чисту воду, й пан полковник перебрали цілком на себе свій власний дотеп — назву „матрьошнікі“...

Був один штабс-капітан москаль — молодий завзятий бойовик, страшений кривляка, ласий на нагороди й непоправимий демагог у відношеннях до пластунів, одним словом — картузник, що мав єдину добру рису, — вважав за честь служити в пластунській частині.

В решті баталіонів було, загалом беручи, те саме. Були відміни в поведінці командирів баталіонів в ліпшу сторону.

Був один осаул, що уявляв з себе особливий тип козацького старшини взагалі. В початку війни на підпитку проштрафився дисциплінарно, був розжалуваний, але на власне прохання дістав знову гідність старшини з умовою — реабілітуватися на фронті. Був безоглядним, уславленим бойовиком, але поводився з пластунами „по батьківські“: був це здається єдиний старшина на цілу бригаду, який безоглядно пристосовував „рукоприкладство“ не лише до революції, а і в час революції аж до большевицького розвалу включно. Зате про сотню дбав дійсно по батьківські. Характерним було відношення козаків до цього батька: на „рукоприкладство“ нарікали з обуренням, але з паном осаулом завжди готові були хоч чортові в зуби. В час революції мітингували спеціально проти „рукоприкладства“ пана осаула, але при нагоді вибирали його делегатом від себе, хоч він кепкував над виборами взагалі.

Козацтво в масі ставилося до старшинства й наймолодшого з належним респектом, вірило йому, слухалося, терпеливо, мовчки зносило й найтяжчі негоди й ні в яких умовах не тратило бойового духа.

Бойові обставини після Байбуртських боїв, загалом беручи, не були занадто тяжкими. Ночні розвідочні наскоки на турецькі застави, що робилися регулярно сот-

нями почерзі, завжди давалися порівнюючо легко з майже наперед зарученим успіхом. Турки так звикли до цих наскоків, що зовсім їм не запобігали. Рідкі фронтів наступи, також виключно нічні, рівнож неминучо кінчалися успіхом. Турецькі наступи, що відбувалися завжди в день, недовлялись на разячу специфічно турецьку бойову впертість, завжди одбивалися й кінчалися контрнатупом. Турки жадної розвідної активності не проявляли, що привчило пластунів до крайньої необачності в залагах. Цій необачності сприяла загальна виснаженість козацтва, як наслідок причин, про які буде сказано далі. Характерним був випадок, коли цілком випадкова турецька розвідка полонила трьох сплячих у залозі пластунів. Два з них вирвалися і втекли, один залишився в полоні. На другу ніч захоплені нашою розвідкою „язики“ з'ясували, з якого приводу цілий день у турок грала музика: святкували надзвичайну подію, — піймали в полон пластуна...

Зате економічні умови були остільки тяжкі, що здавалося — чиясь зла воля спеціально творила їх, щоб нищити силу пластунських частин. Бригада весь час посовувалася по Понтійському хребту з верхами до 1.000 метр., без лісу й будь якої рослинності, в літі обпалені жаром до 40°, а в зимі засипані снігом до 2 метр. при 30° морозі. Життя в снігових дірах без палива нищило здоров'я пластунів.

Постачання було але зорганізовано, чому спричинилося не лише бездоріжжя, а й загальна недостатність організаторів. Харчові продукти корпусним транспортом не довозилися на 20 — 30 верст до позицій, звідки частини довозили власними засобами. За повною ж відсутністю фуражу транспортні засоби частин вже під осінь 16 р. айшли наніведь: коні, воли й навіть ішаки вийдохли, а що залишилося, — ниділо в паршах та інших хворобах. Під кінець 16 р. пластуни ходили щодня по хліб пішки за 15 верст у замілі й приносили його в мінімальних дозах. Крім хліба, доставлялася зрідка сушена горюдина в мікроскопічних дозах та й та червива. Про м'ясо й не мислося. Зрідка доставлялася іржава, гнила, солоня риба, яка до вжитку зовсім не надавалася, або т. з. солонина — солоне, смердюче, як стерво, м'ясо з невідомих звірат, — треба було зовсім задумитись, щоб запахати це „м'ясо“ до пельки.

Пластуни уважно слідували за рештками волів, щоб встигти зарізати перед смертю... Таку „гав'ядину“ їли зі шкурою; шкуру патрали, різали на шмаття й варили кілька разів „суп“... Ішаків їли потайки бо начальство забороняло...

Командірований в Тифліз старшина в січні 17 р. дістав одну коняку на баталіон та й ту запропонували йому вести з Батума до Трапезунда сухопуттю 250 верст та од Трапезунду до бригади 200 в... Замовлених перед роком сидел для ішаків дістати не міг, бо не були готові. Між иншим поміж Батумом та Трапезундом була колись тропа-стежка, але зачали там будувати узкоколейку, тропу завалили, а будова скінчилася голосною скандально-зловдійською панамою...

Кінцем 16 р., крім різних масових шлунково-кишечних хвороб, з'явилася цинга, яка просто людей косила. Цинга знайшла добрий ґрунт в пластунській масі, виснаженій до краю не лише фізично а й морально. Саме моральне виснаження, як відомо, не менше сприяє епідемії цинги, ніж голод.

Вже початком 17 р. в баталіонах 1.500 складу залишилося 150—200 людей... Хоч відношення лікарів до пластунів залишалося й надалі під знаком „матрьошніків“.

На ґрунті фізичного й морального виснаження зачалися з людьми нервові припадки, в яких людина билася, корчилася, шкрябала землю, запихала собі до уст, наводячи страшний сум божевільним стогоном-вигитом. Дехто з лікарів — тультські козаки чи просто „із наших“ — цинічно твердили, що „матрьошнікі“ навмисно їдять якусь невідому лікарям ядовиту траву, щоб лише вирватися з позицій.

Не дивлячись на все це, пластуни оживали духом, коли проносилися чутка про наступ, бо ж після наступу маячили зліпшення харчування боевими трофеями.

В баталіонних учебных командах навчання й муштра продовжувалися по вироблених ще в мирний час

славновісних традиціях: головний засіб муштрування — „бегом, марш!“ ціла команда, аж поки що найменше половина виляже из перевтоми, та „под винтовку с полным снаряжением“ аж „властью командіра баталіона“ включно (32 години...). В словесній науці метод „рукоприкладства“ залишився й надалі.

Пригадую, як згаданий вище командір сотні — москаль поставив „під винтовку“ георгієвського кавалера. Той відстояв без заперечень призначену порцію годин, а далі заявив, що він не зійде з місця, доки не прикаже йому командір бригади особисто... Пан осаул з радістю „дозволив“ йому стояти, скільки він сам захоче. Але справа дійшла до командіра баталіона, який не мав такої „сміливості“, щоб переступати закон (георгієвський кавалерів „під винтовку“ ставити не сміли). Попробували козака зняти з „під винтовки“ лагідною балакою. Не помогло. Пластун бадьоро стояв далі, як втілена небезпечна загроза. Прийшлося з'язатися зі штабом бригади. Передають кавалеру, що, мовляв, начальник бригади приказує по телефону „знятись з поста“. Кавалер не вірить. Зійшов з місця аж коли начальник бригади закликав його до телефону. Справу погасили, але певна частина пластунів злорадно поставила ще одну риску на карб старшинський...

Підчас „словесности“ в одній із учебных команд начальниці команди, показуючи на замкнуті лінії на мапі (карті), питає одного з майбутніх урядників по прізвищу Павлюк: „Что это?“

— Могили, ваше благородіє!...

— Какія моги-и-ли?! Где моги-и-ли... твою...! Пасматрі, відіш там моги-и-ли? — тиче пальцем пан осаул на високі дооколишні верхи Понтія.

— Так тошно, живу, ваше благородіє!... Онде могила, онде... — відповідає жваво Павлюк.

— Я тобі... твою... покажу моги-и-ли! Сам ти моги-и-ла... твою...! Пайді пасматрі, есть лі там магіли, а потом мне даложиш! Марш!...

Пан осаул ткнув пальцем на найвищий верх, на який було що найменше дві години ходу.

Павлюк пішов. По дорозі козаки питали, куди й чого йде, але що Павлюк міг відповісти, будучи переконаний, що він таки справді йде на могилу?...

Дрібниця, але „карб“ у певній частині пластунів на одну риску збільшився.

Нічні розвідочні наскоки на турецькі пазичі успішно продовжувалися. Ці хоч і нетяжкі, але досить ризикові наскоки провадили лише пластуни. Сусідні салдатські частини жадних розвідок не робили, обмежуючись рідкими нічними безцільними демонстраціями, переважно з переполоху.

Пластунські частини завжди були більше ростягнуті по фронту, ніж салдатські, що вимагало вищої інтенсивності не лише для охорони своїх позицій та виконання активно-бойових завдань, а й для закріплення позицій, і пластуни, крім всього, були переобтяжені фортифікаційними працями.

Маючи більше людей відносно довжини фронту, салдатські частини одночасно мали більші можливості для самопостачання: мали цілі відділи в глибокому запіллі, що косили кинутий турками хліб, випасували худобу на невитолочених арміями пасовищах, збирали фураж тощо. Пластунські частини не мали ким це все робити.

Відношення інтендантств та штабів до козаків було менш уважливе, — „казачкі, мовляв, несут, видержат, потерпят...“

Козак терпів і зносив, але, коли вже дошкуляло до печінок, питав себе, — чому саме він мусить терпіти більше, ніж салдат?... Хіба тому, що мусить на власні кошти одягатися та вбуватися, коли салдат мав усе від держави? Чи не так само розпадалося козацьке господарство дома, як і салдатське? Чи не так само мусила козачка з дітьми, як і салдатка, а може й більше перериватися від праці, щоб зберегти від остаточної руйні те козацьке господарство, часто й густо бідніше, ніж салдатське? Недодати й носити те саме дрантя?...

Не уникло пластунського ока й те явище, що гарнізони в запіллі займали салдатські частини, а от козаки мусять усі на фронт та ще й у найгарячіші місця.

Пригадувалося, що й у мирний час було так само: пластуни й козацька кіннота — в голодні Закавказзя та до пустельного, хоробливого Закаспія й у далеку, чужу Персію, а салдати — на Кубань... Та салдат одкалатав три роки на повному державному „іждівенні“, приніс іще й додому „казьонний“ мундір та й вільний на все життя. А козак — тягни службу ціле життя, дай одночасно про господарство й давай знову на „справку“...

Пригадувалося, що колись-то козак мусив ходити й на „усмирнені“, не тямлючи гаразд — кого й за що, мусив, хоч у його й не питалися, чи доводило йому це... Згадувалася „справка“ на службу, безглуза браковка незрозуміло строгим начальством коней та иншого майна, купленого за власну кривавицю й т. и...

Бачили все це пластуни, пригадували, обмірковували довгими ночами в залогах, порівнювали себе з салдатами й під тиском невиносимо-тяжких обставин, в крайній моральній і фізичній виснаженості робили висновки, що воно мабуть би ліпше не бути козаком... І здавалося, що лише перестань бути козаком, як всі ці несправедливі переобтяження й негоди — як рукою зніме...

І не в тямку було пластунам, що справа не в тім, що вони козаки, а в тому безоглядному, несовісному, жорстокому визискуванні козацтва, яким і лише єдино ним завжди керувався російський уряд в своїй політиці відносно всіх козацьких Військ, беручи від них все й недаючи їм нічого, як це завжди робив і робить чужий, окупатський уряд...

Генерал А. А. Гейман.

(К его 65-тилетию).

8 сего сентября (26 августа по ст. ст.) исполнилось 65 лет нашему сотруднику, генерал-лейтенанту Александру Александровичу Гейману.

Видный пластунический генерал, хороший казак, умеющий владеть словом и пером во благо своего народа, он несет сейчас в свои почтенные годы вдвойне горькую чашу изгнания, разделяя до конца судьбу казачьей эмиграции. На современном крестном пути Казачества ген. Гейман не отошел к тем малодушным, которые „на все махнули рукой“, не стал и в ряды тех, кто этот крестный путь готовы были бы начать сначала во славу чуждых Казачеству интересов, а, сохранив духа живого, остался на том „направлении“, которое наметилось Казачеством еще там, дома, в борьбе за освобождение, в борьбе за право Казачества быть самому господином своей судьбы и своего исторического будущего.

Генерал А. А. Гейман родился 8 сентября (26 августа по ст. ст. 1866 года на Кубани, в ст. Терновской, где его отец служил тогда в льготном составе 2-го пластунического батальона. Через пять лет отец А. А., едучи по военно-грузинской дороге, попал в снежный обвал, простудился и вскоре умер. Семья Геймановых (мать, А. А. и его сестра) остались жить в ст. Келермесской, казаками которой они были, и в которой жил и дядя А. А. (брат его матери) М. В. Ткачев, любивший своего племянника как родного сына.

Уже с самого раннего детства А. А. не принадлежал к числу „неженков“; в 5 лет он ездил уже на лошади, а 10-тилетним мальчиком его сажали и на неук.

На 8-м году жизни А. А. мать его, желая дать сыну образование, переехала с ним в станицу Ладожскую, где была в то время войсковая учительская семинария (директор — Д. Д. Семенов), и определила его в образовательную школу при этой семинарии, которую он и окончил весьма хорошо. После этого мальчик был принят в Тифлиссский кадетский корпус (своекоштным — на счет генерала Геймана, известного героя войны 1877-78 г. г.).

Корпус окончен в 1884 году по I разряду и далее А. А. попадает в Москву — в 3-е военное. Александровское училище, которое и оканчивает в 1886 г.

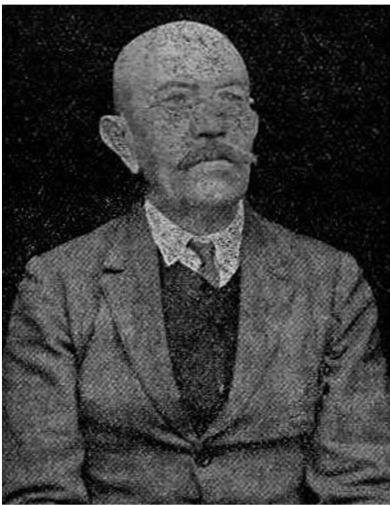
После училища молодой офицер прикомандировывается сначала к 1-му Урупскому полку, а впоследствии переводится в 6-й Кубанский пластунический батальон (укрепление Хунзах в Дагестане). Новая обстановка, новый край, служба пластунов — все это делает силь-

ное впечатление на молодого пластунического офицера. Он начинает интересоваться всем окружающим, посещает окрестные горские аулы, делает зарисовки всего замечательного в свой альбом. Это, между прочим, и послужило первым толчком к тому, что А. А. взялся за перо. Первым очерком его был „Нагорный Дагестан“, помещенный с иллюстрациями автора в „Разведчике“ за 1897 год (в номере 360-м).

Вскоре в том же „Разведчике“ (в номере 382-ом) были напечатаны его впечатления детства при заселении станиц Новой Линии в рассказе „Трусиха“, повторенном позже под новым именем „Несчастный случай“ в „Казачьих Думах“ (в номере 24-ом за 1924 г.). Много писал А. А. по части узко специальной — все о переменах и улучшениях в обмундировании и снаряжении пластунов. Уже в эмиграции А. А. сотрудничает сначала в „К. Д.“ и „П. К.“, а после в „В. К.“, помещая рассказы или воспоминания по преимуществу из жизни пластунов или казачьей старины.

Получив первый офицерский чин, — „став на рельсы“, А. А. „покатился“, как он сам признается, по сигналам и семафорам, не задерживаясь больше положенного на „чиновных станциях“. Исключение составляет „сидение“ в чине сотника — 13 лет. Известный приказ Воен. Вед., гласящий, что производство из чина поручика в чин шт.-капитана должно быть через 4 года, оканчивалась обычной фразой: „к казачьим войскам не относится“. Вот и пришлось ждать сотнику Гейману производства „на вакансию“. А какая же там вакансия, когда на вершине „пробка“: командиров пластунических батальонов назначали больше „из армии“, казакам тех постов не давали, — так и оканчивалась карьера большинства казачьих офицеров в лучшем случае на Войсковом Старшине.

В 1912 году, по окончании курса офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме, А. А. был произведен в Войсковые Старшины и назначен во 2-ой Куб. пластунический батальон. К этому времени в войсках вообще, а в пластунической бригаде особенно, требование по отношению знаний и развития офицеров и урядников значительно повысилось, да и молодые офицеры сами проявляли большой интерес к военному делу и специальной литературе. Вся работа по такому развитию офицеров и урядников и пополнению их знаний и легла на А. А. Ясно, что, чтобы уметь и быть всегда в готовности дать ответ, удовлетворяющий пылкий ум молодежи, надо было самому всегда быть в курсе дела и читать все, да еще отмечать, что для офицеров чи-

Генерал А. А. Гейман.

тять обов'язательно, а что только желателно. Работы было много и не легкой, особенно, если принять в расчет, что на нем же лежал контроль по обучению сотен, учебной, пулеметной и разведческой команд и службы связи. И Войсковой старшина Гейман работал с большой энергией и не без пользы для дела.

Перед мировой войной хутор Геймановский (юрт станицы Тенгинской) зачислил А. А. своим почетным стариком, а через некоторое время по просьбе хуторского сбора А. А. Гейман перечислился из казаков ст. Келермесской в казаки хут. Геймановского (позже станицы).

Грянула война. А. А. Гейман в должности сначала командира 14-го, после — 8-го и, наконец, 2-го батальона побывал с пластунами и на Турецком фронте, и в Галиции.

Когда одиннадцать батальонов пластунов десантом из Батума, с налета, брали Трапезунд, — „тут, признается А. А., я узнал, что в мире нет пехоты, равной пластунам“...

За боевые отличия А. А. Гейман получил: чин полковника в январе 1915 г., чин генерала в августе 1916, ордена: св. Георгия 4-ой ст., Владимира 4-ой и 3-ей ст. и медали к бывшим у него за мирное время орденам: Анны 2-ой ст. и Станислава 2-ой ст.

Большевицкая революция застала Геймана уже начальником 3-ей пластунонкой бригады, которую он в конце 1917 года привел на Кубань. Казаки начали „болеть“. Советская власть на Кубани застала А. А. в Майкопе в начале 1918 года. А в феврале ему суждено было пережить наибольшее горе отца: в Моздоке был убит его старший сын...

Летом 1918 года генерал Гейман организовал восстановление казаков Майкопского отдела против большевиков, уже описанное на страницах „В. К.“ Станица Геймановская избирает А. А. членом Рады (осенью 1918 года). Переформировав свой партизанский отряд в пластунонскую бригаду, Гейман едет в Екатеринодар, чтобы принять участие в работах Рады. Произведенный В. Атаманом (по желанию Рады) в чин генерал-лейтенанта, он, по окончании сессии Рады, снова возвращается на фронт. Побывав со своєю бригадою под Бесланом, в армии Май-Маевского, под Н.-Александровском, Екатеринославом и Полтавою, он перебрасывается, нако-

нец, под Царицын. Здесь, при первой же встрече с ген. Врангелем, выяснилось сильное расхождение во взглядах обоих на дальнейшую роль казаков в войне. Ген. Гейман стоял на том, что уже тогда казаки потерпели больше всех, что надо дать им оправиться и стать твердым и мощным резервом на своих границах, а что дальнейшая, действительно гражданская война должна продолжаться армией адм. Колчака и самими русскими, побуждаемыми и поднимаемыми по пути ген. Деникиным. В результате этого расхождения ген. Гейман должен был оставить армию ген. Врангеля.

Дальше пришла эвакуация и — эмиграция.

Есть еще один момент, характеризующий настроение ген. Геймана в то время и заслуживающий того, чтобы его отметить особо. Когда в 1919 году ген. Науменко (тогда кубанский военный министр, а теперь В. Атаман) делал все от него зависящее, чтобы Кубанская Армия не была создана (как того хотел Деникин), а Рада категорически настаивала на ее создании, было предложено высказаться по этому поводу всем старшим строевым начальникам — кубанцам. Автор этого предложения (ген. Науменко) рассчитывал, на то, что кубанские генералы, зависящие в то время от ген. Деникина, не пойдут против его желания. И действительно, из 14 запрошенных, 13 поддержали ген. Науменко и Деникина и только один спас честь Кубани, высказавшись за создание отдельной Кубанской Армии. То был генерал А. А. Гейман. Одного этого было бы достаточно, чтобы Кубань не забыла его никогда. Слава ему!

Как бы ни было теперь тяжело старику-генералу нести тяжести и невзгоды необеспеченной эмигрантской жизни (он служит сейчас, кажется, ночным сторожем на руднике), нам хотелось бы, чтобы настоящие строки придали ему бодрости и сил выдержать и вытерпеть казачье лихолетье. Пусть он доживет до — напомним — скорого возвращения на Кубань, пусть он, старый пластун-генерал, еще раз поведет своих соратников в бой сей раз за свободу Казачества, а будущим молодым пластунам Казакши скажет в свое время свое слово-поучение о том, как не нужно растрчивать сил казачьих на чужих путях, и как нужно тратить их на своей дороге.

Сил, здоровья и многие лета юбиляру, заслуживающему больше, чем эти хотя и искренние строки!

Думи и мысли.

Олександр Півень. (Югославія).

Чи чуєте, кубанці?!

Ой зійду я у добру, слухную пору
На високу гору
Та й гукну я відтіл раненьку уранці:
„Чи чуєте, кубанці?!”
А ну, лиш, озвітсь на добромуде слові:
Чи живі ви, здорові?
Та чи маєте ви всі снагу юнацьку,
Ще й відвагу козацьку?
Чи добули порох у пороховниці,
Та ще й міткі рушниці?
Чи нагостили ви шапки азійські,
Та кинжали булацькі?
Як що все гаразд, так гаразд ви і дбайте:
А ну, лиш, уставляйте!
Годі бо нам по всіх-усюдах тинятись, —
Пора вже лаштуватись;
Щоб були справні до нашого походу —
Прямісінько до Сходу;
Бо там Кубань так закута у кайдани,
Що сама і не встане;
А ворог-поганець, як той пес, дуже люте, —
Хто-ж її обратує?
Терпить вона муки і тяжко страждає,
Та просить нас, благає:
„Ой, рятуйте-спасайте, козацькі діти, —
Нема сили терпіти:

Катує мене ворог, та убиває, —
Душу з мене виймає!
Живу я, мов би на хресті розп'ята, —
Та невже-ж я проклята,
Що від мене, мов-би, увесь світ одхилився,
Та й сам Бог відступився?
А ви мене кинули в лиху годину:
Хай пропаду-загину!
Мабуть дуже вам рідна Мати огидла,
Своя хата набридла,
Що не маю од вас на гірке прохання
Ні чутки — послушання?“
Отак бідна Кубань кличе нас, гукає,
Помочі дожидає,
А ми не то, щоб Матір рятувати:
Забули, як її й звати!
Один каже: область, другий — Россія,
Ну, прямо — чудасія!
Де-ж та у Бога Россія, як її не має, —
Про те-ж усякий знає;
А що Кубань хоч і дуже стогне в неволі,
Та не загине ніколи, —
Бо й за десять літ вороги не здоліли,
Хоч як того хотіли!
Гей, чи чуєте, братики мої, хлопці,
Козаченьки — молодці!
Ой стид нам і сором на свободі жити,
А нічого не робити!

Чи нам навіки вуха позакладало,
Серце кам'яне стало?
Чи ми ворога-москаля так злякалися,
Що всюди поховалися?
Чи на чужині нам добре їсться й спиться,
Та ще й веселе сниться, —
Що не навчилися ми Рідний Край боронити,
Тільки всім говорити!?

Ой нуте-ж, брати мої, нуте, вставаймо,
Та добре усі дбаймо:
Час — пора проти ворога — Москви стати,
Та Кубань рятувати!

15 VII-1931 г.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Автору статьи „Без чести и совести“.*)

Спасибо, станичник, за слово твое
Каким ты ответил, так „М“ отхлестал;
За вольность казачью, за право свое
Не в бровь ты, а в глаз ему прямо попал.

Коль все мы так будем врагам отвечать,
Так твердо за волю казачью радеть,
То нам уж не долго осталось страдать,
Мы скоро и волю уж будем иметь.

Хвала тебе, славный казачий борец!
Ты рыцарски стойко в борьбе поступил,
Неся свой терновый свободный венец,
На обе лопатки врага положил.

Я. Ковган. (Югославия).

Уклоны...

Правый — черный уклон,
Как „махровый“ бутон,
Выполз на плодную ниву —
Бешенно скачет...
В бессилии плачет...
И — уходит в могилу!

Левый — красный уклон,
Как ежовый бутон,
Степь черноземную „рядит“
И народ трудовой,
И уклад вековой

Он кровавою лапою давит.
Уклон черный — „махровый“,
Уклон красный — ежовый, —
Силы смерти, коварства, предательства:
Что не сделал один,
То продолжил другой

Для гибели верной Казачества.
Как Деникин „осваги“ плодил,
Врангель „планы“ все выводил
На Кубани — все „Неделимой“,
А нач-дивы кубанцы с Покровским
Обнаглели и жесток „Петровским“
Увеличили жертвы Родимой.

Рябовола в Ростове убили,
Члена Рады в столице казнили
Во имя борьбы за „вождизм“.
Оттого то пропала борьба,
Оттого изменила „махровым“ судьба —
Сохранился один эгоизм.

За границей сидят
И приказы трубят —
В казаче „неделимца“ все ищут.
Смотришь — там или сям
К казакам по гостям:
„Вожди“ их „махровые“ рыщут.

Богоносец — лихой оккупатор,
Всех Казачьих прав узурпатор,
Создал пятилетку колхозную.
На казачьей земле
И в казачьей избе
Завел жизнь невозможную.

Протрубил тут декрет
„Казача больше нет!
Есть колхоз и рабочая сила!
Повинуйся, казак,
Коль нет, — ты кулак!
Поезжай-ка работать в Сибирь“.

Казача „кулака“ — кто лошадку имел,
Кто в колхозы идти не хотел —
Вывозили по суше и морем;
Пятилетний срок-план
И приказ сверху дан
Уничтожить Казачество с корнем.

Уклон черный — „махровый“,
Уклон красный — ежовый,
Оголтел до — помешательства,
Как Крыловская свинья
Не помня себя —
Подрывают корни Казачества.

Конституцию помни, казак!
Не отдайся изменнику так!
Поигрались с тобой они вволю!
Помни предков былое,
Вспомни время борьбы удалое
И борись за казачью долю!

Казачество — вольным приглашено снова!
Казак — наше последнее слово —
Идея борьбы у нас есть!
На жертвенник славы и доблести
Казачью стойкость и храбрость
Все дружно будем нести!

18-VII-1931. Скопле.

Что можно делать вольным казакам теперь же.

На страницах „В. К.“, в думах и мыслях вольных казаков раздаются голоса: „что-то нужно делать; надо дело делать, а не разговаривать“; „надо организовываться“ и т. д. На мнения некоторых казаков по вопросу, что такое „дело“, хорошо ответил г-н Воропихов в № 82. Там автор совершенно справедливо разъяснил, что всякое дело имеет различные стадии и этапы, от удачного исполнения которых зависит успех самого вопроса, подразумеваемого под словом „дело“.

Конечно, всяких интересных вопросов, а в особенности вопросов отдаленного будущего, на страницах „В. К.“ затрагивалось много. Рассуждения о флагах, о гербе, о гимне, о видах государственного устройства, о социальных партиях, все это безусловно интересные темы, но не было разговора, не высказывались соображения о том, что нужно делать каждому вольному казаку на месте своего данного местопребывания, чтобы хоть чем-нибудь помочь делу подготовки Казачества к борьбе за свою самостоятельность. Современное положение народов, населяющих Казачьи Земли (казаков, калмыков, коренных крестьян, ногайцев, черкесов) настолько грозно и движение поднятое „Вольным Казачеством“ настолько острое, в сердца наши быстрое, что решительно невозможно всем честным и жертвенным сынам этих народов молча сидеть. Каждому из нас хочется что-то делать, как-то способствовать успеху дела и каждодневно задавать себе вопрос — делается ли что-нибудь практически-реальное для того, чтобы мы были готовы к событиям; чтобы они, как говорится, „не прошли мимо нас“.

И вот, в результате этих размышлений, я и решил поделиться своими думами и мыслями по этому вопросу с казаками. При чем не нужно думать, что мое мнение, здесь высказываемое, есть также мнение и редакции „В. К.“, раз она напечатает, а только мое личное. Мнение редакции „В. К.“, т. е. нашего морального центра вольных казаков, мне неизвестно. К слову сказать, я считаю нужным несколько пояснить слово: „наш моральный центр“. Вольно-казачье движение, погашенное проигранной борьбой на родине, впервые активно возродилось всего три года тому назад и не в силу изъяснения какой либо массовой воли, а по частной инициативе небольшого круга лиц, решивших так по-

*) „В. К.“ № 86—87.

ставить казачий вопрос, зная психологическую тягу Казачества к свободному существованию и надеясь найти в душах казаков сочувствие. Так и случилось. Но постольку, поскольку цель этих инициаторов — освобождение Казачества — не достигнута, пока Казачья Земля еще не освобождена и Казачество в эмиграции не имеет фактической возможности свободного массового выбора народных представителей и их сбора, то, конечно, они не могут и не имеют возможности соблюдать все требования выборности. Но это несколько не должно склонять казаков к мысли, что вольно-казачий центр не хочет считаться с казачьими демократическими принципами. Цель этих вольно-казачьих инициаторов, по моему мнению, заключается в том, чтобы довести Казачество до возвращения на освобожденную родину и, вернувшись из чужбины и освободившись от гнета казакам остававшимся дома, дать возможность свободно избрать своих представителей на Войсковые Круги, Рады и Хурулданы, которые и будут решать вопросы казачьей жизни. Поэтому, всем вольным казакам, которым идеи казачьего освобождения по душе и которые готовы посильно помогать „Вольному Казачеству“ в достижении основной его цели, нужно считать „Вольное Казачество“ за теперешний фактический центр казачьего освободительного движения. Так делается всякое революционное, национально-освободительное дело и это дело не нужно смешивать с принципами устройства мирной жизни постоянного характера.

Признав это, т. е. наличие руководящего центра в освободительной борьбе Казачества, нам — всем вольным казакам, в качестве практической работы в подготовке и организации казачьих эмигрантских сил, надо сделать по моему вот что: каждый вольный казак, кто чувствует в себе смелость и веру, должен узнать мнения других казаков в отношении вольно-казачьего движения, т. е. за освобождение ли они Казачества из под власти России или против. Найдя таким образом своих единомышленников, они должны создать свою местную, вольно-казачью организацию, не стесняясь и малочисленностью, помня, что если вольных казаков в данном месте три, то в другом месте может быть и триста. Эта организация должна держать связь с центром Вольного Казачества с одной стороны и с членами местной организации с другой. Список членов организации со сведениями о возрасте, профессии, войске и чине должен, конечно, своевременно послаться в центр, чтобы он знал, где и сколько казаков, могущих послужить делу освобождения Казачества на том или ином поприще. Вот это и будет одним из тех „дел“, о которых писал и Тырин, говорил казак Збронский и одной из тех стадий в процессе подготовки, о каких писал Воропинов.

При чем, при создании местной вольно-казачьей организации, никоим образом не нужно руководствоваться желанием таким путем получать откуда бы то ни было каких-то грошей. Это я говорю не попусту, а на основании наблюдения. Вольно-казачьи организации образовывались и раньше, но они иногда носили один характерный отпечаток: закладывали организацию, присылали в центр сообщение с массой приятных слов, а за сим, обыкновенно, как наблюдалось, (знаю такой случай здесь, в Чехословакии) писали в центр, что вот, де мол, для разворота работы необходима для организации такая-то сумма денег. Через некоторое время организация от намеков переходила к прямой просьбе, а потом посылались один из членов данной местной организации в центр и, если его миссия успеха не имела, члены этой организации начинали — „терять веру в дело казачьего освобождения“. Горько это отмечать, но казаки должны знать, что такие случаи были и что такая закладка организации с заранее обдуманным корыстным намерением гроша медного не стоит. У других это делается иначе: „места“ снабжают „центр“ средствами, „места“ и отдельные лица, действительные последователи, поддерживают свою прессу исправной подпиской своего печатного органа...

Всякому из нас должно быть известно, что работа местной организации сводится к тому, чтобы на месте посильно вести устную пропаганду (не подкуп и под-

паивание, а товарищеские уговоры и задушевные разговоры) и держание связи с центром, в данном случае с редакцией „В. К.“, что, выражаясь в одном письме в месяц, для трех казаков единомышленников, имеющих работу в какой угодно стране, совершенно не составляет непреодолимой тягости.

Еще на одно обстоятельство я хотел бы указать, которое я считаю совершенно не серьезным подходом к делу. Это вот что: много казачьих организаций, которые числят в своем списке массу „мертвых душ“, а иногда и целых организаций. Все мы знаем, что наша эмиграция, не имея постоянного местожительства, очень текуча, организации быстро возникают и часто быстро исчезают. И вот бывает так, что какой нибудь Иван Иванович состоит в данной организации, а потом, по обстоятельствам жизни, переезжает в другое место или даже в другую страну, там зачисляется в тамошние организации, забыв даже о том, что он состоял в организации на старом месте, а старая организация, часто несмотря на отсутствие всякой связи с этим Иваном Ивановичем целые два, три и даже пять лет, продолжает его числить в списках, чтобы в нужных случаях козырять, что их организация насчитывает столько-то сот человек, тогда как на деле в ней 10 человек. В моих глазах такая организация только теряет и руководители таких организаций вызывают недоумение. По моему, в наших вольно-казачьих организациях нужно числить действительных членов, которые держат связь с организацией, сообщают перемены адреса, поддерживают подпиской свой журнал и вообще, так или иначе, интересуются жизнью организации в которой они состоят. По моему, лучше иметь десять таких членов, чем сто членов в пространстве.

Основная мысль этой заметки сводится к тому, что нам, вольным казакам, по месту нашего рассеяния надо посчитать наши ряды и сообщить в центр Вольного Казачества, чтобы он знал сколько, наконец, казаков, на которых можно положиться при всякой обстановке, или, если понадобится, что-либо кому поручить. Конечно это не нужно рассматривать, как начало формирования полков и сотен, чтобы завтра или „весною“ двигаться в поход, нет, а все же знать центру где и сколько их сторонников необходимо во всех смыслах. Думаю, что вольные казаки откликнутся на мою мысль. Повторяю, что это только мое частное мнение.

Шалвур Чиминов.

Две дороги.

На страницах журнала „В. К.“ не один раз говорилось уже о пути Казачества, — в достаточной мере освещен вопрос выгоды для казаков иметь свое собственное государство — Казаккию. Вопрос настолько ясен, что только политически нечестный или слабоумный станет отрицать то, что лучше иметь свою маленькую хату, чем жить бесправным наймитом в чужом дворце. Кажется яснее ясного обстоит этот вопрос, но находится человек, да еще и казак, который утверждает противное: лучше быть слугою в большом доме, чем маленьким самостоятельным хозяином. Такова сила привычки. Казак этот никто иной, как Донской Атаман ген. Богаевский.

В 5-м номере „Род. Кр.“ он говорит, обращаясь к Казачеству: — „Поменьше увлекайтесь политикой и меньше слушайте самостийников, которые стараются оторвать вас от России, превратить в ряд мелких и слабых государств, никем не признанных“. По поволу им сказанного г. Савельев в 83 номере журнала „В. К.“ очень обстоятельно и хорошо ответил в статье: „Умственная ограниченность или сознательное наивничество“, я же лично хочу указать на гибельность для Казачества того пути, на который зовет ген. Богаевский.

Не правда ли, какой благой совет дает наш выборный батько-атаман: не занимайтесь политикой, будьте политически слепыми, послушными, как овечки пастуху, а куда заведет пастух — вам знать не следует. Было время, что овечки доверялись пастухам и без рассуждений шли за ними, и они привели их не на широкий луг, а на бойню, под нож резника. Многие из них

вырвались из этой переделки живыми и теперь уже хотят знать куда их поведут.

Мы, казаки, 2½ года вели „гражданскую“ войну. На своем собственном горбу вынесли все тяготы и ужасы этой беспримерной войны и послушно шли, куда посылали. Пусть каждый спросит себя, знал ли он, за что воюет, за какие и чьи интересы подставляет грудь под русские штыки и пули. Откровенно говоря, „нет! не знали!“ Говорили ли нам наши верхи о конечной цели этой войны? Тоже нет! Сам собою напрашивается вопрос — почему? — Да по той простой причине, что и сами верхи были политическими младенцами и толком не знали, как использовать момент для возрождения и удержания казачьих прав и вольностей. В противном случае, они не допустили бы, чтобы ген. Деникин связал их, а с ними и все Казачество по рукам и по ногам.

Из этого видно, что политикой заниматься нужно хотя бы для того, чтобы уметь защитить свои интересы. Если бы казаки были политически более подготовлены, то, вне всякого сомнения, поставили бы перед руководителями вопросы: „За что мы воюем? За очищение казачьих краев от большевиков или на нашей обязанности лежит усмирение всей большевистской России?“ Спросили бы также, что за люди — Добармия, в лице ген. Деникина, — под видом наших союзников распоряжаются в нашем крае — как у себя дома. Спросили бы и, как когда то на Круге и Раде, дали бы своим атаманам точные приказы, а при проведении в жизнь этих приказов пусть атаманы распоряжаются нами по своему усмотрению. При таком положении, наши атаманы не оказались бы пленниками ген. Деникина, не имел бы возможности ген. Деникин распоряжаться с нашими выборными людьми — Рябоволом, Кулабуховым и мн. др.; не учинил бы разгрома Рады и, возможно, исход борьбы совсем был бы иной.

Вопрос не в том, какую политическую силу представляли Рябовол и Кулабухов, и, останься они живы, смогли бы предотвратить ту беду и те несчастья, которые свалились впоследствии на наш край, а вопрос в том, что „в нашей хаті та нас же і бють“. Вышло по запорожской песне: „Усилився вражий москаль — вигоняє з хаті!“. И опять все тот же москаль. Через всю историю Казачества красной нитью проходят пакости этого москаля — их так много, что не знаешь, чему удивляться: уменью ли и нахальству москаля околпачивать Казачество, или наивности и покладости самого Казачества. Читаешь историю одного или другого Кав. Войска — только и видишь одни пакости, чинимые москалем. Подчас просто сомнение берет в правдивости истории и, если бы мы сами не были очевидцами этих пакостей, то всю историю можно бы принять за „агитационный материал“ самостийников.

В самом деле: Переяславскую улову или договор с гетманом Бог. Хмельницким москаль нарушил чуть ли не на другой день. Десятки гетманов и наилучших полководцев Украины и Запорожья замучено. Сколько раз руйновалась Запорожская Січ и в конце концов, упразднено даже само имя Запорожского Войска. Шаг за шагом отбираются права Черноморского, а потом Кубанского Войска, — доходит до того, что москаль сам назначает казакам Наказного Атамана по своему усмотрению даже не из казаков. Жестокое и беспощадное усмирение всяких попыток к возрождению вольности (напр. движение Атамана Булавина) и все москаль, москаль и москаль.

Ну, это в давно минувшие дни, мы могли бы и усомниться в правдивости сказанного историей, могли бы допустить, что гетманы, полковники, кошевые, Булавины и др. виноваты, вот их и наказали, да может быть не так уж страшно и наказывали, как о том расписали, но вот факты, очевидцами которых мы сами были, — как тот же москаль, да еще и не царь, а так себе москальшика, ген. Деникин, расправился с нашими выборными людьми — одного попустил убить, другого повесить, а наш парламент разогнать. Кроме этого нашими казачьими частями распоряжался как своими собственными. Атаманам нашим не дает и пикнуть. На Украину, желающую вырваться из цепких рук москаля,

посылает корпус ген. Шкуро, а мы, казаки, за все пакости, чинимые нам этим москалем, воюем против родных нам по духу и крови украинцев, против родных по духу горцев и грузин, и приводим их к повинности — под высокую руку москаля. Так ли оно должно было быть?

Пусть каждый казак подумает, сам себе ответит и, не стыдясь прошлых ошибок, скажет другому. Да и стыдиться нечего — хоть вина и большая, но есть и смягчающие, если совсем не снимающие, вину обстоятельства. 230 с лишним лет, как Казачество находится под ярмом москалей. За этот долгий период, естественно, мы утратили способность разговаривать с нашими верхами как равный с равным, нас приучили идти без рассуждений, беспрекословно исполнять что приказано — мы шли и делали. С такой политической подготовкой нас, рядовых офицеров и казаков, захватила революция и „гражданская“ война.

Посмотрим с каким политическим багажом был наш „мозг“ — наша интеллигенция, наша сила — наше выборное правительство.

5 декабря 1918 года Куб. Кр. Рада объявляет о принятии на себя всей полноты государственной власти в пределах края. Но „мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань отдельной составной ее частью“...

Как видите, 230 лет обработки Казачества не поразили даром: на один момент душившие Казачество руки ослабли, опустились и мы испугались своей свободы, испугались того широкого горизонта, который открывался перед Казачеством. Мы отвыкли управлять собой и уподобились пасынкам, плачущим над гробом злой мачехи. К сожалению, в этот момент среди всего Казачества не нашлось сильного духом вождя — подобно Хмельницкому, Мазепе, Дорошенко, Острянице, Булавину, который взял бы атаманскую булаву в сильные руки и без боязни осуществил заветную мечту Казачества — быть независимыми ни от кого. Вместо того, чтобы благодарить Господа Бога за возможность устроиться самостоятельно, мы плачем над гробом мачехи и просим ее как можно скорей встать да схватить нас снова за горло.

Это так мыслила наша интеллигенция — наш мозг, а вот как мыслили и мыслят наши атаманы и правительства — наша сила.

„Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека“ в своем заседании от 11-го и 12 июня 1923 года утверждает основные положения казачьей платформы:

1. „Борьба с коммунизмом и свержение диктатуры коммунистической партии, в лице Советской власти на территории России“. (Полный текст этой платформы — читатель найдет в „Кубанском календаре на 1931 год“ стр. 84). Вся эта платформа параграф за параграфом говорит о том, как лучше устроить Российское государство и только в параграфе 8 говорится о нашем родном Крае, да и то так робко и застенчиво, что только: „впредь до образования Российской общегосударственной власти“, ну а после образования этой Российской общегосударственной власти не трудно догадаться — москаль укаже, як жить треба.

В параграфе первом прямо сказано — война с большевиками, пока не останется из них ни одного на территории России. Вопрос, как видите, уже предпринят — мы должны очистить территорию России от большевиков, т. е. выгнать почти всех русских из России — ибо они все большевики, или поддерживают большевиков, а вот только не указано, кого же посадить на их место, чтоб душил нас.

Читаешь эту платформу и думаешь, какая трогательная заботливость о судьбе России, даже сами россияне меньше заботятся об этом, ибо вот уже 13 лет поддерживают Соввласть, а вот являются незваные, непрощенные казачьи атаманы и так убиваются о ее судьбе.

Хочется, чтобы мой слабый голос был услышан нашими атаманами и может быть тогда им не придет-

ся краснеть за невыполнение взятых на себя обязательств по очищению России от большевиков.

Господа атаманы! А кто же будет воевать с коммунистами на территории России? Подумали ли Вы о том, что когда казачьи полки будут очищать Россию от большевиков, в это самое время еднинеделицы очистят наш Казачий Край от всех тех, кто мыслит о благе Казачества, а потом закуют Казачество еще в горшие кандалы, чем теперь...

Ген. Богаевский, как видно, не боится такого положения и всячески тянет казаков на московскую дорогу, обещая всяческие милости будущего московского владыки, — ему, очевидно, тоже обещают.

Цену обещаний и договоров, заключенных москалями, мы теперь хорошо знаем и из истории и из пережитого нами, а потому здесь наши дороги расходятся: кто хочет быть московским прислужником, кто хочет за счет казачьих прав и вольностей создать себе свое собственное благополучие, тот пусть идет „широкой“ московской дорогой, а мы, охраняя эти права и вольности, пойдем по своей, пусть сейчас и тернистой дороге создания своего государства — Казакии. В этом — залог нашего будущего и устранение возможности повторения такой расправы с Казачеством, как то было 4 июня 1775 года при кошевом Калынишевском на Запорожской Сечи, при атамане Булаине на Дону, как то было в 1919 году с Кубанской Радой.

Только сильному духом и решительному в действиях дается то, что он требует, а заискивающие и лезбязщие довольствуются крохами, падающими со стола господина их.

О том, что мы никем не будем признаны, атаман Богаевский пусть не беспокоится: будем едины, будем сильны, а будем сильны, — нас признают. Даже москали, если захотят кушать хлеб, то признают и найдут способ сговориться с нами. Нужен только Атаман с казачьим духом и любовью к свободе, который опираясь на все Казачество, мог бы осуществить его заветные мечты — создать казачье государство Казакию.

Ал. Шевченко.

Как гибло Донское Войско.

Редакция журн. „В. К.“ требует от своих сотрудников спокойствия и хладнокровия. Прошу Редакцию поместить настоящую статью, сделав исключение из того общего правила.

И. Скобелин.

I.

Господин Мельников изволит быть председателем Казачьего Союза. Говорят: „цель оправдывает средства“. К достижению цели пути и средства бывают, однако, разные. Я не знаю, к каким средствам для достижения своих целей прибегает Н. М. Мельников, но на странице 23. Вестника № 11. от 1927 г., я встречаю его, как уже „достигшего“ цели — Председателя Казачьего Союза. Я называю Мельникова самозванцем на указанном посту и постараюсь это доказать. К этому меня побуждает наше десятилетнее пребывание вне Родных Краев, а главное то, что Мельников продолжает обманывать казаков, плетя политическую „паутину“ да так, чтобы в будущем никто не мог ее распутать. Поэтому, приступая к исполнению своей задачи, для доказательства своего утверждения я беру официозы Казачьего же Союза, выпущенные последним и редактируемые тем же Мельниковым, как редактором таковых. На основании этих материалов я решаю показать причины гибели живого тела Донского и всего Казачества. Хотя это будет в неособенно приятной форме, но для будущего нашего потомка, который соберется заглянуть в наши безотрадные, а главное гибельные дни, — это будет необходимо.

II.

Данные 1. Сводка № 1 Казачьего Союза за Январь-Февраль-Март 1925 г.

Страница 1 гласит: „Бюро по созданию Казачьего Союза, избранное на С'езде казачьих организаций во

Франции, состоявшемся в Париже 7 августа 1924 года“ рассмотрев в своем заседании поступившие заявления и постановления станиц, хуторов и групп о желании их вступить в состав Казачьего Союза, настоящим, на основании 1 примеч. к стр. 2 устава объявляет зарегистрированный им список организаций, вошедших в Казачий Союз“ (идет перечень организаций). Дальше, подпись: „Председатель Бюро Н. Мельников“.

Страница 4 этой же Сводки говорит: „Бюро должно выполнить последнее задание: созвать С'езд и передать свои полномочия избранному на С'езде Председателю Союза. Эта задача и поставлена на очередь: Бюро занято выяснением денежных и других возможностей созыва Союза и начнет подготовку материалов для С'езда“.

Данные 2-ые. „Сводка“ № 2 за Декабрь 1925 — Январь 1926:

Страница 3 этой Сводки гласит: „Организационное Бюро по созданию Казачьего Союза постановило обратиться к выборным Войсковым Атаманам, как высшим представителям казачьей власти, и просить их зарегистрировать Казачий Союз, как организацию сформировавшуюся и ставшую уже на путь практической деятельности, с признанием за Организационным Бюро, впредь до созыва С'езда, прав Временного Правления Казачьего Союза. Донской, Кубанский и Терский Войсковые Атаманы, согласившись с соображениями Бюро, внесли Казачий Союз в список действующих казачьих организаций и выразили Временному Правлению Казачьего Союза сердечные пожелания успеха в дальнейшей работе на пользу казачества“.

Относительно формирования Казачьего Союза в „Сводке“ № 2 на 3 стр. Мельников говорит казакам совсем другое, а именно: „Организ. Бюро по созданию Казачьего Союза постановило обратиться к выборным Войсковым Атаманам... Это противоречит тем заданиям, о которых он уже сказал в Сводке № 1 на стр. 4: „Бюро должно выполнить последнее задание: созвать С'езд и передать свои полномочия избранному на С'езде Правлению Союза. Эта задача и поставлена на очередь“. Как видно, Мельников решил „задание“ и „очередь“ обойти, ссылаясь на следующее: „Созыв же С'езда представителей Казачьего Союза из 9 стран потребует затраты больших денег и осуществление его в ближайшее время не представляется возможным по отсутствию средств“. (См. продолжение 3 стр. Св. № 2). Обойдя задание представителей 24 каз. организаций и данные им обещания „созвать С'езд“, он решил постановлением Организ. Бюро просить Войсковых Атаманов „зарегистрировать Казачий Союз, как организацию сформировавшуюся“ и правление его, без созыва Казачьего С'езда и без участия представителей каз. организаций в выборах вр. или постоянного Правления Каз. Союза. Вообще обошел, не считаясь с казачьими Станицами и Хуторами, вошедшими в Каз. Союз. Для нас, казаков: 1) не видно постановления Организ. Бюро, с каковым Мельников, во главе Бюро, обращался к войсковым Атаманам. Войсковые Атаманы дали согласие, как это пишет Мельников и „выразили Временному Правлению Казачьего Союза сердечные пожелания“ в его работе на пользу Казачества, но 2) нет официального документа, который бы подтверждал согласие В. Атаманов, а поэтому можно отнести „согласие“ разговору Мельникова с ген. Богаевским. Вполне понятно, что без созыва и участия Казачьего С'езда в создании Казачьего Союза и Правления его было бы рискованно утверждать Атаманам своей подписью Каз. Союз и правление его, как таковое.

Данные 3. „Сводка“ № 3, февраль и март 1926 г.

Страница 27 Устава Казачьего Союза, параграф 6. устава гласит: „Первое Общее Собрание созывается учредителями Союза, а последующие — Правлением Союза по его инициативе или по инициативе не менее 5 организаций, входящих в Союз“.

„Обыкновенные Общие Собрания Союза созываются не менее одного раза в полугодие“.

Параграф 9 устава говорит: „Правление Союза избирается сроком на один год. Правление состоит из председателя и 9 членов и двух кандидатов, избираемых Общим Собранием. Первое Правление — времен-

ное — избирается учредителями Союза сроком на шесть месяцев“.

Если признать по параграфу 6 учредителями или инициаторами Каз. Союза, казачьих представителей (см. Ин. Лист № 8 от 1924 стр. 2), которые съезжались в Париже 7 авг. 1924 г. (см. св. № 1 стр. 1) и оставили после себя Организационное Бюро с заданием созвать Казачий С'езд: „Бюро должно выполнить, последнее задание: созвать С'езд“... Задание 24 казачьих организаций, Организ. Бюро не выполнило не созвало С'езда и по этой причине, как видно, и обратился к В. Атаманам. Если же инициатива исходила, по созданию Каз. Союза, от Организ. Бюро без участия казачьих представителей и которое превратилось во временное правление К. Союза „впредь до созыва С'езда Казачьего Союза“, то срок „шесть месяцев“ с 7 авг. 1924 г. по настоящее время истек и на управление К. Союзом согласно пар. 9 не имеет никаких прав, не только временное не избранное казачьими организациями правление, но и действительное Правление Каз. Союза. Мельников, как юрист, и составлял устав К. С., редактировал, проводил его в жизнь и он не признает и не исполняет свои мысли и желания, превращенные и превращаемые им же в „законы“ своего устава или программу К. Союза.

Страница 31. этой же Сводки добавляет нам: „До созыва общего С'езда представителей организаций, вошедших в состав Казачьего Союза, на котором Вр. Правление сдает свои полномочия вновь избранному постоянному Правлению К. Союза — вся непосредственная работа по Союзу ведется попрежнему Председателем Вр. Правления Н. М. Мельниковым...“

Касаясь „общего С'езда представителей организаций“ и принимая во внимание сообщение Мельникова в Сводке № 2 на стр. 3, что созыв С'езда „не представляется возможным по отсутствию средств“, можно поставить вопрос: как может вр. правление К. Союза сдать свои полномочия вновь избранному постоянному Правлению К. Союза? Непонятно!... Может быть Мельников объяснил бы казакам?

Данные 4. Вестник № 4. Казачьего Союза (бывшая сводка) за апрель и май 1926 г., Вестник № 5 и 6 август и Вестник 7 и 8 по Каз. Союзу ничего не говорят казаку относительно появления К. С., за исключением подписи председателя „вр. правления Каз. Союза Н. М. Мельников“.

Данные 9. Вестник № 9 январь — февраль 1927 г. на 5 стр. отмечено: „Состав Правления Каз. Союза“. Дальше: „Председатель — Н. М. Мельников“.

Таким образом слово „временное“ выпало из оборота, незаметно для глаз казака, как незаметно „кровные“ россияне отторгали у казаков землю. Мельников эту сноровку учел и, решив отторгнуть у казаков вообще казачьи права самим управляться собой, на правах „Тушинского вора“ поселился в Казачьем Союзе, подписавшись председателем и пока точно не говорит, „председатель“ чего? Подождем — увидим.

Данные 10. „Вест.“ № 10 апрель 1927 г. говорит о расширении состава правления Каз. Союза.

Данные 11. „Вест.“ № 11. июнь 1927. В этом Вестнике Мельников соизволил официально объявить, что он есть председатель Каз. Союза и... цель „достигнута“, а казаки дожидались: „Председатель Казачьего Союза Н. М. Мельников, после прочтения своего доклада в Париже...“ (См. стр. 23). Так крался казачий „доброжелатель“ и лукавый человек к своей цели.

Данные 12. „Вест.“ № 12. июль — август 1927 г. На стр. 7 Мельников сам себя порочит и выдает, свидетельствуя о самозванном захвате председательского поста. Вот, что он пишет: „При первой к тому возможности — созвать С'езд Казачьего Союза, чтобы сообща обсудить, как дальше жить и вместе наметить план дальнейшей работы“.

Данные 13. Вест. № 13. сентябрь — ноябрь 1927 г. Страница 5 гласит: „Правление Казачьего Союза поздравляет...“ Получилась невязка: все предыдущие данные: „Сводки и Вестники“ редактируемые самозванным председателем Каз. Союза говорят, что Казачьего С'езда не было „по отсутствию средств“ или его только

собираются „созвать“, а поэтому ни Председателя ни Правления Каз. Союза, как таковых не могло быть.

Данные 14 и 15. „Вест.“ № 14 и 15, январь — апрель 1928 г. На стр. 16. статья: „Деловое совещание“. Она гласит: „Согласно пожеланию представителей провинциальных организаций, Правление Казачьего Союза созывает в Париже на 7 — 8 апреля совещание представителей местных секций Союза во Франции“.

Это свидетельствует об уклонении Мельникова от созыва Каз. С'езда, как он уже раньше от этого уклонился, обманув казаков, а поэтому и обратился к В. Атаманам с целью зарегистрировать Каз. Союз, как „организацию сформировавшуюся и ставшую уже на путь практической деятельности“.

Данные 16 и 17. „Вест.“ № 16 и 17, май — август 1928 г. На стр. 11 этого Вестника в статье „Деловое Совещание“ редактор описывает ход совещания. Надо добавить, что представители каз. организаций, ознакомившись с работой Мельникова из его доклада, были „предупредительны“ к последнему и что из 110 каз. организ., вошедших к этому времени в Каз. Союз (См. В. № 14 и 15 стр. 12), было выслано организациями 17 представителей и одно приветственное письмо на вышеуказанное совещание.

III.

„Союз — организация общественная“ (См. Св. № 2 стр. 25). Как будто так думал Мельников о Казачьем Союзе в 1926 г., но больше его думала, а главное понимала казачья масса и казаки всех Войск, ища спасения своего народа, входили в состав Каз. Союза для общественной работы с тем, чтобы ускорить время возвращения в Родные Края и облегчить рабско-нищенскую свою жизнь в эмиграции. „Учитывая“ казачью психологию в прошлом и зная, что казаки будут защищать свои Вольности, а поэтому Мельников для создания Казачьего Союза и для того, чтобы последним отразить наседавших в то время казаков руссофилов на ген. Богаевского, „повел“ свою политику по больным казачьим вопросам и проповедывал казакам о былом прошлом Казачества, о Вольном Казачестве: „Заветы седой старины свято чтутся казачеством“, „Вольное Казачество живо“, „Есть еще порох в пороховницах“, „Рано хоронить казачество“ (осн: см. Ин. Лист. Об'ед. Сов. Дон.-Куб.-Т. от 15 авг. 1924 г. стр. 3). Или, как краеугольный камень казачьего символа веры: „Неприкосновенность казачьих земель и их недр“ (см. программу К. Союза Св. № 3 стр. 22 и Дон. Лет. № 2 стр. 287). Он не только о Вольном Казачестве писал, но и советовал казакам не забывать свои вольности и в своих статьях и в статье „Беседы по казачьим делам“ советует: „В заключение, позволю обратиться с советом к тем казакам, которым дороги казачьи вольности, которые дорожат седой стариной Тихого Вольного Дона, гордятся заслугами казачества и его славой: хорошошенько ознакомьтесь с книгой „Россия и Дон“, которую издала Донская Историческая Комиссия. Казаки мало знают свою историю, а знать ее необходимо“ (Осн.: см. жур. Каз. Думы за 1924. № 30 (14) стр. 8). Не „самостийник“ Мельников направлял казаков, за изучением исторического прошлого Казачества, туда, куда Вольное Казачество указывает всем, в том числе и Мельникову.

Можно было бы без конца подобные доказательства приводить из его статей тех времен для опровержения бесстыдной и „базарной“ его ругани, как наприм. „презренные“, но пока остановлюсь и приведу, для полноты дела, несколько выдержек из казачьих приговоров и ответов на большое-большое Казачество. 1. Выдержка из приговора Дон.-Куб.-Тер. казаков Усть-Ломской Ст-цы: „Ознакомившись с проектами программы и устава „Казачьего Союза“ в каковом высказаны все наши мысли и пожелания для сохранения казачества по старым заветам наших предков“. 2. Выд. из постановления казаков-калмыков: „Собрание находит идею Казачьего Союза вполне соответствующей чаяниям и бытовому укладу жизни как свободолюбивого казачества, так и вольной степи калмыцкого народа на началах народоправства и частной собствен-

ности, а так же горячим нашим желаниям о возрождении славного казачества".

3. Председатель Общеказачьей Конференции в Сибири сказал и подчеркнул: „Казачество из бытия — быть может, уже на наших глазах — переходит в историю“. „С нами кончается весь уклад, все мировоззрение, все дорогое для нас прошлое“ (осн.: см. Ин. Лист. № 10 стр. 8 от 1924 г.). Таким образом, дело Казачества было в его собственных руках и Мельников это понимал и вместо того, чтобы возрождать Казачество совместно с казачьими организациями, вошедшими в Каз. Союз, он ныне его „задушил“ и писал казакам: „Из колоссальной переписки с казаками во всех странах мы видим, что казачья масса поняла нас и доверчиво пошла к нам навстречу, быстро поняв, что дело Казачьего Союза есть ее собственное дело“ (См. Вест. № 12 стр. 5). Велика была надежда на Казачий союз казаков. Поэтому в Каз. Союз стали входить казаки всех казачьих Войск, которые жили и живут на основе народоправства, о чем Мельников на страницах печатных органов, от имени К. Союза неоднократно подтверждал: „Наши союзники — все те, кто искренне стоит за народоправство“. Следовательно, Правление Каз. Союза, как и сам Союз должны быть построены по принципу народоправства и в состав Правления должны входить, на выборных началах, казаки всех казачьих Войск. Мельников, как бы укоряя казачью массу за уклон от народоправства, предупреждал казаков: „Вне Союза и вне сотрудничества с ним останутся лишь те, кто является противником народоправства — и им с нами и нам с ними не по пути“ (осн.: см. Ин. Лист. за № 10 стр. 6 от 1924 г.). Но, однако, тот же Мельников самозванно объявил себя председателем Каз. Союза и, „наши союзники“, которые искренне стояли и стоят за народоправство, перестали быть у него союзниками.

Перейдя все границы человеческой совести, Мельников перебрасывает свое „влияние“ в Азию на Д. Восток и, указывая на Восточно-Китайский Каз. Союз, говорит, что он не может быть общественным Союзом, „каковым является наш Союз“, вернее, его союз (Villa Chauvelot). Привожу его слова: „Восточный Каз. Союз, в своей новой конструкции, уже не может быть членом организации общественной, каковой является наш Казачий Союз, а поэтому из состава нашего Союза выходит“ (осн.: см. Вест. № 12 стр. 8).

Трудно совместить понятия „председателя“ казачьего союза с понятием об общественной организации — Каз. Союзу вообще, а в частности с союзом Мельникова — „наш Союз“. Но, казаки твердо знают, раз он Союз, то следовательно — организация общественная и чтобы Мельников не обманывал казаков, приведу данные из Шанхайской газ. „Время“ от 4 дек. 1929 г. за № 103 стр. 4. Статья озаглавлена так: „Собрание казаков“. Она гласит: „Правление Казачьего Союза извещает, что в воскресенье 8 декабря в 3 часа дня, в помещении казачьего дома, 383 Авеню Жоффр, назначается общее собрание членов союза. На повестке: 1) доклад за истекший год, 2) выборы нового правления и 3) текущие дела“. „Наш казачий союз“ (Villa Chauvelot) имеет параграф 9, который говорит: „Правление Союза избирается сроком на один год“. Самозванный „председатель“ Мельников самозванно председательствует шесть лет. Что и требовалось доказать.

(Продолжение следует).

И. Скобелин.

Непризнанные вожди.

Когда в Нью-Йорке впервые появилась казачья эмиграция, она здесь стала организоваться с низов, с рядового казачества, потому что казачья старшина и интеллигенция, за малыми исключениями, или вошли в общерусские организации, близкие им по духу, или предпочли нигде не входить, „самоопределились“, и в таком положении, между работой и отдыхом, коротали свою жизнь в Америке. Рядовое казачество, предоставленное самому себе, с тою частью своего офицерства, которое не оторвалось от казачьих масс, стало строить свои бытовые организации не так для взаимной помо-

щи, как для того, чтобы иногда сходиться вместе и в своем казачьем кругу проводить свободное время.

В настоящее время в Нью-Йорке официально существует две зарегистрированных властями организации: около 6 лет существует Терско-Кубанская станица и с осени прошлого года — Общеказачья станица в Нью-Йорке. Обе станицы основаны в духе своих традиций и постановлений Об. Сов. ДКТ, а также конституций своих краев, что на „местном языке“ называется атаманской платформой. С недавнего времени, со времени проникновения сюда из Праги журнала „Вольное Казачество“, многие казаки заинтересовались вольноказачьим освободительным движением, а другие определенно стали на эту платформу; это движение здесь еще молодо, но им уже в данное время интересуются многие как офицеры, так и рядовые казаки. Несмотря на свой возраст оправдываемый консерватизм, многие пожилые казаки весьма интересуются и с удовольствием читают „В. К.“

Находящиеся здесь видные лица из казачьего генералитета, как ген. Денисов, ген. Агоев и другие, или же не принимали раньше и не принимают в данное время никакого участия в жизни местной казачьей колонии, или же стараются сделать казаков если не верноподданными царя Кирилла, чем занимается ген. Денисов, так членами русского Общевоинского Союза и казны спасения России, чем занимается ген. Агоев.

В этом отношении особенную активность проявляет б. командующий Донской армией ген. Денисов, который ставши за границей кирилловцем, переманивает и казаков в лагерь кирилловцев. На одном из общеказачьих сборов, происходившем осенью прошлого года по случаю приезда сюда из Европы ген. Агоева, который сделал доклад о жизни казачьих строевых частей в Европе, когда после доклада ген. Денисов выступил со своей обычной программой, присутствовавшие на собрании терце-кубанцы так отчехвостили этого перевертня казачьего, напомнив ему все его прегрешения, начиная дезертирством с Донского фронта и кончая здесь перебежкой в лагерь своих политических противников, куда он в данное время усиленно заманивает казаков, равно и о других „художествах“, в роде займов у казаков денег без возврата на издание газет, — что после этого Денисов замолк, как в воду канул; говорят, что обретається в Бриджпорте на аэропланном заводе Сикорского.

В Нью-Йоркской газете „Русская Вечерняя Почта“ за 19 и 21 июня с. г. появилась статья б. Кубанского атамана Филимонова: „Жизнь Кубанских казаков“. Этот отверженный вождь Кубанского Войска, потерпев поражения на всех фронтах в борьбе за кубанскую булаву в Европе, решил попробовать счастья в Америке в надежде, что здешние казаки не в курсе событий среди казачьей эмиграции в Европе. Коснувшись слегка (с экономической точки зрения) положения казачества в своих оккупированных красной армией краях, автор статьи подробно останавливается на жизни зарубежного казачества, что и является главной целью этой статьи. Начав с причин раз'единенности кубанцев и возникновения разных казачьих идеологических группировок, он делит по политическому принципу кубанскую эмиграцию на четыре группы: самая большая группа, которая состоит из офицеров, рядовых казаков, стариков и женщин, осталась верна идеалам старой русской армии; ко второй группе автор причисляет казаков с атаманской идеологией; третья — немногочисленная, но очень сплоченная и деятельная — последователи вольного казачества; — последнюю группу составляют те казаки, которые, как и раньше, выжидают, чья возьмет или партия к. в. д. Это, по словам автора, те казачьи оппортунисты, благодаря которым в 1917 г. была проиграна борьба с большевиками.

Благодаря такой раз'единенности, у кубанцев нет в данное время авторитетного объединяющего центра даже по обслуживанию культурно-помощных нужд. Это тем более, подчеркивает автор, достойно сожаления, что рядом существующие русские организации после упорных трудов все это имеют. Коснувшись после этого причин неудачи казачьей колонизации в Перу и последнего обращения к кубанцам в Югославии г. Ива-

ниса, автор считает, что появление г. Иваниса на сцене кубанской жизни грозит новой смутой в казачьих мозгах и новыми осложнениями в их и без того не легкой жизни. „Да минет нас чаша сия“, патетически восклицает бывший глава Кубанского Края: будем верить, что горький опыт изгнаннической жизни умудрит казачье сознание и выведет кубанцев на светлый путь здорового понимания своих интересов, тесно связанных с интересами всего русского народа“ (который сейчас физически уничтожает казачий народ и колонизирует „братьями с севера“ казахи, кровью отцов наших добытые земли!).

Прочитавши эту статью, кубанцы, на заданный им по этому поводу донцами вопрос, не задумываясь, сказали, что „наш“ Филимонов не хуже вашего Денисова. Если бы мы с вами нашими генералами обменялись, то от такой сделки не пострадали бы ни донцы, ни кубанцы, но оба Войска много выиграли бы, если бы приподнести этих двух генералов, как очень русских, Общевинскому Союзу.

Статья ген. Филимонова была бы достойной пера русского генерала, но странным кажется, когда это пишет б. Атаман четырехмиллионного казачьего государства, которому в свое время были вверены судьбы кубанского казачества.

Ген. А. Филимонов в своей статье поделил кубанцев по политическому признаку на 4 категории, причем к первой, самой большой причислил тех кубанцев, которые остались верны лозунгам старой русской армии. Надо быть политически невежественным и наивным, чтобы утверждать, что девиз „за веру, царя и отечество“ является политической идеологией большинства кубанской эмиграции. Надо слишком далеко стоять от казачьих масс, чтобы писать такие вещи: не было такого настроения среди кубанцев ни в Крыму, ни на Лемносе, ни на Балканах; казачество же в Чехословакии или во Франции своим веру имеет атаманскую или вольноказачью идеологию. Следовательно, первое определение является ни на чем неоснованным предположением наивного в разрешении казачьих вопросов генерала-монархиста. Коснувшись группы казачьих оппортунистов (приспосабливающихся к данной обстановке), погубивших казачье дело в 1917 г., автор, как будто, с одной стороны, ошибся в хронологию, а кроме того, хочет вину за проигрыш свалить на других. Дело в том, что в 1917 г. казаки были еще на фронте внешней войны и пришли в свои области последними, в то время как „братья русские“, распродав пушки и пулеметы немцам, делили не только помещичьи, но и казачьи земли. Война же Кубани с советской Россией началась в 1918 г., с какого времени и начинаются главные прегрешения г. Филимонова перед Кубанским Войском, выбравшим его своим Войсковым Атаманом. Приходится только удивляться, что после всего содеянного им, он те только не скрылся, подобно ген. Букретову, с казачьего горизонта, но еще осмеливается выступать в роли критика и эксперта по кубанским вопросам.

Статья г. Филимонова направлена главным образом против ген. Науменка, как его конкурента в борьбе за кубанскую атаманскую булаву, а отчасти — против г. Иваниса и вольноказачьего движения. Кроме того, это дает ему возможность спеть несколько дифирамбов в честь „народа Богоносца“ и подчеркнуть свои верноподданические чувства если не царю Кириллу, то хотя бы ген. Миллеру, под „водительством которых в широком и могучем историческом шествии возрожденной матери России русские люди (и, конечно, г. Филимонов с ними) обретут свое благополучие“.

Читая такие русско-высокопатриотические излияния, не приходится удивляться, что Кубанское Войско, имевшее в свое время во главе власти ген. Филимонова, проиграло борьбу с большевиками, в то время как Латвия, Эстония и Литва, не говоря уже о Польше и Финляндии, довели эту борьбу до своего логического

конца. Уже скоро будет 11 лет, как кубанцы находятся в эмиграции. Этого времени вполне достаточно, чтобы сделать переоценку ценностей и исторически объективно осветить причины нашего поражения на фронте казачьего освободительного движения в период 1918-20 г. г., когда ген. Филимонов был не в роли критика по кубанскому вопросу, а вождем целого Кубанского Края. Борьба казачества с сов. Россией была проиграна не так на фронте войны, как политикой особого совещания при ставке Деникина, которому наше казачье движение было верноподданически подчинено нашими политическими деятелями именно типа Филимонова. Все это в конечном итоге довело борьбу до краха и эмиграции в чужие страны. Как мог сохранять атаман Филимонов в своих руках управление Краем, когда не только перед Деникиным, но даже и перед ген. Покровским ронял свой престиж и силу воли этот неудачный кубанский президент.

Война юго-восточного казачества с советской Россией была проиграна главным образом потому, что, во-первых, у казаков не было вполне выработанной политической идеологии — с кем им воевать, с коммунистической властью в России, или с советской Россией, — за что бороться: за независимость Казачьих Краев, или за освобождение казаками России от русских большевиков; и, во-вторых, неправильной внешней политики: неудачному выбору себе союзников по борьбе. После того, как Казачьи Края — Дон и Кубань — объявили себя независимыми от советской России казачьими государствами, вооруженная борьба их с русской красной армией вполне логически должна была иметь характер внешней войны против советской России, как это было у других государственных образований, а не борьбы против советской власти в России, как это было в действительности. Тогда казачество в массе твердо уяснило бы себе, за осуществление каких идеалов проливается казачья кровь на поле чести. Борьба казачества против русской красной армии, состоящей в массе из мобилизованных и добровольно вошедших в армию русских крестьян и рабочих, предводимой старыми русскими генералами и руководимой таким же старым генеральным штабом, должна была возглавляться своими казачьими вождями, а не „варягами с севера“ в союзе с друзьями по несчастью, а не друзьями поневоле, как это было у них в действительности. Вместо того, чтобы в угоду ген. Деникину воевать с дружественными казакам Украиной, Грузией и Азербайджаном и тем ослаблять казачий фронт против моего действительного врага, надо было общим фронтом с этими народами защищать свои земли от советского милитаризма. За проявление такой политики в 1919 г. был убит агентами добармии кубанский патриот Н. С. Рябовол, повешен на старой крепостной площади по личному приказу ген. Деникина опричником Покровским другой кубанский деятель А. И. Кулабухов и выслано за границу 12 человек членов Кубанской Краевой Рады. Государственный переворот на Кубани, произведенный добровольцами в конце 1919 г. и та предательская роль, какую в этой авантюре играл атаман Филимонов, были последней причиной краха освободительной борьбы кубанского казачества, и когда, спустя 11 лет, после этой катастрофы, забывши все свои прегрешения перед родным Войском, ген. А. Филимонов пытается кого то в чем то обвинять, то только одно можно сказать на это: „Великий грешник и предатель своего родного Войска, станичник Филимонов, если у вас осталось хотя немного совести, то вместо того, чтобы заниматься интригами, удалитесь с глаз тех, кого вы со своими единомышленниками довели до казачьей Голгофы и испугательной молитвой вспомните о тех своих станичниках, которые, слепо вам доверяя, положили свои головы в боях за осуществление ваших стремлений; о казаках же в эмиграции побеспокоятся другие, не вашего поля казачьи деятели“.

М. Черныш.

В. Карпушкин.

Под ст. Тимошевской.

(К годовщине).

22 августа н. ст. исполнилась одиннадцатая годовщина боя под ст. Тимошевской одной из групп десантного отряда из Крыма на Кубань.

Нельзя не вспомнить молодых офицеров и юнкеров Кубанского военного училища, погибших почти на пороге своих родных куреней...

Ст. Тимошевская была заключительным аккордом всей десантной операции. В роковой день, 22 августа н. ст. в бою приняло участие и Кубанское военное училище в составе трех пеших сотен, всего численностью в 338 ч. С самого утра красные повели наступление двумя пешими дивизиями при поддержке артиллерии на вокзал ст. Тимошевской, занимаемый Кубанским военным училищем. На правом фланге училища занимал позиции Кубанский стрелковый полк. Ведя наступление широким фронтом, красные натолкнулись на солидный отпор юнкеров и стрелков, но — сила соломой ломит — и юнкера, обойденные с левого фланга, расстреляв патроны, начали отходить. В самый критический момент, когда можно было уже ожидать весьма катастрофических последствий, стрелки перешли в контр-атаку, юнкера их поддержали и красные обратились в беспорядочное бегство.

Положение было до вечера восстановлено, но какою ценою? Не знаю какие потери понесли Кубанские стрелки, но Куб. воен. училище в этом бою потеряло 120 человек.

Вечером начался отход „к морю“, ибо база десантного отряда, ст. Приморско-Ахтарская, была потеряна и весь отряд оказался окруженным. К счастью, почти всем оставшимся в живых удалось выбраться из этой очередной авантюры.

Об этом десанте журнал военных действий Куб. воен. училища дает следующие цифры:

В походе участвовало:	офицеров	23
	чиновников	3
	врачей	2
	юнкеров	307
	фельдшеров	3
	Итого:	338 ч.

Из них убито:	офицеров	2
	врачей	1
	юнкеров	29

ранено, контужено и пропало без вести:	офицеров	5
	юнкеров	86

Всего выбыло из строя 123 ч., т. е. больше трети всего состава. Все в бою под ст. Тимошевской, исключая трех человек, раненых в ст. Гривенской и на хут. Барабаных.

В ст. Тимошевской погибли и похоронены в хуторе Гречанном 23 авг. 1920 г.: Войск. ст. Галушко, есаул Горшков, врач Ширяев, хорунжие: Зиновьев, Политики, Пшеничный (умер от заражения крови уже на обратном пути на пароходе), Кифаров, Соловьев, Семенчук, Леоненко, Волгин, Осадчий, Сивоконь, Мальчевский, Малый, Павлович и юнкера: Беланкин, Троицкий, Комаровский, Хмара, Красноок, Бийко, Федотов, Герасименко, Подсадчий, Гайдук, Евтушенко, Дрозбзгин, Никулин.

Вечная им память!

Шамба Балинов.

Несколько замечаний по поводу Мельниковской лжи.

На серьезную, на документах основанную статью донского казака Ив. Скобелина („ВК“, № 86-87), каждое утверждение которого базируется на цитатах из старых статей того же самого Мельникова и Богаевского, последний откликнулся („РК“, № 8-9) умышленно-туманной статейкой, в которой, на основании только собственной „интуиции“ и „личного авторитета“ проводится две мысли: 1) сроднить всех самостийников с большевизанами-казаками 1917 года вообще и 2) выставить самостийников калмыков разрушителями Дона — в частности.

Для г. Мельникова совершенно безразлично, что эти „обвинения“ находятся в совершенном противоречии с программой В. К. и со всем тем, что пишут, говорят и делают сами вольные казаки. Мало того. На эти его „обвинения“, уже раньше не раз им высказанные, на страницах „ВК“ давались ясные, исчерпывающие, для всякого непредубежденного человека не оставляющие никакого сомнения ответы. Но для г. Мельникова все это — что глухому обедня. Он, с упорством и тупостью достойных лучшего применения, продолжает бесовственно лгать в адрес вольных казаков, усвоивши принцип: лги, без конца лги, авось чтонибудь от лжи да и останется!

Совершенно безнадежное дело такому противнику что либо доказывать. Он, как никто другой, оправдывает калмыцкую поговорку: „лучше сеять на коровьих рогах хлеб, чем доказывать и говорить что либо человеку, нежелающему понимать!“

Поэтому, совершенно отказываясь от бесполезной (все равно ему ничего не докажешь!) полемики с г. Мельниковым по принципиальным вопросам, считая необходимым и в данном случае сделать только „фактические поправки“, я этим ограничусь.

Опровергать попытку Мельникова „за волосы притянуть“, сроднить работу вольных казаков с работой казаков-большевизанов 1917 г., нет никакой надоб-

ности, ибо не один порядочный человек этой его попытке не поверит, не придаст ей никакого значения по той простой причине, что она явно абсурдна. Слишком очевидна разница между казаками-большевизанами 1917 г. и вольными казаками: первые, по утверждению самого же Мельникова, заявляли, „что никаких казаков теперь, после революции, больше нет“ и соответственно этому действовали; а вторые, вольные казаки, впереди всего, превыше всего ставят казачье имя, Казачество, ему все подчиняют; бескомпромиссная защита его прав, его интересов для них является смыслом жизни, святым святым; работа в этом направлении, пламенная вера в возрождение и расцвет Казачества дают им силу легче преодолевать тяжкие лишения черных эмигрантских дней, доставляют радость, вселяют в душу бодрость.

Большевизаны 1917 года говорили „казаков больше нет“, а вольные казаки только и говорят: было, есть и будет Казачество! Такую огромную разницу между ними способен не замечать только Мельников. Если же ныне кто почти вплотную подошел к позиции большевизанов 1917 г., так это только те, которые теперь с захлебывающейся радостью на всех европейских перекрестках неустанно кричат, что казаки теперь на своей земле составляют только 25% населения и на этом основании предъявляют к казакам требование — смиренно сложить свои руки перед пришельцами с Севера и просить у них прощенья!

Вполне соглашаясь с пунктом программы „ХТТ“ (в передаче Ив. Скобелина), что „Донские калмыки ни на какую самостоятельную республику не претендуют, а желают продолжения совместного сожительства с Донским Казачеством на основе закона наших Прародителей“, — г. Мельников по какой-то ему одному известной причине, для какой-то ему одному нужной цели дальше пишет: „но отдельные лица желают,

чтобы они (донские калмыки) жили не на основе закона наших Прародителей, не как составная часть Дона, а как часть федеративной Казакки, отдельная от Дона в том смысле, как отдельные Кубань, Терек“...

Так с помощью словесного тумана, путем сознательного смешения различных понятий пытается выставить нас „разлагателями Дона“, ибо, само собою разумеется, г. Мельников под „отдельными лицами“ разумеет калмыков-самостийников, нашу группа „ХТТ“, в частности меня.

Для уяснения того, что г. Мельников намеренно в этом месте говорит неправду, стоит только прочитать программу нашей группы, напечатанную во втором номере журнала „Ковыльные Волны“, которая очень хорошо известна ему, и статьи калмыков по этому поводу, печатавшиеся в журнале „В. К.“: нигде никто ничего подобного не найдет. Но Мельников для того, чтобы хоть как нибудь „обосновать“ свою ложь, совершил маленькую „операцию“: вместо выражения „Калмыцкая автономная область“ вставил „донские калмыки“! Конечно, после такой подмены, можно уже делать какие угодно „выводы“.

В нашей программе сказано, что в состав Казакки, как ее составная часть, входит Калмыцкая автономная область. Рядом с этим мы ясно и твердо говорим, что Донские калмыки должны оставаться в составе Донского казачества и подробно обосновываем необходимость и взаимопользительность этого!

Мельников, все это хорошо знающий, все бесцеремонно ломает, коверкает, переворачивает вверх дном, навязывает своим противникам никогда не снившейся им мысли, желания и слова!

Всем известно, что вкусы у людей бывают разные, но так возненавидеть Правду, как это делает Мельников, — явление чрезвычайно редкое!

Г. Мельников там же пишет: „В другой статье, от „собственного корреспондента“, Донскому Атаману для каких-то надобностей приписываются слова „св...“ (ругательное слово. Ш. Б.) „г...“ (неприличное слово. Ш. Б.), которых он, конечно, никогда не произносил“...

Этим г. Мельников пытается „собственного корреспондента“ журнала „В. К.“ выставить лжецом. Заступаясь за „соб. корреспондента“ и полностью подтверждаю его отчет о происходивших в Париже, в связи с возжением лампы на могиле „Неизвестного Солдата“, совещаниях. В частности, подтверждаю слова ген. Богаевского, сказанные им делегации Кубанской станицы, в составе полк. Жукова, ес. Збронского и г. Гладкова:

1) „мнение самостийников-св... и Бианкурский казачий толпы мне не нужно“...

2) „кто не откликнется на мой зов и не придет на могилу „Неизв. Солдата“, тот значит г...“

Эти слова ген. Богаевского были переданы на совещании представителей 13-ти казачьих организаций в Париже (30. VII) и послужили предметом горячих споров, что может подтвердить каждый участник совещания. Были переданы даже с такой подробностью. Когда Атаман выпалил эти свои „высоко-культурные“ выражения делегации, то старый боевой есаул, горячий поклонник ген. Богаевского еще со времен Степного похода, с душевной горечью там же ему заявил: „Вы сейчас сказали, что кто не придет, тот г..., а правление нашей станицы решило не участвовать официально. Выходит: не приду — перед вами буду г..., приду — перед своей станицей буду г... И так и этак я все равно, значит, г..., так я лучше буду г... перед вами, а не перед своей родной станицей“...

Каждый судит о других по себе. Так и Мельников. Если он в каждой своей статье, направленной против „В. К.“, не может обходиться без многоэтажной лжи, то он думает, что и все другие подобны ему! Для „соб. корреспондента“ не было никакой нужды придумывать эти слова „для какой-то надобности“, а он только передал в своем отчете (а не статье, как Мельников пишет) то, что имело место на публичном собрании! Он из за скромности, очевидно, не передал в своем отчете подробностей. Теперь Мельников напрашивается и я считаю нужным сделать это „дополнение“.

Еще два маленьких штриха, свидетельствующие, как безнадежно г. Мельников запутался в сетях своей же составленной лжи. В том же номере своего журнала он поместил отчет о шествии на могилу „Неизвестного Солдата“, имевшем место 2 августа, в коем пишет, что „несмотря на все старания самостийников, не хотевших участвовать в торжестве совместно с русскими, ... казаки... явились в громадном количестве“... И рядом с этим: „шествие, не имевшее возможности развернуться, вышло не таким импозантным“... Трудно сочетать: „громадное количество“ и „вышло не таким импозантным“! Но Мельников, конечно, в данном случае намеренно не хочет понять — почему казаки „не имели возможности развернуться“, почему префект полиции в последнюю минуту запретил шествие, тогда как в прошлом году, когда казаки возжигали лампаду отдельно от русских, самостоятельно, никакого запрещения не было? Правда, он пишет, что полиция запретила шествие не желая „создавать затруднения уличному движению“ — как будто в прошлом году этого уличного движения не было!

Дальше он пишет, что самостийники старались „удержать калмыков всеми силами — вплоть до распространения провокационных слухов о том, что в процессию будут брошены бомбы“. Просто диву даешься — как можно так легко лгать!

Единственным человеком из самостийников, говорившим на эту тему с калмыками, был я. Само собою разумеется, что я никак не мог говорить, „что в процессию будут брошены бомбы“... Мало того, после совещания (30 июля) представителей 13-ти казачьих организаций, на котором было решено участвовать в процессии, я не только „старался удержать“ калмыков, но, как мог, содействовал, чтобы все свободные люди приняли участие. Ясно, предлагая своим идти, я не мог одновременно угрожать им бомбами!

На церемонии возжения лампы приняла участие „Общекалмыцкая станица из г. Жуанвиль — в составе около 40 казаков“... — напечатано в „РК“, тогда как калмыков было ровно тринадцать человек, и не только одни члены станицы, но и некоторые самостийники. Само по себе это сообщение никакого значения не имеет, но оно очень показательно для характеристики писаний г. Мельникова, для которого увеличить в три раза цифру, если она ему „выгодна“, или же закатить трехэтажную ложь никакой трудности не представляет.

Но, на этот раз г. Мельников написал и одну правду: „что день 2 августа был первоначально назначен для казаков, а Обще-Воинский Союз и другие организации присоединились потом“...

Этим своим невольным признанием г. Мельников опровергает самого себя, свое „обвинение“ против самостийников, которые, якобы, вели „недобросовестную агитацию“, „всячески старались подорвать престиж В. Атамана“... Это очень важное признание, ибо вся „подрывная работа“ самостийников заключалась именно в том, что день назначен для казаков и только казаки должны быть там, а Мельников с Богаевским всячески „доказывали“, что день назначен РОВС и казакам!

Естественно, Мельников не скажет своим читателям, что единственной и исключительной целью самостийников было — поднять и возвысить казачье имя, воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы показать французскому общественному мнению, что есть на свете и еще не умерли казаки. Мельников и иже с ним, как будто испугались этой возможности показать Европе чистый облик казачьего народа и поспешили, при помощи всякой хитрости, казачье имя прикрыть именем ген. Миллера и РОВС; сделали все от них зависящее, чтобы утвердить французов в их мнении, что казаки — только военная каста, особый род оружия русской армии.

Но, думается, что их усилие в этом направлении не увенчается успехом, думается, что казаки, против воли обанкротившихся „вождей“, сумеют обрести свое подлинное казачье лицо и стать на свои могучие ноги во весь свой рост.

Пусть будет так!

Казачья эмиграция.

В ПАРИЖЕ.

Чествование редактора „ВК“ И. А. Билого.

В субботу, 15 августа с. г., группа парижских вольных казаков и сочувствующих В. К., приветствовала редактора журнала „В. К.“ — И. А. Билого, бывшего несколько дней в Париже, а также представителя вольных казаков в Лионе — А. К. Ленинова, приехавшего в Париж, по приглашению Общества ревнителей Казачества, для чтения своего доклада.

На банкете, устроенном на началах складчины, царил дух искренности и глубокая вера в скорое и неизбежное возрождение Казачества. С речами выступили полк. Жуков, подесаул Трофимов, Якименко, Колесов, Лысенков, Балинов и др., искренними, сердечными словами приветствовавшие „наших дорогих гостей“, воздавшие должное редактору Билому за то, что „В. К.“ оживило и воскресило в казачьих сердцах идеи, идеалы о древней казачьей вольности, в тяжкие и темные дни изгнания, когда вера потухает, дух цепенеет, зажгло яркую казачью искру, высоко и смело подняло Казачье Знамя, под сенью которого с каждым днем все больше и больше становятся казаки, видя в нем смысл своего существования, находя в нем источник радости и новую силу для стойкого преодоления тяжких жизненных невзгод... Просили, чтобы редактор смело и неуклонно шел вперед по раз избранному казачьему пути, чтобы еще выше приподнял знамя казачьей независимости и вольности, ни на одну секунду не сомневаясь в полном сочувствии и поддержке казачьей массы...

С ответным словом выступил И. А. Билый, в искренних выражениях благодаривший собравшихся за их угощение, братские приветствия. — „Все те горячие приветствия и слова благодарности, заканчивает он свое слово, какие здесь говорились в мой адрес, я отношу к той идее, которой служу. Не чья либо личность, а сама идея Вольного Казачества сделала то дело, о котором сегодня все говорили. Никакая личность не в состоянии искусственно вызвать к жизни какое либо широкое политическое движение, каким несомненно является (по признанию даже наших политических противников!) вольноказачье освободительное движение, если идея не находит живого отклика в народной душе... Наша идея воскрешает и объединяет Казачество“...

А. К. Ленинов в сердечных выражениях благодарил собравшихся за братское приветствие и произнес горячую речь, полную молодого порыва и глубокой веры в освободительную роль Вольного Казачества. Его вдохновенные слова произвели на собравшихся сильное впечатление.

Всеми собравшимися были пропеты казачьи гимны.

Ужин, затянувшийся до часу ночи, прошел в атмосфере исключительной сердечности.

Доклад А. К. Ленинова в Париже.

В воскресенье 16 августа (27, Ля Тур Мобург) „Общество ревнителей Казачества“ устроило публичное собрание, на котором А. К. Ленинов сделал доклад на тему „Исторические судьбы Казачества“.

Доклад, несмотря на то, что продолжался 3½ часа, переполнивший зал аудиторией был вслушан с глубоким вниманием и интересом. Уж одно то обстоятельство, что молодой докладчик в течение трех с половиною часов держал в состоянии напряженного внимания аудиторию (что редко удается и политическим деятелям „высокой марки“), говорит за то, что доклад затронул „больную струнку“ казачьей души, растрогал душевные раны казака и указал на единственно правильный и единственно возможный выход из создавшегося трагического положения.

Сам доклад, вероятно, будет напечатан в „ВК“ целиком, а потому я не буду приводить здесь его содержание. Скажу лишь, что докладчик, оперируя преимуще-

ственно русскими историческими данными, а отчасти и иностранными, нарисовал перед слушателями яркую картину того, что дало Казачество России и что дала Россия Казачеству. А затем, поставив вопрос: что лучше и возможно для Казачества — пребывание ли в составе России или государственная независимость Казачества и, сделав анализ событий прошлого и настоящего, — пришел к выводу, что единственный путь спасения Казачества — путь национальной борьбы совместно с другими народами, а единственной формой жизни, обеспечивающей всестороннее развитие и расцвет Казачества — независимая государственная жизнь в виде Казакии. А потому лозунгом каждого должно быть:

Наш девиз — Казачья Воля,
Казакия — наша цель...

Другого выхода, по мнению докладчика, Казачеству не дано, все другие пути ведут к гибели и уничтожению Казачества. Наша, самостийников, цель ясна и она должна стать единственной жизненной целью всех казаков. Побольше ясности, решительности, мужества, энергии и веры в свою казачью Правду, Право.

Заканчивая свой доклад, докладчик вдохновенным голосом процитировал стихотворение молодого поэта Петра Крюкова.

Воля, слава, честь Отчизны —
Вот девиз наш боевой!
За Казакию родную
Каждый смело иди в бой!
Пусть весь мир на нас восстанет;
Пусть цепями нам грозит, —
Наш народ за Край свой станет:
Иль умрет, иль победит!

В последовавших затем прениях по докладу приняли участие: Збронский, Гладков, Попов, Кириш, Кулочков, Киктев, Скобелин.

— Збронский говорит, что молодой донской казак сделал прекрасный доклад, обрисовал яркую картину истории славного, героического Донского Казачества и за это нужно его благодарить. Выражает сожаление, что Кубанское Войско было оставлено как бы в тени, каковое Войско имеет не менее героическую историю, занимая по своему удельному весу второе место. Между прочим говорит, что правильно сказал докладчик, что никто, кроме самих казаков, о Казачестве не подумает, добра ему не сделает. Казаки сами о себе должны подумать, своими руками ковать свое счастье... Я хотел бы только, чтобы не было среди казаков розни, а побольше единства. Да не будет среди казаков десятилетия: сегодня, надев погоны, бежать к ген. Миллеру, а завтра — к Казакии, или наоборот. Нужно быть прямолинейным, откровенным и честным, закончил свое слово станичник Збронский.

Кстати, хочу отметить одну несправедливость, какую допустил в отношении Збронского Воропинов в своей статье „Ледоход“, в которой он, Воропинов, основываясь на моей корреспонденции из Парижа, позволил высказать сомнение в наличии „казачьей души“ у ес. Збронского. В спешно записанном отчете о собрании я мог не совсем точно передать тогдашнюю мысль оратора, или же сам оратор, не имеющий опыта публичного выступления, на большом собрании мог не совсем ясно выразить свою мысль. Во всяком случае, я считаю своим долгом заверить, что знакомство, личная беседа с ес. Збронским, его работа в Париже дает мне полное право утверждать, что у него „казачьей души“ столько, что дай Бог столько и многим казакам!

Выступавший после него Гладков приводил свои старые доводы против В. К., о которых я и так уже много раз писал, что повторяться сейчас не хочу.

— Попов („лиговец“) приветствует докладчика за его блестящий доклад о будущем Казачества, говорит, что то, что за это время уже успело сделать В. К. в смысле пробуждения казачьего сознания, является огромным делом, заслуживающим полного преклонения всех. Но оратор жалеет, что он не видит, как В. К. думает практически осуществить свою полити-

ческую программу. Оно сделало прекрасное дело, но одной идеологией, без организации, нельзя ограничиться...

Надо заметить, что это — обычная „тактика“ сейчас так наз. „Лиги Возрождения Казачества“, сводящейся к одному предложению: „В. К. хорошая вещь, идея у вас прекрасная, но вы не знаете, что с нею делать, у вас нет организации, — вот у нас дело другое... Все это понятно, если принять в расчет „заветное желание“ „Лиги“ „перехватить“ в. к. движение и „переадресовать“ его... Откуда это „Лига“ взяла, что у В. К. нет организации? Зачем же В. К. будет раскрывать своим противникам свои карты? — В том номере „К. Д.“, который тот же Попов продавал на данном собрании, сама „Лига“ только мечтает о десяти процентах „твердых активных казаков... Почему же „Лига“ думает или хочет, чтобы В. К. пустило ее копаться и разбираться в своих 10 или 20 процентах твердых активных казаков?..

— Кириш, по его словам „без политического коммунта, а из лагеря диких“, высказывает и свои противно-самостийнические „аргументы“. Я их приводить не буду (они не заслуживают этого!), но для того, чтобы дать читателю представление — какого рода было его выступление, укажу на один „аргумент“ оратора: он высказал свое глубокое возмущение докладчику за то, что последний посмел привести в своем докладе цитаты из научных трудов президента Ч. С. Р. проф. Т. Г. Масарика, этого, по мнению оратора, „ненавистника России, врага русского народа“(?!), каковой его „аргумент“ вызывает большое недоумение у слушателей, на что докладчик в своем заключительном слове дает резкую, остроумную и заслуженную отповедь. Достаточно одного этого, чтобы понять — какого рода „аргументами“ оперировал оратор.

Странный этот „враг русского народа“, воспитавший на свои государственные средства и в своих учебных заведениях тысячи русских молодых людей, давший им высшее образование (в том числе и самому, кажется, Киришу!).

Странная психология „оратора“, который много лет пользовался приютом той же самой Чехословакии, следовательно того же самого Масарика, даже не чувствовался получать и некоторую помощь, что, может быть, ему сейчас приносит кусок насущного хлеба, но который сейчас так беззастенчиво плюет в источник, откуда он однажды утолял свою жажду! Я знаю, что оратор в Праге учился в земгорской шоферской школе, содержащейся на средства чехословацкого правительства, кажется, состоял членом „Союза Возрождения Казачества“, тоже когда то получавшего денежную поддержку из того же источника, очень был вхож в эс-эровский „Земгор“, содержащий исключительно на средства чешского правительства. Хотя на вопрос сотника Сафонов: не состоял ли он, Кириш, в Праге в казачьей организации, не учился ли сам там? — Кириш, не моргнув глазом, ответил: „нет никогда“!

Оценила надлежащее „выступление“ господина д-ра Кириша и аудитория, ответившая на все его выпады и „намеки“ многозначительным молчанием и шумно приветствовавшая потом (демонстративно!) выступления в. к.

„Случай“ с д-ром Кириш лишний раз только свидетельствует, как трудно поладить славянам с немцами. После г. Кириша выступает другой противник самостийников, некто Кулочков, который, вполне соглашаясь с исторической частью доклада, пытается критиковать политические выводы докладчика, каковая критика выразилась всего на всего в повторении нескольких раз: эта часть докладчиком не проработана, она очень слаба, очень слаба... да, очень слаба... В заключении оратор все же не удерживается и выпаливает: нужно благодарить В. К., что оно заставляет всех нас шевелить мозгами...

— Затем выступает Киктев (астраханец), который, заканчивая свое слово, между прочим, говорит: я измучился, искалечился. Сердце обливается кровью, когда видишь и осознаешь, что проделывают над нашими братьями и сестрами „там“, в Родных Краях, и что творится с нами здесь, в эмиграции. Довольно говорить о прошлом, давайте говорить и думать о будущем, дайте программу будущего, а не историю прошлого.

Давайте думать и судить о том, как эту программу будущего возможно осуществить и освободить наших братьев...

— Скобелин, всецело соглашаясь с докладом, с глубоким возмущением отвечает на указание б. казачьих „вождей“ о том, что, мол, пропаганда вольных казаков раздробила казаков и убедительно доказывает, что В. К. явилось не раз'единяющим, а именно объединяющим возрождающим казачий дух фактором, ибо умерщвление казачьего духа, убийство казачьей веры, следствие этого — безразличие казаков к явлениям общественно-политической жизни, произошло еще далеко раньше, чем появились на сцену открыто вольные казаки. Это удушение казачьего духа является прямым следствием преступной деятельности некоторых официальных казачьих „вождей“. В доказательство своего утверждения читает цитаты из статей б. официальных казачьих „вождей“.

Заканчивая свое слово, оратор говорит: нас, самостийников, здесь спрашивали — как мы думаем осуществить свою политическую программу? Кто вам это скажет? Кто раскрывает перед своими противниками свои политические „карты“? Здесь говорили: нужно действовать, нужно идти вперед, а не ограничиваться одними словами. Мы все люди военные, некоторые из нас может быть командовали частями. Скажите, какой военачальник без предварительной военной подготовки поведет людей в бой? Сначала готовят своих людей, изучают противника, находят его слабые места, и только тогда идут в бой. Так и мы, самостийники. Нам необходимо предварительно самим политически подготовиться, также подготовить других, изучить противника, заручиться союзниками, попутчиками, и только тогда, когда мы достаточно подготовимся, пойдем в бой. Но пойдем не за Россию, а за свободную, независимую родную Казанию!

Так как в выступлениях противников В. К. не было ни одного довода, который требовал бы более или менее серьезного возражения и так как времени оставалось немного, то другие вольные казаки, желая оставить больше время докладчику для заключительного слова, отказались от своих слов.

Молодой докладчик (ему всего 29 лет) в своем заключительном слове, продолжавшемся почти час, проявил блестящие ораторские дарования, большое полемическое искусство, остроумные сравнения, легкие, блестящие парирования „ударов“ противников, подкрепляемые разносторонним и глубоким знанием казачьей истории, меткие и уместные цитаты из трудов различных ученых в полемической части с противниками и высокий душевный подъем, пафос, глубокая вера в части защиты и утверждения своей положительной программы производит на слушателей сильное впечатление. Аудитория — противники с унынием, м. б., с внутренней злобой, а свои с большим моральным удовлетворением — но вся с глубоким интересом и напряженным вниманием выслушала блестящее заключительное слово молодого казачьего историка.

Собрание продолжалось шесть с лишним часов.

Один донской офицер-инвалид мне потом говорил, что слова докладчика его душа воспринимала, как живительный бальзам и этого заряду теперь хватит, мол, на очень много. Другой донской сотник, очень строгий к такого рода выступлениям вообще, говорил: а как было хорошо, как стало хорошо на душе...

Дай Бог Казачеству побольше таких сыновей. А молодому историку — здоровья, ибо энергии, знания казачьей истории, желания работать и развиваться у него достаточно. Побольше таких молодых сыновей и Казачество никогда не умрет!

На докладе, среди других, присутствовали: редактор „В. К.“ И. А. Билый и проф. С. Г. Сватиков.

(Соб. кор.)

Р. С. В предыдущей моей корреспонденции из Парижа, помещенной в „ВК“ (стр. 30, правый столбец, 15 стр. сверху) вкралась маленькая неточность. Напечатано: „Некоторые каз. общ. орг., как, например, Кубанская станица, Донская станица, О-во рев. Каз.,

определенно решили не принимать участия". Следует читать: не „Кубанская станица“ (т. е. в смысле сбора станицы), а правление Кубанской станицы решило не принимать официального участия, не запрещая отдельным своим членам участвовать“... (Соб. кор.)

Напоролся!

Садиться в лужу — занятие очень неприятное, но тем не менее есть еще очень много людей, которые любят иногда садиться добровольно в лужу. Такой казус произошел недавно и с ген. Богаевским в Париже. И вот как это произошло.

Донская станица в Париже 3 мая произвела переборы членов правления, о чем, соблюдая корректность, донесла Донскому Атаману. На это последний ответил своим письменным „приказом“ о не утверждении Балинова помощником ст. атамана, с предостережением произвести новые выборы помощника, о предоставлении ему списка всех членов станицы и т. д.

По этому поводу в Биянкуре 30 августа состоялся сбор станицы, который обсуждал этот атаманский ответ, — так резко поставленный Богаевским принципиальный вопрос: защищают ли вольные казаки казачьи интересы, или они предают эти интересы, как думает Богаевский?

Доклад сделал атаман станицы под'есаул Трофимов. Перед обсуждением вопроса, по существу выставленных Богаевским трех пунктов „обвинений“: ложь и клевета в статьях; „польские деньги“ и разлагающая работа, — дал подробное объяснение Балинов. В горячем обсуждении всего вопроса приняли участие: Лебедин, Февралев, Сидоров, Евтухов, Сафонов, Скобелин и др.

Станичный сбор, после всестороннего обсуждения вопроса, принял следующее постановление:

„Сбор слушал и обсуждал нижеследующий письменный ответ Донского Атамана Богаевского на рапорт атамана станицы о состоявшихся переборах членов правления станицы: — „Ваш рапорт № 10 получил. По отношению к вам, Колесову и Тульцеву я соглашаюсь с выбором станичного сбора. Но что касается вашего помощника г. Шамбы Балинова, то его выбора я не утверждаю. Причину этого моего решения вы должны хорошо знать, и я удивляюсь, что станица, желающая быть в моем подчинении, как Донского Атамана, — могла допустить выбор Балинова на такое почетное место, хорошо зная, что вся его деятельность, на польские деньги, направлена во вред истинным интересам Казачества и, кроме того еще, зная — какой наглою ложью и грязью он обливает имя Войскового Атамана в своих писаниях. Предлагаю вам, в ближайшее время, произвести переборы вашего помощника и донести мне о вновь избранном, а также составить список всех членов станицы. Ген. Богаевский.“ —

И, принимая во внимание:

1) что сбор станицы избрал Балинова „на такое почетное место“ — помощника станичного атамана, хорошо зная его политическую деятельность;

2) что во всех своих печатных выступлениях Балинов более чем кто бы то ни было придерживается правды, для некоторых может быть и неприятной;

3) что политика направленная исключительно на возвышение казачьего имени, говорящая о казачьей правде, бескомпромиссно защищающая жизненные интересы Казачества ни в коем случае не может квалифицироваться, как „направленной во вред истинным интересам Казачества“;

4) что указание на „польские деньги“, как на источник и мотив деятельности Балинова, недостойно серьезного человека, ничем не доказано, исходит только из личного „убеждения“ говорящего. Кроме того, стоя на той позиции, что для освобождения и возрождения Казачества допустима всякая внешняя помощь, кроме большевицкой;

5) что честность, чистая идейность Балинова, бескорыстное его служение идее освобождения и возрождения древнего Вольного Казачества не подлежит никакому сомнению;

6) что рапорт атамана станицы Донскому Атаману ничуть не означал желания подчинить ему всю станицу, а являлся лишь данью уважения старой казачьей традиции, преклонением перед высоким атаманским символом;

7) что слова Атамана Богаевского „вашего помощника г. Балинова, то его выбора я не утверждаю“, а также его требование произвести новые выборы, представить полный список всех членов станицы являются нарушением славной старой казачьей традиции, воскрешает эпоху „наказных атаманов“, насилию волю станичного общества. Больше того: даже и в эпоху „наказных атаманов“ выбор помощника станичного атамана не нуждался в утверждении наказного атамана. —

Принимая все вышеизложенное во внимание, станичный сбор постановил:

а) перебора не производить; Балинова оставить на старом месте;

б) никаких списков членов станицы никому не представлять. —

Так спокойно и достойно, с сознанием своей правоты, ревниво оберегая прерогативы и волю станичного общества, станичный сбор Донской станицы в Париже ответил ген. Богаевскому, в своем слепом озлоблении против самостийников забывшему древние и славные казачьи традиции, в свободной Франции желающему оживить и воскресить умершие, недоброй памяти, обычаи и порядки эпохи „наказных атаманов“!

Кроме того, станичный сбор решил устраивать собеседования по казачьим вопросам.

На первое время намечены пока следующие беседы:

1) А. Н. Трофимов — „Географическое и экономическое положение Казачьих Земель“.

2) И. Г. Сафонов — „К вопросу о восстании Верхне-Донцов. Его причины, условия борьбы, достижения; отношение командования Донармии к руководителям восстания и результаты такого отношения“.

3) И. А. Скобелин — „Политика б. казачьих официальных „вождей“ и ее результаты“.

4) Ш. Н. Балинов — „Чем стало Казачество. Причины и способы подавления казачьей независимости, течение борьбы Казачества с Москвой и Петроградом за свою свободу и ее результаты“.

И др.

Также предполагается приглашать для чтения докладов-собеседований лекторов из среды других народов — украинцев, горцев и т. д.

На сборе с искренним огорчением казаки говорили о новой затее создания какой-то „общеказачьей и русской кассы взаимопомощи“, в каковой затее не беспричастна и фирма „Мельников и Ко“, инициаторы коей зовут к себе казаков „всех казачьих Войск“.

Существует в Париже старая „Кубанская касса взаимопомощи“, уже оказывающая своим членам существенную помощь. Что же, кубанцы во имя создания какой-то общеказачьей кассы вместе с русскими, под эгидой Мельникова, должны разрушить свою старую организацию? Какой злой дух руководит фирмой „Мельников и Ко“, каждый шаг и действие которой направляется к разрушению, развалу всего, самими казаками созданного, к самоорганизации, самостоятельности и взаимопомощи направленного?

Соб. корреспондент.

От ред. Так как в вопросах утверждения или неутверждения станичной или хуторской администрации В. Атаманами часто действительно многое идет далеко за практику наказных атаманов, то будет не лишним напомнить всем казакам, что согласно напр. Донской Конституции (Конституции В. Атаманами не исполняются вообще, очевидно „принципиально“) станичная администрация никакому утверждению не подлежит. Ниже приводим ст. 89 Д. Конституции:

„Станицы управляются выборными на три года станичными атаманами, волости — выборными на таких же основаниях волостными старшинами, хутора — хуторскими атаманами и села — сельскими старостами избранными, на тот же срок, без представления их к утверждению в должности“.

„Родимый Край“.

(Из Нью-Йорка).

... Недавно один из казаков здесь получил письмо от „центра“ Казачьего союза с мольбой — „выручайте!“ Письмо это меня не удивило, не поразило, а вызвало всего... улыбку, как подтверждение моего прежнего по этому поводу мнения.

И вот теперь „их“ обращение за подписью А. П. Богаевского, Н. М. Мельникова и проф. Маркова, где говорится: журнал („Р. К.“) только частично покрывается подписной платой, а вольная продажа совсем ничего не дает, — где продавались журналы десятками, там теперь трудно сбыть единицы... Вывод отсюда такой: „Р. К.“ влачит жалкое существование. Почему? А за ответом ходить далеко не нужно: кому интересен такой журнал, если в нем кроме грызни и в том же духе „материальчика“, изредка-редко промелькнет вещь хоть скольконибудь обращающая внимание читателя...

... Хорошо, что представители „Р. К.“ предупредили всех и сами о себе сказали правду. Нельзя ли им теперь предложить „кредит“ от Сиамского короля — кстати, деньги у него есть...

(Соб. кор.)

Казак в Эквадоре.

Редакция „В. К.“ получила недавно от станичника Василия Ковалева из Эквадора его брошюру на испанском языке. Брошюра эта включает содержание докладов и конференций автора, которые он имел в течение апреля, мая и июня месяцев в городах Эквадора на политические и теософские темы, посвященные прежде всего коммунистической опасности. Выступления нашего соотечественника, судя по приведенным в бро-

шюре отзывам печати, имели огромный успех. Само собою разумеется, что тамошние коммунисты обливали г. Ковалева достаточно усердно грязью.

О степени успеха станичника Ковалева свидетельствует уже то, что сама брошюра издана на настоящие предложения самых разнообразных кругов эквадорского о-ва.

Мы бы пожелали только, чтобы станичник Ковалев в своей деятельности не забывал и казачьего вопроса.

От редакции.

К нам обращаются читатели „В. К.“ с вопросом о том, как относиться к т. наз. „войсковому празднику“ 5 (18-го) октября.

— В прошлые годы мы неоднократно разъясняли уже, что день 18 октября (5 окт. по ст. ст.) не является никаким казачьим праздником. В прошлом это был день тезоименитства покойного наследника Алексея и день этот сделали „войсковым праздником“ и заставляли праздновать его казачьи воинские части.

Праздновать этот день сейчас казакам не имеет никакого смысла. У Казачества есть свои дни, действительно казачьи праздники, которые можно праздновать. Таковы: старый действительно общеказачий праздник Покрова Пресвятыя Богородицы 14 октября (1-го ст. ст.). Кроме того, донцы, напр. могли бы с большим успехом установить свой праздник на 28 сентября (15 сент. по ст. ст.) — день принятия Конституции 1918 года. Кубанцы поняли свою Конституцию 18 декабря (5-го по ст. ст.), значит этот день могли бы выбрать за свой праздник.

Мы же, вольные казаки, будем праздновать свой праздник 10 декабря.

В Казакии.

Письма с родины.

I.

Уважаемый Господин Редактор!

Для сведения и „руководства“ господим „расейским“ казакам прошу напечатать письмо с Кубани о „работе“ московских оккупантов в казачьих краях.

Письмо пишет мой приятель, казак соседней с У. станицы, при чем казак казачий, а не „руськай“! Вот оно:

Дорогой Г. Л.! Блукаю по кубаньских станицах, заїзжаю на Дон, Терек, був і за Каспієм аж в Александровске. Мало осталось козаків на козачі землі, багато уже в землі, а ті, шо остались на поверсі, ходять по лісах Северо-Двинського края, якшо тіки ходять. В У. заїзжав і думав побачити твого батька тай писнуть тобі. Лише вже не побачив нікого. Один Ванько ходить по дворі босий, без штанів, а йїсти як дасть Ф. С., так і добре. Батька твого арестували ноччу 30 января і погналі в П., продержали 3½ місяця і погналі в Краснодар, там осудили на 10 літ в Северодвинський край ліс рубать. Разом взяли К. Степана, Кузьминоного батька, Д., С. С., М. Ф. — шалапута, М. Ч. і навіть І. П. шо колись роспинався за большевиков. Цього йому не сталосяб, як би він не був козак. Кузьма взяв С. і маму и „покомандирувався“ за К... Адрес, як узнаю, то пошлю тобі.

От до чого дожились кубанці. Взяли кацапи козаків в лапи, та чи пустять живих?

Як можеш, пошли Ванькові шгани й яки небудь чоботи, та не пиши йому нічого „политического“, бо ти сукниисини не подивляця, шо він каліка, — не подивились-ж на 70 років твого тата...

Пиши, я прочитаю „як треба“, та пиши, чи побачимось, ми віremo, а чи ви там вірите? ми ж тільки на вас надіємось...

Твій Я...

Письмо переслал с казачьим приветом

Г. Л. Еременко.

II.

Письмо казака (эмигранта) хуторскому Атаману.

Многоуважаемый Яков Иванович!

В последние месяцы я получил несколько писем из С. России и хочу поделиться с Вами своими впечатлениями. Сведения весьма неутешительны и даже больше — сведения страшны.

В первом письме пишут, что казаки моей станицы целиком „переменили местожительство“, так и пишут в письме: „переменили местожительство“. Получается такое впечатление, что добровольно решили оставить свою родную, милую станицу и уехали... Куда? — В Сибирь, в холодную Пермскую губернию, в приуральские шахты и, посчастливей, в Донецкий бассейн. „Уехали“ не только работоспособные, а все: старики, женщины, дети. Как пример, могу сказать, что вместе с другими „переменил местожительство“ и мой отец — 67 лет, мать — 60 лет и брат — 15 лет. Сослали их без надежды вернуться обратно. Пишут про мою станицу, а про другие станицы, говорят, легко догадаешься. Значит, имею основание предполагать, что и с другими станицами и с целой нашей родной Кубанью случилось то же самое; то есть, миллионы людей, мирных, трудолюбивых, самым жестоким образом, при неизвестном еще в истории насилии, ограблены и обращены в настоящих пожизненных белых рабов. С чем можно сравнить такое страшное насилие?

В Америке, когда-то, черных рабов заставляли работать и непокорных наказывали кнутом. Здесь, в советском раю, несчастных белых рабов подгоняют на работу, кроме нагайки, прикладами и штыками, а мало-мальски непокорных ожидает одно — моментальная смерть, смерть без суда. Во времена крепостничества, крепостной мог откупиться, а здесь и это право не существует, а есть только одно положение, одно определение для нескольких миллионов людей: „вас мы обрабаем в вечных рабов, лишаем вас всяких человеческих прав, оставляем вам только одно право — уме-

реть. Последнее даже вам рекомендуем, так как если вы сами не умрете, то мы вас умертвим голодом, холодом, нечеловеческими мучениями, непосильным невольным трудом“.

Зачем их сослали в уральские края? И на этот вопрос мне отвечают с одной стороны очень остроумно, а с другой — чтобы не обидеть и не очернить свободолюбивую советскую власть: „Уехали затем, чтобы усовершенствоваться в лесорубке“. Хочется пояснить, что миллионы людей командированы на практические курсы по лесорубке и добавит, что отлично окончившие курсы даже получают награды... на том свете. А большевики скрывают от целого мира, что в СССР есть настоящее пожизненное рабство нескольких миллионов людей и везде их газеты пишут, что в их раю принудительного труда нет. А культурный запад и Америка не протестуют особенно, потому что их интересы еще не страдают: „моя хата с краю — ничего не знаю“.

В других местах СССР коммунисты предлагали предварительно населению записаться в колхозы, а на Кубани не было никакого предложения или предупреждения. Коммунистическая власть решила, что казаки „непоправимы“ и поэтому были взяты страшно жестокие нечеловеческие меры. Станицы в ночное время окружались военными коммунистическими частями, вооруженными до зубов, и жителям предлагалось в 2-3 часа с мешками на плечах, с женами и детьми явиться на ближайшую станцию.

Представьте себе плач, стон и скрежет зубов... Нет, никакими красками и никакой художник не может нарисовать картину такого страшного народного бедствия! Обидно становится, что наша заграничная пресса недостаточно подымает шум в газетах и в литературе. Заграницей не знают и одной сотой того, что делается в С. России.

Сейчас мне остается вкратце описать положение несчастных рабов на самом месте ссылки. Для этого я лучше всего напишу Вам точную копию письма моего отца к моей сестре (в С. России). Письмо весьма красноречиво рисует жизнь „переселенцев“ или вернее положение белых рабов в советском раю.

„1931 г. 5 июня. Здравствуй дорогая дочка А. Уведомляю мы, что письмо мы твое получили и посылочку, за что остаемся очень довольны. Когда получили вашу посылку, то сильно заплакали, — неожиданный гостинец. Мы думали, что нас совсем забыли, а теперь чувствуем твою любовь к нам. Теперь, дорогая дочка, сама знаешь, за что мы пошли страдать, за то, что день и ночь заботились обо всем, чтобы кормиться... Засчитали нас кулаками и сослали нас в Уральский дальний край; где уже две зимы мы переносим сильный холод и голод и работаем тяжкие работы под надзором милиции. Хлеба дают печеного трудоспособному 2 фунта в сутки на едока, а нетрудоспособному 1/2 фунта на день муки, в месяц 15 фунтов. Больше ничего не дают, приварку никакого и нигде ничего достать нельзя, страна такая, что ничего не родит, одна картофель доспевает и то мало сдают, купить очень дорого — 3 рубля ведро, у кого есть что из одежки или рубашенки, то выменивают то картошку, то муку, а у кого нет, то пухнут с голоду. Дорогая дочка, у нас дома все забрали, даже подушки и попонки, повезли нас на дальний холодный край, где нам незачто выменять куска хлеба, все мы попроели, что у нас было из дому, более из материных лахматов, оставшихся от грабежа. Теперь живем голые и босые на конце гибели, одежды и обуви нам не дают, летом ходим в лаптях и зимою другой обуви не достанешь нигде; в кооперации нам не отпускают ничего. Дорогая А., может вам доступно, то пришли материи хоть на колесо или готовые, да брату на рубашку. Он несчастный страдает еще больше нас, его от нас взяли и угнали за 100 верст от нас на заготовку леса, где ему приходится переносить сильные морозы, поотморозил на руках пальцы и мы его не видим, только слышим, что жив; мать плачет день и ночь, но ничего не подделаеться.

Зима здесь продолжается 9 месяцев, снег с 1 сентября, да такой — в 2 аршина глубокий; дороги де-

лаются узкими, как свернешь, так не вылезешь, как в воду влезешь.

Первое время нас привезли в город Чердан, где расположили по квартирам и прожили мы там 5 месяцев; потом нас увезли в деревню П., где мы прожили 9 месяцев, а теперь перевезли в глубь дремучего леса в бараки, такие хатки тесные и негодные для жилья и поставили по 12 человек в каждый барак и гоняют на работу рубить дрова, а чтобы ни один человек не сидел, дрова рубим от куб. метра, три кубометра на день на человека, а если не выработаеть нормы, то и не дадут хлеба... Я хожу на работу, изнурен, едва живой, а так же и мама — одни мощи...

С тем остаемся...“

Вот как живут честные и трудолюбивые люди в советском раю. Уважающий Вас...

III.

1931 г. 22 августа. Здравствуйте дорогой папая, впервых строках моего письма спешу уведомить вас в том, что жив здоров, но жизнь моя незавидная, работаю и краю моей работы не видно. Письмо я ваше получил, за которое от души благодарю и очень рад, что вы ко мне хоч письмом отзываетесь. А затем вы нас спрашиваете о многом, от ничего не знаем, вам видней, потому что мы стали и слепы и глухи, так что, вы больше знаете, чем мы, то будьте добры, если будете писать, то напишите, то и мы будем знать, а как нельзя, то не надо, лучше больше не знать, чем знать.

А затем вы нас спрашиваете, что и почему, то мы вам объясним, что почему: пуд муки 40 рублей, фунт масла 3 р. 50 коп., сала нет, мяса нет, мануфактуры недостаточно. Сахару тоже недостаточно, пара сапог 65 рублей, брюки самые дешевые 10—11 рублей, а то и выше.

А затем вы спрашиваете за дядьки, то я вам опишу дальше, где они находятся. Сообщу за дядька Ивана, они были в Сальском округе, Донской области, а потом як дернули разбежаться, так аж опынылись на Кубани, но только не в своей станице, потому что их не примут и им места нет, то они и скытаються як руди мыши по чужим станицам, за кусок хлеба работают. А зима Бог зна що скаже. А Сонька и дядько умисти с дитьми, а Тарас лита по билу свиту, а жизнь их хуже цыганской, цыган хоч квартиру найме, та буде жить, а у них нищо, они все разгубили по дорози, осталось шо на них, то их, та куча дитей голопузых, бильше ничого. А в хозяйстве нашем осталась только велика хата, а то бильше ничего, так шо дильгять теперь вам буде ничего, как это говориться, а наживать теперь не приходиться, а придется жить по пролетарски, абы було де душу нагрить, а за прочее не думай. А затем я сообщу за дядю Г. — их выслали с одним сыном, который находится при них, та двичата, т.е. у них семь пять душ, но дядя от ревматизма лишился руки и теперь он калека. Их сначала поселили в Ставропольской губернии, дали пожить там несколько, а потом повезли на Урал, где ночи — один час, а то все день и они нам пишут, что им там очень плохо, сидят в бараках, но наверно они еще не на месте, потому что бараки не отопляли и как видно там они на время. А мистность у них лис, та чисте небо. Так что можно судить, что бильше с ними не видаться, потому что судьба разбросала родных по всему свету.

А пока уже нечего писать, то примите от меня привет, я пока жив, чиво и вам желаю папе и маме и маленькой сестренке Нюсе, если она жива. До свидания, ваш сын Александр...

По советским газетам.

Оккупанты „хозяйничают“ в наших Краях „во всю“. Хозяйничанье это сводится к тому, что население (горе побежденным!) заставляют работать до изнеможения, а потом забирают себе (советскому государству!) продукты его труда. Само население может потом... не есть, не пить, страдать от голода и холода и — прославлять власть...

„На хлебном фронте“.

Из „Молота“ от 29 августа узнаем, что Шахтинский район сильно отстает по хлебозаготовкам. В ряде сел заготовки идут самотеком. Некоторые колхозные и станичные организации занимаются дискуссией по вопросу о реальности „планов“. В станице Ольховской дискуссия возглавляется секретарем ячейки Петуховым и председателем стансовета Щелоковым, под влияние которых подпали и председатели колхозов: Рыбалкин и Февралев. Оппортунисты добиваются снижения плана, хотя он является вполне реальным. Петухов на заседании президиума сельсовета прямо заявил: „план нереален и я его выполнять не буду“.

В том же номере „М.“ читаем, что руководство совхоза Сортсемтреста „Кубанская степь“ (Каневский район) не борется за сохранение урожая от потерь. Наблюдаются прямо таки преступные факты бесхозяйственности и разбазаривания зерна. В совхозе не было организовано сгребание колосьев, зачастую лошадей кормят зерном. Заскирдована незначительная часть скошенного хлеба.

Сам „М.“ приказывает: „повысить темпы хлебосдачи в зерносовхозах края!“ Здесь же узнаем, что июльский план хлебозаготовок по совхозам края не был выполнен. Однако, урок из июльского прорыва не изучен и самотек в выполнении плана хлебосдачи совхозами края не ликвидирован.

На 25 августа план по совхозам выполнен на 33%.

В результате — позорные прорывы по Чеченскому зерносовхозу № 15. В совхозе скирдование срывается, хлеб лежит в копнах, разбросан, солома темнеет и копны прорастают. Двухсменная работа молотилок и комбайнов не налажена. 19 молотилок и 60 комбайнов работают неполной нагрузкой. С учетом труда и рабочих рук в совхозе творится полнейшее безобразие. Дирекция не знает, сколько рабочих работает сейчас.

Кубанский зерносовхоз в первую пятидневку августа отказался возить зерно на Бело-Глинский элеватор за 12 километров, но зато дирекция распорядилась возить зерно на элеватор Ровное, за 50 километров, что вызвало лишнюю работу и пробеги машин.

Давно уже известно, что работа из под палки никогда не была продуктивной. Не составляет исключения из этого положения и палка советская. Напр., в том же „М.“ читаем: Новочеркасскому району предстоит убрать 14.700 га пропаших. Намеченные планом сроки уборки давно прошли, между тем, массовая уборка еще не развернута. Только три сельсовета приступили к уборке подсолнуха, остальные к уборке не готовы.

Райзо, разослав план уборки, считает свои обязанности законченными. Это руководство „с воздуха“ грозит большими потерями урожая подсолнуха. Со стороны МТС ничего не сделано для приспособления лобогреек к уборке подсолнуха.

На следующий день, 30 августа, „М.“ „бьет тревогу“: „на учет каждый час!“ ибо на хлебном фронте неблагоприятно: многие районы все еще отстают. Основной причиной отставания является плохая организация вывоза хлеба, неумение увязать сдачу хлеба со скирдованием и молотьюбой.

Ряд районов не выполнил директивы Крайкома партии об окончании скирдования к 25 августа. К числу их относятся: Тагинский район, Сулинский, Шахтинский, Прохладненский, Прикумский, Воронцово-Александровский, Моздокский. Южные районы, которые должны заскирдовать весь хлеб не позднее 1-го сентября, до сих пор не добились перелома в этой работе. В ряде станиц местные организации не принимают никаких мер, чтобы по-ударному провести скирдование, считают скирдование в условиях Кубани необязательным.

Такие оппортунистические выступления против скирдования недавно имели место на пленуме Елизаветинского сельсовета, Краснодарского района. По этому району не заскирдовано еще более половины скошенного хлеба. Таким образом, Краснодарские организации, несмотря на ряд предупреждений, не сломали еще саботажа скирдования. Почти полное бездействие в скирдовании в Славянском районе, Тимошев-

ском, Каневском, Кореновском, Приморско-Ахтарском. В Тихорецком районе не свезено в скирды еще около половины скошенного хлеба.

Ряд районов не развернул молотьюбы — Мрзовский, Обливский, Брюховецкий, Ново-Покровский и др.

Три наиболее крупных колхоза Тагинского района сильно отстают в скирдовании и обмолаоте.

Два процента скирдования. Вот итог „борьбы“ за скирдование в Приморско-Ахтарском районе.

Приморско-Ахтарский район, один из районов края, где с самого начала уборочной кампании и до последнего времени не изжитая явная недооценка местными организациями скирдования, как важнейшего мероприятия в борьбе с потерями урожая, за темпы уборочной и обмолаота.

Несмотря на решения Крайкома от 24 августа о молотьюбе со скирды, колхозы района полностью на молотьюбу со скирды до сего времени не перешли, а некоторые работники собираются пока „лишь изучить условия“ молотьюбы со скирды. Выполнение же директивы Крайкома недопустимо затягивается. Районные организации игнорируют опыт молотьюбы со скирды.

Того же 30 августа в „К. З.“ тоже признаются, что „Краснодарский район позорно отстал в скирдовании“.

В том же „К. З.“ 2 сентября признаются, что:

„На 1-е сентября план хлебозаготовок выполнен на 56 процентов. Мы не выполнили взятого обязательства по краевой хлебной эстафете. Это объясняется тем, что станичные организации недостаточно развернули массовую разъяснительную работу, не рассказывали колхозникам, беднякам и середнякам-единоличникам о значении хлебной эстафеты, не возглавили энтузиазма трудящихся на досрочное выполнение годового плана хлебозаготовок.“

Отстают станицы: Н.-Мышастовская (43 проц.), Динская (46 проц.), Елизаветинская (47 проц.). Здесь несмотря на неоднократные указания районных организаций, перелома нет. Эти станицы тянут весь район книзу.“

Неудовлетворительно и с табаком. Из „М.“ от 29 августа узнаем, что:

„По Белореченскому району заготовка табака происходит неудовлетворительно.“

Райколхозсоюз, Союзтабак и партколлективы не сумели использовать опыт работы по уборке и заготовкам передовых колхозов района.

Не справился с заготовкой и уборкой табака и Черниговский табаксовхоз. На 20 августа из 720 га посаженного табака убрано первой лопки только 99 га. Августовский план сдачи табака под угрозой срыва.

Главной причиной отставания района в уборке и заготовках табака является нежелание и неумение сочетать работу по хлебозаготовкам и обмолаоту с уборкой и заготовками табака. В колхозах станиц Бжедуховской, Рязанской, Белореченской, Пшехской табачные бригады организованы исключительно из стариков и старух, не способных к работе. В связи с этим в колхозе № 2 ст. Рязанской десятки лучших табаков представлены гибели. Табачная листва перезревает и сохнет. Случаи перезревания табака, а, значит, и его гибель, в районе не единичны. Перезревают табак в селах: В.-Дашковском, Леонтьевском, ст. Белореченской, Пшехской и Черниговской. И, наконец, сотни га табака перезревают в Черниговском табаксовхозе.“

Через три дня там же читаем:

„В заготовке табака по краю за последнюю пятидневку августа нет сдвига. На 1 сентября годовой план заготовок выполнен на 17,8 процента. Рост за пятидневку—6,8—совершенно неудовлетворителен и показывает, что местные партийные и советские организации еще не учли важности досрочных заготовок табака.“

С мест поступают сигналы из решающих районов о крайне низких темпах лопки. В ряде колхозов и районов отсутствует шпагат для низки. Между тем, Анапскому району еще 21 июля было отгружено 1100 килогр. шпагата. В Славянском районе также нет ни одного килограмма шпагата. Особо тревожное положение в Баталпашинском районе. Району было отгружено 1500 килогр. шпагата, но он шпагата не получил, несмотря на то, что со времени отгрузки уже прошло 39 дней.“

На Дальнем Востоке.

Казачий вопрос в разрешении харбинской рабоче-крестьянской-казачьей партии.

Передо мной небольшая брошюрка на дешевой бумаге, в тоненькой серой обложке. Прислана она из Харбина. Непрезентабельный вид несколько не гармонирует с претенциозным заглавием: „Учение — свет. Учение — сила и право народа“. Ниже: „Платформа и основы принципов и идеи Рабоче-Крестьянской-Казачьей Партии“. В скобках: „Сборник лекций политической науки. Книга I. 1931 г.“

Надо беспристрастно сказать, что сами „лекции по политической науке“ изложены весьма элементарно и не всегда удачно и особенного интереса не представляют. Это что-то вроде „политграмоты“ для малограмотных. Некоторого внимания читателей „В. К.“ заслуживает „лекция — 6, прочитанная И. К-вым на тему: Казачество и Казачья Партия“.

На протяжении половины своей лекции, опираясь на исторические данные новейших времен, лектор развив мысль о Казачестве, как о совершенно особой народности, отличной от русских, имеющей свою историю, свой особый быт, экономику, психику, территорию, армию и все пр., а потому имеющей все права на государственное самоопределение.

Дальше, приблизительно еще на одной четвертой, беспощадно, в довольно сильных выражениях, раскрывает преступную политику всех русских правительств в отношении Казачества и, отсюда, исторически, политико-экономически оправдывает и обосновывает движения Разина, Пугачева, Булавина и, в довершение всего, причину поражения Казачества в борьбе с большевиками он видит в роковой связи его с Деникиным и Врангелем. При этом устанавливает явное тождество и преемственность в приемах в отношении Казачества Петра I, Екатерины II, Керенского, Деникина и большевиков, которые выражаются в неизменном стремлении к эксплуатации и уничтожению Казачества.

И под конец, на стр. 51, лектор говорит: „Надо разбудить у Казачества национальное чувство, чтобы идея Вольного Казачества впиталась в кровь и плоть, в мозги сознания, чтобы каждое сердце казачье овладела Воля и Свобода!“

Но, все это оказывается лишь только для того, чтобы: „Казачество, как партия, на равных началах, вошло в состав: Рабоче-Крестьянской-Казачьей Партии“, чтобы в будущем войти в состав „Федеративной России с президентом во главе“.

Тут же лектор оговаривается, обращаясь к русским рабочим и крестьянам, что если этого не будет, то, мол, Казачеству остается единственный путь: „Это — САМОСТИЙНОСТЬ.“

— Это называется — правильно установить диагноз и сделать неправильный прогноз. Лектор, видно, любит Казачество, страдает за него, ищет выхода, но, хотя и читает „лекцию политической науки“, не добывает до конца. К сожалению таких политиков в Казачестве было не мало и раньше. Ведь, собственно говоря, в программе лектора ничего нового и нет. Это то же, что и „Да здравствует Великая Россия и Свободное Казачество в ней“. Это мы читали и в Праге, но занесенный лавиной просыпающегося казачьего самосознания он (лозунг этот) в Европе давно заглох.

Мы вольные казаки, имеем тот же диагноз, но только вывод у нас более логический и, думаем, правильный. Мы — самостийники без всяких „если“. Мы думаем, что если причиной гибели — А является связь с Б, то нужно стремиться уничтожить эту связь. А потом будущее нам покажет с каким соседом в каких отношениях нам быть.

С. Б—в.

Розыски.

Бывший Трех-Островянский станичный атаман Я. П. ГЛАЗКОВ просит своих станичников отозваться по адресу: Jugoslavia, Бела Црква, ул. Неманьина, бр. 17.

Знающих о судьбе АНАТОЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗЕМЛЯНУХИНА прошу сообщить по адресу: Zemljanuchina — Brinech, Nymburk, ul. Mladoboleslavská. Tchecoslovaquie.

ШАМБА БАЛИНОВ.

Чем было Казачество

Вышло отдельной брошюрой
(отдельный оттиск статей из
номеров 82—87 журн. „В. К.“)
Цена 3 к. ч., за границу 3 фр.

Приобретать можно в ред. „В. К.“ в Праге или
у Ш. Балинова в Париже.

В Берлине:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПРИ ИЗ-ВЕ ПИСАТЕЛЕЙ

„А Р З А М А С“

Berlin W 30, Eisenachenstr. 4
Bavaria 7004

поступили в продажу:

„Вольное Казачество“, журнал мк. 0 40
И. Билый: Казачьи Земли (территория
и население) „ 1 50
„Календарь-альманах В. К.“ „ 2 10
Ю. Гончаров. Книга стихов „ 1 25
И. Быкадоров. История Казачества.
Кн. I. „ 2 50
И. Быкадоров. Тимофей Разин. „ 0 85

С октября месяца журнал „В. К.“ будет выходить
два раза в месяц, как обычно.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казак!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.